АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. А. ТУРЕЦКИЙ

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ПРАВА

В. А. ТУРЕЦКИЙ

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1949 Ленинград

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета.

В. И. Ленин

Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса.

И. В. Сталин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой часть одноименной монографии, успешно защищенной В. А. Турецким в 1940 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Автор посвятил несколько лет глубокому и всестороннему исследованию проблемы возникновения и развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на государство и право. Безвременная смерть советского патриота, с первых же дней Отечественной войны ушедшего добровольцем на фронт, прервала настойчивую и плодотворную деятельность В. А. Турецкого — ученого-комсомольца — в момент полного расцвета его творческих сил.

Несмотря на незавершенность исследования отдельных вопросов обширной темы, труд В. А. Турецкого в целом, несомненно, представляет собой ценное монографическое исследование в высшей степени интересной проблемы генезиса и развития марксистско-ленинской науки о государстве и праве.

Работа покойного В. А. Турецкого была подготовлена к печати до второй мировой войны, восемь лет назад. Автору не пришлось быть свидетелем тех величайших исторических событий последнего времени, которые принесли с собой новое блестящее подтверждение правильности и жизненности гениального учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о государстве, и вновь показали обреченность буржуазного общественного строя, реакционность империалистического государства, притом не только в его фашистской, но и в псевдодемократической форме. Эти события показали отвратительное обличье разного рода «критиков» марксистско-ленинского учения о государстве, заклятых и подлых врагов социализма, апологетов капиталистического рабства — всех презренных блюмов, реннеров, спааков и пр.

События последних лет не могли, к сожалению, найти свое отражение на страницах публикуемой книги.

Автор не осветил с достаточной полнотой некоторые вопросы марксистской теории государства, в частности вопросы о роли социалистического государства в преобразовании экономики, об отмирании государства при коммунизме, о критике буржуазного парламентаризма и др. в связи с тем, что он намеревался их дополнительно осветить в последующих работах.

Обращаясь к критике гегелевской философии Марксом, автор не везде в достаточной мере подчеркивает реакционную сущность учения Гегеля, являвшегося аристократической реакцией на французский материализм и французскую буржуазную революцию конца XVIII в.

Но эти и некоторые другие недостатки не умаляют значительных достоинств работы — правильности в основном трактовки излагаемых автором вопросов, боевого, наступательного духа книги.

Мы надеемся, что эта книга поможет советскому читателю в изучении творческого наследства классиков марксизма-ленинизма. Она представляет интерес и для научных работников и преподавателей в области теории государства и права.

Институт права АН СССР

Глава первая

ГЕНЕЗИС МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

I. Краткая характеристика исторической обстановки

Первые четыре десятилетия XIX в. были переломными в экономической и политической жизни стран Европы. Подъем капиталистической промышленности в Англии, Франции и Германии неизбежно приводил к обострению классовой борьбы, к росту пролетарского движения.

Чтобы отвлечь пролетариат от революционной борьбы и использовать активность рабочих, английская буржуазия вовлекла рабочий класс в борьбу за парламентскую реформу. Но избирательная реформа 1832 г. (The Reform Akt of 1832) была осуществлена исключительно в интересах буржуазии. Более того, пришедшее к власти новое буржуазное правительство рядом мер резко ухудшило положение рабочих. Затяжной промышленный кризис вызвал безработицу и нужду, достигшие огромных размеров. Все это вело к новому обострению классовой борьбы и подъему чартистского движения.

Серьезный революционный кризис назревал во Франции. Переход политической власти в годы Июльской монархии (1830—1848) к блоку финансовой и промышленной буржуазии ознаменовался усилением эксплоатации рабочего класса, ухудшением положения городской мелкой буржуазии и крестьянства, а в итоге — общим обострением борьбы классов. Об этом свидетельствовали лионские восстания рабочих 1831 и 1834 гг., революционные выступления в Париже, не говоря уже о выступлениях многочисленных мелкобуржуазных и полупролетарских организаций.

Еще более противоречивым и сложным было положение в Германии. «В то время как в Англии и Франции феодализм был окончательно разрушен или, по крайней мере, низведен, как в первой, к немногим незначительным остаткам могуще-

ственной и богатой буржуазией, сосредоточенной в больших городах, в частности в столице,— в Германии феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старых привилегий». «Буржуазия в Германии была далеко не такой богатой и сплоченной, как во Франции или в Англии».[1] Огромная масса всего остального населения «состояла в городах из класса мелких ремесленников и торговцев, с одной стороны, и рабочих — с другой, в деревнях — из крестьянства».[2] Но это была еще неорганизованная и мало концентрированная масса.

Такое соотношение классовых сил и обусловливает политический строй государств, входивших в Германию, в том числе Пруссии. Абсолютизм со свойственным ему всесилием бюрократии, произволом и террором сковывал всякий прогресс, всякое движение вперед в области экономики, политики и культуры. Сельское хозяйство и торговля были связаны феодально-крепостническими путами. Принудительный контроль правительственных чиновников тормозил деятельность торгово-промышленных предприятий. Жесткая цензура, осуществляемая теми же чиновниками «во славу религии и государя», превращалась в барьер, у которого должна была остановиться в своем развитии культура германского народа. Сословные представительные учреждения (ландтаги) были придатком к абсолютистской государственной машине; защищая сословные привилегии, они вместе с тем содействовали абсолютистскому правительству в проведении его реакционной политики. Ни о какой конституции, демократии и свободе (даже формальной) не могло быть и речи. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV говорил, что он не нуждается в народном представительстве и конституции, ибо он «...правит по собственному усмотрению...»[3]

Германская же буржуазия, сознавая, что мероприятия абсолютистской власти «...совершенно противоположны тому, что ей нужно было»,[4] оставалась верной своей трусливой половинчатой тактике. Более того, с ростом внутренних противоречий в Германии немецкая буржуазия становилась все более трусливой, слабосильной, неспособной к каким-либо самостоятельным революционным действиям. Развиваясь крайне медленно и вяло, она еще задолго до революции оказалась враждебной не столько прусскому абсолютизму, сколько растущему немецкому рабочему классу. Маркс об этом писал: «Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 17.
[2] Там же, стр. 19.
[3] Там же, стр. 27.
[4] Там же.

медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она видела враждебными себе не только класс позади себя, но и всю Европу перед собою». «Она опустилась до уровня какого-то сословия, противостоящего и короне и народу, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества...»[5] Такой была немецкая буржуазия в начале 40-х годов XIX в. Это состояние полностью отразила немецкая буржуазная идеология описываемой эпохи. Кант и Гегель, затем эпигоны классической философии, были трусливыми филистерами, малодушными во всем, что касалось политической борьбы.

Оппозиционные настроения части германской буржуазии и интеллигенции облекались почти исключительно в форму аполитичной философской литературы, единственная задача которой заключалась в чисто теоретической критике религии. Левые гегельянцы (Штраус, Бауэр и другие) шли по проторенной дороге немецкой буржуазной мысли, не связывали философию с политикой, теорию с практикой. «Вся немецкая философская критика от Штрауса до Штирнера ограничивается критикой религиозных представлений».[6] Более того, из антитеологической критики часто проглядывали явно реакционные политические взгляды, как, например, восхваление монархии Штраусом, реакционная критика «массы» у Бауэра или мелкобуржуазный анархизм Макса Штирнера.

Что касается рабочего движения в Германии, то к моменту вступления Маркса и Энгельса на арену общественно-политической деятельности оно не носило еще сознательного и организованного характера. Происходил процесс превращения германского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Еще в 30-х годах XIX в. можно было наблюдать в Германии «голодные бунты», которые поднимались рабочими под влиянием чудовищной эксплоатации и гнета. Эти выступления, несмотря на незрелость форм, были наглядным свидетельством роста классовой борьбы. Эта борьба обостряется

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 55—56.
[6] Там же, т. IV, стр. 9.

в 40-х годах XIX в., когда немецкий пролетариат все более и более выделяется из состава общей демократической оппозиции и рабочее движение дает о себе знать с каждым днем все ощутительнее и резче. Особенно наглядно это подтвердило восстание силезских ткачей (1844), революционный дух которых воспел Генрих Гейне в своем силезском гимне.

Развитие капитализма породило и развитие присущих ему внутренних противоречий, которые необходимо было вскрыть и научно проанализировать. Это сделали Маркс и Энгельс.

Следует отметить, что в Рейнской области, где родились и провели значительную часть своей юности Маркс и Энгельс, рост внутренних противоречий капитализма обнаружился особенно рельефно. Влияние французской революции в Рейнской провинции было бо́льшим, чем в какой-либо другой провинции Пруссии. Дело не только в том, что здесь произошел процесс соединения раздробленных княжеств и конфискации церковных имуществ, что была проведена на французский лад реформа суда, административного деления и финансовой системы, что был введен в действие «Кодекс Наполеона» и т. д. Все это, хотя и сыграло положительную роль, было в значительной своей части уничтожено при первых ударах реакции. Гораздо более прочное влияние французская революция оказала на рост в Рейнской области капиталистических экономических отношений, которые в свою очередь приводили к неизбежной классовой поляризации и к классовой борьбе. Эта борьба затем захватила всю Германию. Сначала очевидцами, а впоследствии и руководящими участниками борьбы рабочего класса были молодые Маркс и Энгельс.

В 40-х годах XIX в. Германия находилась еще на путях к своей буржуазной революции. Но приближение этой революции ощущалось все сильнее и сильнее. «Германия была чревата тогда, так же как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией».[7] И характерно: хотя Германия этой эпохи была значительно более отсталой, чем, скажем, Англия и Франция, где буржуазная революция уже расчистила путь для развития капитализма, все же она шла к революции «...при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия».[8] Это свидетельствовало о том, что центр революционного движения начинает перемещаться из Англии, где он находился в эпоху революции 1688 г., и Франции, где он был в эпоху революции 1789 г.,

---

[7] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 6.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1939, стр. 60.

в Германию. Как отмечает товарищ Сталин, последнее обстоятельство «...послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами». [9]

Разумеется, однако, что факт зарождения марксизма в Германии отнюдь не исключает того, что марксизм явился естественным продуктом всей интернациональной революционной практики, что он возник в результате тщательного научного анализа Марксом и Энгельсом законов развития человеческого общества в целом. В частности, на формирование марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата непосредственное влияние оказывали результаты изучения Марксом и Энгельсом общественного и государственного строя, а также революционной классовой борьбы в таких европейских странах, как Англия и Франция. Именно революционная классовая борьба, опыт ее развития — вот что явилось главной объективной основой для появления марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата, для возникновения научного социализма.

II. Взгляды Маркса на государство до 1844 г.

1. 1835—1841 гг.

Первое теоретическое знакомство Маркса с вопросами государства и права началось еще на университетской скамье. Из письма Маркса к отцу от 10 ноября 1837 г. следует, что в течение 1836—1837 гг. он регулярно посещал лекции Савиньи и Ганса по государственному и уголовному праву, читал юридическую литературу, настойчиво штудировал работы по философии права и особенно по общей философии. [10] Ца-

---

[9] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 7.

[10] Так, по его словам, он проштудировал Гейнекция, Тибо и источники, перевел на немецкий язык две первые книги пандектов, прочитал «Владение» Савиньи, «Уголовное право» Клейна, работы по уголовному праву Ансельма Фейербаха и Грольмана, «Систему пандектов» Венинг-Ингенхейма, «Doctrina Pandectarum» Мюленбруха, работы по государственному праву, гражданскому процессу и церковному праву, «Institutiones» Ланцелотти. Однако догматико-идеалистическая юриспруденция быстро вызвала к себе отвращение Маркса. В данном случае его мнение полностью совпадало с мнением многих его великих современников. Известно, например, что Гете свое отношение к юриспруденции выразил в диалоге Мефистофеля со своим учеником:

«К юриспруденции не чувствую влеченья.
Что ж, не во вред вам это отвращенье».

Генрих Гейне называл современную ему юриспруденцию «самой нелиберальной наукой», свод римского права — «библией чорта», а о Савиньи отзывался:

рившее в преподавании и литературе того времени идеалистическое направление, разумеется, не могло первоначально не повлиять на государственные и правовые воззрения юного Маркса.

Тем не менее Маркс этого периода выступает как мыслитель, воззрения которого противопоставляются не только идеалистической философии Канта и Фихте, но отчасти и Гегеля. Это наглядно можно обнаружить в докторской диссертации Маркса «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1841). Хотя Маркс в этой диссертации стоял «...еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения», [11] он сумел в значительной мере преодолеть ограниченность гегелевской философии, проявив себя самостоятельным, оригинальным мыслителем. Еще в своем гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» (1835) Маркс сделал попытку материалистически подойти к решению такого вопроса, как положение личности в обществе. Говоря о свободе выбора профессии в современном ему обществе, Маркс замечает: «...Мы не всегда можем избрать профессию, к которой чувствуем призвание; наше положение в обществе до известной степени уже начинает устанавливаться раньше, чем мы в состоянии начать на него влиять». [12] Этот тезис очень важен для характеристики мировоззрения юного Маркса. Начав, так сказать, чисто интуитивно с материалистического объяснения положения отдельной личности в обществе, он, как мы увидим дальше, после определенного периода идеалистических исканий в конце концов придет к тому же положению, но на совершенно другой основе: это положение Маркса явится тогда лишь частным выводом из всего его материалистического понимания истории. До тех же пор мы должны считаться с тем, что, несмотря на отдельные, зародышевые элементы материализма, общее мировоззрение юного Маркса вплоть до 1841 г. включительно было вполне идеалистически гегельянским. [13]

Вместе с тем Маркс уже в этом раннем периоде предстает перед нами как страстный революционер в философии и особенно в политике. Юный Карл Маркс, ум и наблюдательность которого очень быстро помогли ему ориентироваться в

«...слащавый, как конфект,
Изящный трубадур Пандект».

Маркс обратился к философии, надеясь у нее получить ответ на интересующие его вопросы общественной жизни, в том числе на вопросы государства и права. Он начинает изучать сочинения Канта, Фихте, Аристотеля, Бекона Веруламского, Шеллинга и особенно Гегеля.

[11] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 32.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 404.

[13] См. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 32.

окружающей обстановке, вступил в сознательную жизнь с непреодолимым чувством глубокой вражды к эксплоатации, гнету и произволу, со страстным желанием посвятить все свои силы борьбе за свободу и счастье всего человечества. Он еще не знал того пути, каким он должен будет пойти, но он уже видел цель.

Еще в 1835 г. в том же гимназическом сочинении Маркс писал: «...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не надо думать, что оба эти интереса могут враждебно выступать друг против друга, что один должен уничтожить другой; природа человека устроена так, что он может достичь своего усовершенствования, только работая для совершенства, для блага своих современников.

Если он работает только для себя, то он, конечно, может стать знаменитым ученым, великим мудрецом, прекрасным поэтом, но никогда не может стать совершенным, истинно великим человеком».

«История считает тех людей великими, которые, работая для общего блага, сами становились благороднее. Опыт считает самым счастливым того, кто сделал счастливым наибольшее число людей...

Если мы избрали профессию, в которой больше всего можем работать для человечества, то мы не согнемся под тяжестью ее, потому что это — жертва для всех; тогда мы испытываем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье принадлежит миллионам, наши дела тихо, но постоянно продолжают действовать, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей». [14]

Этот гуманизм юности, этот революционный демократизм содействовали приходу Маркса к социалистическому гуманизму, к коммунизму.

2. 1842 г.

Вступление Маркса на широкую арену общественно-политической борьбы и его первые высказывания о государстве. Критика прусского государственного строя. Вопросы государства в статьях из «Reinische Zeitung». Статья «С берегов Мозеля» и ее значение

На широкую арену общественно-политической борьбы Маркс вступил уже вполне оформившимся, воинствующим и последовательным революционным демократом, совершенно не похожим на обычных немецких радикалов и буржуазных оппозиционных «демократов» своего времени, каким часто

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 406—407.

пытались представить Маркса многочисленные извратители истории марксизма. Более того, Маркс проявил себя как решительный противник трусливой немецкой буржуазной «оппозиции», разоблачавший ее классовое нутро.

Будучи еще идеалистом и пользуясь философской аргументацией Гегеля, молодой Маркс, однако, уже в своих первых публицистических выступлениях и письмах отличался тем, что искренне надеялся рассмотреть в таких категориях, как «разумное государство», «справедливый закон», «всеобщий гражданский интерес», осуществление требований социально и политически угнетенных масс населения. Правда, он еще не выделял из общей массы угнетенных пролетариат и не сознавал его особой исторической роли. Но уже тогда его борьба против деспотизма и произвола, против угнетения и реакции служила интересам рабочего класса.

Маркс, повторяем, никогда не находился на позициях буржуазии, хотя бы и радикальной. Это с полной ясностью показал В. И. Ленин, который в составленной им библиографии марксизма писал: «К 1842-му году относятся статьи Маркса в «Рейнской газете» (Кельн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др... Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму».[15] Маркс начал свою политическую деятельность революционным демократом, стоявшим на стороне угнетенных масс. И именно с этой позиции он подходил к вопросу о государстве и государственном праве. Считать же Маркса эпохи 1842—1843 гг. буржуазным радикалом только потому, что его критика прусского абсолютизма объективно содействовала подготовке буржуазной революции в Германии, нет никакого основания.

В прямую и резкую противоположность Гегелю, философия которого оправдывала и возвеличивала прусский абсолютизм, Маркс, уже в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» (февраль 1842 г.), дает уничтожающую критику «внутреннего государственного устройства» Пруссии и ее «бюрократического разума». На частном примере законодательства о печати и цензуре он показывает всю гнилость политики Фридриха-Вильгельма IV и его нового министра юстиции Савиньи (являвшегося главой германской «исторической школы права») в области практического государственного права. В своих первых статьях для «Рейнской газеты»

---

[15] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 32 (разрядка моя.— *В. Т.*).

Маркс уже критикует не только прусское законодательство, но и дает исключительно сильную для своего времени критику всего феодально-дворянского строя в целом, со сложившимися в нем феодальными, полуфеодальными и буржуазными отношениями. Мы видим, что Маркс обращает свое внимание не на критику религии, а на критику действующего прусского государственного права, на критику политики. Он стремится взять наиболее ценное из диалектики Гегеля — идею развития и сделать из нее революционные выводы применительно к режиму прусского «христианского» государства. Самый факт обращения Маркса не к абстрактной «критике неба», а к анализу конкретной действительности, практики знаменовал собою приближение к тому повороту от идеализма к материализму, о котором говорил Ленин.

Несмотря на идеалистический еще характер аргументации, Маркс первыми же своими выступлениями в прессе нанес сокрушительный удар по прусскому абсолютизму, прикрывающемуся фиговым листком религиозно-христианского ханжества. Он зло высмеял практику «христианского» прусского государства, которое основывалось «...даже в частностях на вере и христианстве...», в котором сделан «особенным духом государства «общий дух христианства»,[16] а религия превращена в теорию государственного права.[17] Маркс разбивает реакционно-поповское утверждение о том, что религия является основой государства. Церковь и религия учат покорности и смирению: «Будьте покорны власти, ибо всякая власть от бога».[18] Религия, таким образом, является крупнейшим политическим фактором, важнейшим элементом государственной жизни. Но с этим-то Маркс и отказывается согласиться. «...Государство надо строить не на основе религии, а на основе разума свободы».[19] Считая задачей философии создание настоящего разумного государства, Маркс еще верит в возможность превращения прусского государства в организацию, выражающую всеобщий интерес человеческого разума. Он еще исходит из позиций идеалистической философии, которая рассматривает государство как «великий организм», осуществление правовой, нравственной и политической свободы.[20]

На этом этапе Маркс еще стремится к такому идеальному государству, которое выражало бы всеобщую свободу народного духа и в качестве воспитателя превращало бы

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 103, 104.
[17] См. там же, стр. 190.
[18] Там же, стр. 192.
[19] Там же.
[20] См. там же, стр. 193.

«частные цели во всеобщие», «...грубый инстинкт в нравственные волевые импульсы, природную независимость в духовную свободу...» [21] Стремясь к государству, основанному на подлинной свободе, которую он еще считает естественным даром всеобщего света разума, Маркс, в частности, говорит о свободе печати, что она — «...это открытый глаз народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, красноречивое звено, соединяющее отдельную личность с государством и с целым миром... Она — беспощадная исповедь народа перед самим собой... Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости... Она — светоч государственного разума, который может проникать во всякую хижину... Она — всесторонняя, вездесущая, всеведущая. Она — идеальный мир, который, вырастая из реальной действительности, в свою очередь, обогащает и одухотворяет эту действительность». [22]

Справедливые государственные законы не только не должны противоречить свободе, но, наоборот, должны являться ее последовательным и разумным выражением. «Законы не являются репрессивными мерами против свободы... Законы — это положительные, ясные общие нормы, в которых свобода приобретает теоретическое, не зависимое от произвола отдельной личности существование. Свод законов есть библия свободы народа». [23]

Но идеалистический характер этих высказываний отнюдь не являлся выражением идеализации буржуазного государства. Он являлся лишь проявлением еще неосознанных высоких стремлений будущего великого вождя угнетенного человечества к наиболее совершенному общественному и государственному строю. Если у представителей буржуазной мысли идеализм прикрывал их неприязнь и ненависть к трудящимся в сочетании с апологией эксплоататорского государства, то идеализм молодого Маркса не мешал ему быть революционным демократом в лучшем и благороднейшем смысле этого слова. Маркс не идеализировал ни буржуазного государства вообще, ни государства, созданного буржуазными революциями в Англии и Франции в частности. Сознавая прогрессивный характер буржуазной революции, он вместе с тем все отчетливее понимал различие между идеями революции и их осуществлением в действительности.

В этом отношении примечательна уже первая статья Маркса в «Рейнской газете» по поводу дебатов о свободе пе-

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 185.
[22] Там же, стр. 157.
[23] Там же, стр. 154.

чати в 6-м Рейнском ландтаге (апрель — май 1842 г.).[24] В ней мы видим, как Маркс начинает связывать принципы демократии и свободы с материальными условиями жизни, с определенными общественно-классовыми отношениями. Он выступает не только против прусского государства с его княжеским и дворянским сословиями, но и против прусской буржуазии и против идеализации буржуазной государственности в Англии и Франции.

В Рейнском ландтаге Маркс видел прежде всего простой придаток к прусской абсолютистской государственной машине, орудие частных сословных интересов. В прениях о свободе печати это обнаружилось с полной очевидностью. Маркс поэтому и писал в своей статье, что «нигде специфически-сословный дух не выразился яснее, определеннее и полнее, чем в дебатах о прессе» и что, по существу, «...в лице различных ораторов, полемизирующих против свободы печати, полемизирует их особенное сословие».[25] Для Маркса прения представляют интерес не только сами по себе, но и как отражение существа всего ландтага, его сословно-классового характера. «Дебаты дают нам полемику княжеского сословия против свободы печати, полемику дворянского сословия, полемику сословия горожан, так что здесь полемизируют не отдельные лица, а сословия. Какое зеркало могло бы вернее отразить внутренний характер ландтага, чем дебаты о свободе печати?»[26]

С большим блеском Маркс показывает в своей статье, как в вопросе о свободе печати в 6-м Рейнском ландтаге было достигнуто поразительное единодушие различных сословий — князей, дворянства и буржуазии. Все объединились для того, чтобы бороться против свободы печати и использовать ландтаг, как часть государственного аппарата в своих частно-сословных экономических и политических целях. Оратор из княжеского сословия, доказывая «...несправедливость свободы печати на основании княжеских убеждений...», считал, что «...более благородное, истинное развитие немецкого ума обусловлено стеснениями сверху», и отвергал «...в благородном негодовании свободу печати как неделикатный, вульгарный, не считающийся ни с какими приличиями язык наро-

---

[24] Об огромном впечатлении, произведенном этой статьей Маркса на его современников, Франц Меринг писал: «Шпага, обнаженная Марксом в защиту свободы печати, была сверкающей и острой, как ни у одного публициста до и после него». Руге без всякой зависти признавал, что «никогда еще не было и даже не может быть сказано ничего более глубокого и ничего более основательного о свободе печати и в ее защиту» (Ф. Меринг, «Карл Маркс». 1934, стр. 38).

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 129.

[26] Там же.

да».[27] Оратор из дворянского сословия, этот «...представитель христианско-рыцарского, современно-феодального, одним словом романтического, принципа»,[28] по существу повторяет возражения оратора из княжеского сословия. Маркс вскрывает подлинную причину этих «возражений» со стороны «благородного рыцаря» и всего его сословия: «Рассматривая свободу только как индивидуальное свойство отдельных лиц и сословий, они логически вынуждены отнести всеобщий разум и всеобщую свободу к разряду вредных идей и фантасмагорий «логически построенных систем». Желая спасти частные свободы привилегированных лиц, они осуждают всеобщую свободу человеческой природы».[29] Маркс здесь, повторяем, доказывает, что в основе борьбы дворянского сословия, как и княжеского сословия, против свободы печати лежит частный экономический и политический интерес, стремящийся превратить государство, право, закон в свои собственные сословные орудия. Рейнские князья и дворяне, отлично понимавшие в 1842 г., что проект закона о свободе печати носит скорее фиктивный характер, нежели действительный, что он является очередным демагогическим шагом прусского короля, решившего на словах задобрить среднюю и мелкую буржуазию, все же серьезно опасались, что введение «свободы печати» может ослабить их классовые позиции в государстве, может быть использовано против них.

Маркс доказывает, что на этих же позициях частного интереса стоит и буржуазия, представитель которой не менее рьяно выступает против свободы печати в Рейнском ландтаге. Маркс высмеивает возражения буржуа против «свободы печати» и точно ланцетом вскрывает действительное классовое нутро частного собственника, двойственный и трусливо-обывательский характер его сословия. Маркс показывает, что хотя прусская буржуазия и нуждается в «свободе печати», но она ею «жертвует», ибо сознает, что эта «свобода» может облегчить борьбу с ней со стороны пролетариата. Эта позиция может служить одним из классических примеров поведения буржуазии накануне буржуазной революции, когда она стремится из двух зол выбрать меньшее. В данном случае «меньшим злом» для представителя рейнской буржуазии являлось отсутствие октроированной «свободы печати», нежели ее даже формальное признание. Либеральная буржуазия, боящаяся феодалов и клерикалов, еще больше боялась растущего и поднимающегося на историческую сцену рабочего класса. «Здесь,— пишет Маркс,— перед нами оппозиция бур-

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 136.
[28] Там же, стр. 143.
[29] Там же.

жуа а не гражданина». «Оратор из городского сословия думает, что он примыкает к Сийэсу, когда он по-обывательски заявляет: «Свобода печати — прекрасная вещь, пока в дело не вмешаются дурные люди».[30] В требовании представителя буржуазии превратить печать в промысел, а свободу печати — в промысловую свободу Маркс видит попросту стремление превратить печать в орудие частных сословных интересов буржуазии. Именно к этому свелась «свобода печати» во Франции, где печать не только «не слишком свободна», но, наоборот, «...она не достаточно свободна».[31] На примере с печатью Маркс прямо указывает на специфически-формальный характер буржуазной «свободы» во Франции, определяемой материальными условиями. Французская «свободная печать», пишет он, «хотя... и не подлежит духовной цензуре, но зато она подлежит материальной цензуре, высокому денежному залогу. Она действует материально именно потому, что из своей настоящей сферы она перенесена в сферу крупных денежных спекуляций».[32]

Маркс отрицает наличие действительной свободы и в Англии, которая представляет собой «...живой исторический пример, как опасен для свободы ограниченный горизонт «свобод».[33] Маркс — решительный противник подобной «демократии». Мы видим, таким образом, что уже здесь Маркс рассматривает не только прусское абсолютистское государство, но и буржуазные государства Франции и Англии в совершенно реальном свете, как орудие частных экономических и политических интересов.

В статье, посвященной прениям в 6-м Рейнском ландтаге по поводу закона против кражи леса (осень 1842 г.), элементы материалистического и революционно-демократического понимания сущности государства как орудия частной собственности и интересов имущих классов обнаруживаются Марксом с еще большей отчетливостью. На примере дебатов Маркс вновь подчеркивает классовый характер Рейнского ландтага, который «согласно своему призванию, представлял определенные групповые интересы и рассматривал их как конечную цель».[34] Комментируя статью «закона», которая предусматривает назначение государством стражников для охраны лесов отдельных владельцев, Маркс констатирует, что «...логика, превращающая служащего лесовладельца в государственную власть, пре-

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 162.
[31] Там же, стр. 159.
[32] Там же.
[33] Там же, стр. 170.
[34] Там же, стр. 245.

вращает государственную власть в прислужницу лесовладельца. Весь строй государства, роль различных административных учреждений,— все должно выйти из своих рамок для того, чтобы все опустилось до роли орудия лесовладельца; его интерес должен стать определяющей душой всего механизма. Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца слышит, подстерегает, оценивает, охраняет, хватает, бегает».[35]

В конкретной фигуре лесовладельца Маркс видит собирательный тип частного собственника и эксплоататора, в государстве — его приказчика.[36] Весь государственный аппарат с его полицией, судом и тюрьмами целиком поставлен на службу лесовладельца, составляя «его частную собственность».[37] В приведенных словах молодого Маркса дана образная характеристика эксплоататорского государства, впоследствии выраженная чеканной формулой «Манифеста Коммунистической партии»: «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии».[38] Выступая в роли страстного изобличителя эксплоататорского строя, Маркс и в этой своей статье разоблачает классовую сущность не только дворянско-помещичьего сословия, но и либеральной буржуазии, показывая их лицемерие, трусость и жестокость. Вскрывая, таким образом, характер прений в Рейнском ландтаге, Маркс определяет сущность всякого законодательства, основанного на частной собственности. «Жестокость же,— пишет он,— характеризует законы, продиктованные трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой. Частный интерес всегда труслив, ибо его сердце, его душа есть внешний предмет, который всегда может быть отнят или поврежден... Quand il a peur, il est terrible (когда он боится, он страшен) — говорит газета «National» о Гизо. Этот девиз может служить эпиграфом ко всем законодательствам, продиктованным своекорыстием, а следовательно и трусостью».[39]

Маркс критикует не только современное ему государство. Он критикует также и право. Марксу удается уже здесь вскрыть подлинную сущность действующего права, как права, основанного на частной собственности, освящающего и

---

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 228.
[36] См. там же, стр. 234.
[37] Там же, стр. 236.
[38] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1939, стр. 30.
[39] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 219—220.

охраняющего эту собственность. Он объясняет причины жестокости, свойственные этому праву, его нормам, законам. Рассматривая вопрос о материальном и процессуальном праве, он убеждается в том, что в право «...фактически вносится частный интерес».[40] Право все больше представляется ему формой, содержание которой зависит от частных, точнее — частно-собственнических интересов. Он срывает маску с буржуазного права, разоблачая его специфически-ростовщический характер.[41]

В статье о дебатах по поводу закона против кражи леса с особенной силой обнаруживаются черты Маркса как наиболее передового революционного демократа своего времени, борющегося «...для защиты интересов политически и социально неимущей массы...»[42] Для него здесь становится яснее, чем когда-либо раньше, что всякие требования «идеально-разумного» государства и законодательства являются иллюзорными и беспочвенными. Он разоблачает подлинную сущность государственного аппарата, используемого привилегированными сословиями в их частно-собственнических интересах, как орудие эксплоатации и политического угнетения.

Но подходя, таким образом, вплотную к выведению государства и права из общественно-экономических отношений, Маркс обнаруживает полное несоответствие изученной им философии права Гегеля реальной действительности. Участие в политической борьбе и изучение социально-экономической литературы приводят его к мысли, что старая идеалистическая философия, а тем более основанные на ней юридические науки не в состоянии дать сколько-нибудь правильный ответ на вопрос о подлинной природе общества и государства, об основных определителях государственно-правовых, политических, нравственных и всяких других идеологических категорий. Что подобными определителями не могут являться «нравственный дух», «разум», «свободная воля», для Маркса уже не подлежит сомнению.

И в следующей крупной статье «С берегов Мозеля» (декабрь 1842 г.), рассматривая связь между экономическими отношениями и государственным строем на примере Примозельского края, обобщая результаты своих наблюдений, Маркс приходит к явно антиидеалистическому выводу. «При исследовании государственных отношений,— пишет он,— слишком легко поддаются искушению игнорировать объективную природу отношений и все

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 244.
[41] Ср. А. Я. Вышинский, Вопросы права и государства у К. Маркса, М. 1938, стр. 29.
[42] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 213.

объяснять в о л е й действующих лиц. Существуют, однако, о т н о ш е н и я, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти, и так же независимы от них, как способы дыхания».[43] Здесь Маркс впервые делает попытку формулировать в виде тезиса свое новое, в значительной степени уже материалистическое понимание сущности государственной власти и государственных отношений.

Мы видим, таким образом, что в период «Рейнской газеты» (1842) взгляды Маркса на государство развиваются параллельно с развитием его политической борьбы, постепенно пронизываясь элементами материалистического мышления. Во взглядах Маркса определенно намечается переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Вывод Маркса о том, что государственные и правовые отношения определяются объективными м а т е р и а л ь н ы м и условиями жизни, не зависящими от воли отдельных людей, коренным образом противоречил гегелевской философии права. Возникала задача критического пересмотра идеалистической теории государства и права и раньше всего теории Гегеля.

3. 1843 г.

Критика идеалистической философии государства Гегеля и критика буржуазной государственности. Провозглашение всемирно-исторической роли пролетариата. Работы Маркса: заметки о третьем разделе «Философии права» Гегеля, «К еврейскому вопросу», введение к «К критике гегелевской философии права»

Маркс был в то время единственным человеком, который по праву мог взяться за решение этой задачи. Бруно Бауэр и другие младогегельянцы в той небольшой мере, в какой они касались вопросов политики, оставались на реакционных позициях. Идеалисты по философским взглядам и типичные немецкие буржуа по политическим убеждениям, они, разумеется, даже не ставили перед собой задачи критики гегелевской философии права и государства.[44] Отличавшийся от этой группы своей созерцательно-материалистической философией и демократическими устремлениями Людвиг Фейербах точно так же касался проблемы государства, права и политики

[43] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. I, стр. 296.

[44] См., например, работы Бр. Бауэра: Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit, Zürich 1872; Die judenfrage, Braunschweig 1842.

лишь в самой минимальной степени, да и то в крайне абстрактной, идеалистической форме. Вышедшая в 1841 г. книга Фейербаха «О сущности христианства» и другие его произведения, [45] хотя и сыграли роль в ускорении перехода Маркса к материализму, нанеся первый серьезный удар по гегелевской философии в целом, однако свидетельствовали о том, что в вопросах государства, права и политики Фейербах оставался идеалистом, не пошедшим дальше отвлеченных гуманистически-антропологических рассуждений о «сущности человека», о «нравственных отношениях» между людьми, основанных на «стремлении всех людей к счастью» и т. д. Вот почему можно сказать, что критика гегелевской философии государства и права, начатая Марксом в период его перехода к материализму, была направлена не только против Гегеля, но в известной мере и против Фейербаха и против Бауэра и других младогегельянцев.

Сделав вывод о том, что идеалистическая философия государства и права не способна объяснить многочисленные явления общественной жизни, в том числе такие, как государство и право, Маркс в 1843 г. начал с новых позиций критическое изучение Гегеля.

В первой половине 1843 г. он составил подробный конспект третьего раздела «Философии права» Гегеля («Государство»). В конце этого же года он пишет для «Deutsch-Französische Jahrbücher» статью «К еврейскому вопросу», а затем введение к «Критике гегелевской философии права». [46] Этими статьями, в особенности последней, ознаменовался окончательный переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. [47]

Приводя слова Маркса о том, что его теория по самому своему существу является теорией критической и революционной, Ленин подчеркивал, что Маркс говорит не о критике вообще, а «...о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений». [48]

---

[45] L. Feuerbach, Das Wesen des Christenthums, 1841; Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie, 1842; Grundsätze der Philosophie der Zukunft, 1842 и др.

[46] «Немецко-французский ежегодник», который Маркс начал издавать вместе с Арнольдом Руге в Париже в 1844 г. (вышел только один номер).

[47] Ср. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 32.

[48] В. И. Ленин, т. I, изд. 4, стр. 308.

Маркс теперь уже с полной определенностью заявляет, что объективные условия, определяющие государственные и правовые отношения, коренятся в природе самого общества. Коренной вопрос теории государства (о соотношении между обществом и государством) Маркс решает в направлении, прямо противоположном гегелевскому. Характеризуя абстрактную и мистическую природу гегелевской философии государственного права, Маркс показывает, что Гегель стремится политическое устройство поставить в отношение к абстрактной идее, сделать первое моментом развития идеи, что представляет собой явную мистификацию.

Критикуя § 262 «Философии права», в котором Гегель обожествлял государство, изображая его в качестве «идеи», «духа», якобы делящего себя между гражданским обществом и семьей, которые в свою очередь являются лишь двумя сферами его («духа») понятия, Маркс доказал, что в этом тезисе «...совершенно ясно проявляется логический, пантеистический мистицизм».[49] У Гегеля действительное отношение семьи и гражданского общества к государству понимается, как «...внутренняя, воображаемая деятельность идеи».[50] Маркс утверждает, что семья и гражданское общество суть необходимые предпосылки государства, и резко критикует Гегеля, у которого это отношение (между обществом, семьей и государством) «становится на голову». По Марксу, семья и гражданское общество сами себя превращают в государство. «По Гегелю же, они с о з д а н ы действительной идеей (т. е. государством.— *В. Т.*). Их объединение в государство не есть результат их собственного развития, а предопределено развитием идеи».[51] По Марксу «...политическое государство не может существовать без естественного базиса семьи и искусственного базиса гражданского общества. Последние суть conditio sine qua non (безоговорочное условие.— *В. Т.*) государства. Но у Гегеля условие делается обусловленным, определяющее — определяемым, производящее — продуктом своего продукта»[52]. Или, как говорит Маркс в другом месте, «...Гегель хочет, чтобы «всеобщее в себе и для себя» — политическое государство — не определялось гражданским обществом, а, наоборот, определяло его».[53] Маркс этим разоблачил гегелевскую мистико-идеалистическую постановку вопроса о взаимоотношении между обществом и государством,

---

[49] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 516.
[50] Там же.
[51] Там же, стр. 517.
[52] Там же.
[53] Там же, стр. 591.

заложив первый фундамент марксистской материалистической теории государства. [54]

Но Маркс не ограничился простым теоретическим опровержением гегелевского вывода о примате государства над обществом. Он показал, что «общество» и «государство» являются для Гегеля категориями абстрактно-логического порядка, а установленное им противоречие между обществом и государством отнюдь не есть реальное и действительное противоречие: оно есть противоречие лишь внутри идеи. [55] Совершенно по-другому подходит к вопросу о государстве Маркс, провозглашающий тезис о том, что философская критика государственного строя должна не только вскрыть свойственные этому строю противоречия, но и *объяснить* их причины, понять их необходимость, взяв при этом государственный строй в его *специфическом* значении. Но *понимание* это состоит, однако, не в том, чтобы, как полагает Гегель, везде находить «определения логического понятия», а в том, чтобы «...постигнуть своеобразную логику своеобразного предмета». [56]

Исходя из этого метода (характерного для всей марксистской теории государства и права) и постигая своеобразие логики такого «своеобразного предмета», как государство,

---

[54] Фридрих Энгельс, определяя значение сделанного Марксом вывода, писал: «Критика прений рейнского ландтага заставила Маркса заняться изучением вопросов о материальных интересах, и тут он пришел к новым взглядам, не предусмотренным ни юриспруденцией, ни философией. Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 317). Маркс в известном предисловии к «Критике политической экономии» писал: «Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 году в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6).

[55] «Основная ошибка Гегеля заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как единство в сущности, в идее, между тем как указанное противоречие имеет своей сущностью нечто более глубокое, а именно — *существенное противоречие*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 592).

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 592.

Маркс конкретизирует свое понимание антагонистического гражданского общества в его отношении к государству. Выставленный Марксом в связи с обсуждением закона против кражи леса в Рейнском ландтаге тезис о том, что государство есть орудие лесовладельца, в 1843 г. развивается в принципиальное научное обобщение: государство является продуктом и орудием частной собственности. На этом основании Маркс провозглашает свою знаменитую формулу о том, что «отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру есть одна из главных проблем нового времени». [57]

Мы уже знаем, что Гегель это отношение понимал так же неправильно, как и отношение между гражданским обществом и государством в целом. Гегель считал частную собственность внешней сферой свободы, идеализировал царство свободной конкуренции, возражал против подлинного имущественного равенства, выступал как фетишист буржуазной индивидуальной собственности. Частная собственность, по Гегелю, не была условием, определяющим самую сущность государства. Она была лишь некиим внешним атрибутом этого государства.

Выясняя ошибочность гегелевской концепции, Маркс установил, что государственный строй есть «строй частной собственности, высшее политическое умонастроение, есть умонастроение, связанное с частной собственностью». [58] Маркс показал, что Гегель искажает действительность, изображая майорат как результат воздействия государства на частную собственность. Наоборот, майорат как раз и свидетельствует о влиянии частной собственности на государство. Гегель здесь, как и в вопросе о соотношении между обществом и государством, «...превращает причину в действие и действие в причину, определяющий момент в определяемый и определяемый в определяющий». [59]

В работах 1843 г. Маркс показал, что идеализируемый Гегелем монархический строй, как и всякий другой государственный строй в эксплоататорском обществе, основывается на частной собственности. Гегелевская же «действительность нравственной идеи», т. е. государство, выступает как «религия частной собственности», а конституция — как «конституция частной собственности». [60] Считая буржуазную демократию прогрессивной

[57] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 389.
[58] Там же, стр. 600.
[59] Там же, стр. 602.
[60] Там же, стр. 605, 612.

формой государства по сравнению с сословной монархией, Маркс в «Критике философии государственного права Гегеля» и в последующих своих работах 1843 г. с исчерпывающей ясностью показал, что эта демократия, основываясь на буржуазной частной собственности и на существовании двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата, не может быть полной и действенной. Демократическая свобода в буржуазном государстве, по Марксу,— это в сущности свобода частной собственности, свобода эгоистических устремлений буржуа. Буржуазная демократия, несмотря на провозглашаемое формальное равенство, устраняет от участия в политической жизни трудящиеся массы.

Политическая борьба, энергичная, неукротимая, страстная — вот что особенно бросается в глаза в работах Маркса 1843 г. В этом году особенно наглядно проявилось коренное отличие взглядов Маркса на государство от взглядов Фейербаха, а также Бауэра и других младогегельянцев. Маркс рассматривал вопрос о государстве прежде всего как глубоко политический вопрос. Фейербах же не сумел распространить свои материалистические взгляды на область общественно-политических отношений. Маркс писал по этому поводу (в письме к А. Руге от 13 марта 1843 г.), что Фейербах «...слишком много напирает на природу и слишком мало на политику».[61] Младогегельянец Бруно Бауэр в это же время особенно настойчиво заявлял, что вопрос о государстве является подчиненным вопросу о религии и его необходимо рассматривать исключительно в плане антитеологической критики. Решительно возражая против подобной «аполитичности» немецких писателей из младогегельянской группы, Маркс заявлял: критика неба должна быть превращена в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики.[62] Бауэр отказывался признать в государстве орудие господствующего класса, а в политической борьбе — форму классовой борьбы. Маркс, вскрывая подлинный характер политической борьбы в государстве и сущность самого государства, как продукт борьбы классов, тем самым нанес сильный удар по измышлениям Бауэра.

В отличие от Бруно Бауэра, который «...подверг критике лишь «христианское государство», а не «просто государство...» и «...не исследовал отношения политической эмансипации к человеческой эмансипации»,[63] Маркс в статье «К еврейскому вопросу» исследует природу буржуазного государства в связи с экономическими отноше-

---

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 510.
[62] См. там же, стр. 386.
[63] Там же, стр. 358.

ниями. Его тогдашний термин о человеческой эмансипации означал по существу постановку вопроса о новой социальной революции, изменяющей природу самого общества, а не только его политической надстройки.

Если Гегель, а вслед за ним и младогегельянцы объявили подлинной реальностью индивидуума лишь его существование в качестве члена государства,[64] то Маркс противопоставил этому свой трезвый и глубокий вывод о характерных чертах буржуазного строя, о раздвоении индивида в буржуазном государстве на гражданина и человека, иначе говоря — на «общественное существо» и «частное лицо», о противоречии между государством и личностью в условиях эксплоатации и господства частной собственности, об иллюзорности в связи с этим самого понятия «член государства», выставляемого буржуазной государственно-правовой философией.[65] Маркс тем самым подкрепил сделанное им еще в «Критике философии государственного права Гегеля» заключение о наличии не априорно мнимого, а реально существующего разрыва между гражданским обществом и государством.

В статье «К еврейскому вопросу» Маркс окончательно доказал, что частнособственнический характер буржуазного общества обусловливает собой и специфику буржуазной государственности, хотя бы и прикрываемой всякого рода конституциями, декларациями и формально-демократическими «свободами». Приведенное выше положение Маркса о том, что конституция буржуазного государства является конституцией частной собственности, здесь развивается и конкретизируется. Маркс до конца разоблачает фетишизм буржуазной демократии, ее ложно-иллюзорный смысл. Он, например, указывает, что формальное упразднение имущественного

---

[64] «...Сам индивидуум лишь постольку объективен, истинен и нравственен, поскольку он есть член государства...» (Гегель, «Философия права», Соч., т. VII, стр. 264).

[65] «Там, где политическое государство достигло своего действительного развития, человек не только в мыслях, в сознании, а в действительности, в жизни, ведет двоякую жизнь, небесную и земную, жизнь в политическом общежитии, в котором он выступает как общественное существо, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до средства и становится игрушкой чуждых сил. Политическое государство относится к гражданскому обществу так же спиритуалистически, как небо к земле». «В своей ближайшей действительности, в гражданском обществе, человек — земное существо». «Напротив, в государстве, где человек имеет значение родового существа, он является мнимым членом воображаемого суверенитета, лишен своей действительной индивидуальной жизни, преисполнен недействительной всеобщности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 362).

ценза в избирательном праве Северной Америки отнюдь не означало, что частная собственность может быть ликвидирована буржуазным государством или хотя бы сколько-нибудь ограничена в своем влиянии на политику. Провозглашая на словах каждого гражданина равноправным участником народного суверенитета, буржуазное государство представляет частной собственности, точно так же как и образованию и роду занятий, существовать в качестве фактических привилегий, «...действовать на свой лад и проявлять свою особую сущность».[66] Иначе и быть не может, так как буржуазное государство само может существовать лишь при условии существования частной собственности и других фактических различий.

Анализируя «Декларацию прав человека и гражданина» и французские конституции 1793 и 1795 гг., а также конституции двух штатов Северной Америки (Пенсильвания и Нью-Гемпшир), Маркс вскрывает их подлинное содержание. Это — конституционные акты частной собственности, провозглашающие права только частного собственника, эгоиста, буржуа. Так называемые права человека в отличие от прав гражданина есть не что иное, как права эгоистического человека, человека, обособленного от людей и общежития. Статья 2 «Декларации» говорит о равенстве (l'égalité), свободе (la libertè), безопасности (la sûreté) и собственности (la proprité), как о естественных и неотъемлемых правах. Но «в чем состоит la liberté?» — спрашивает Маркс и отвечает: «Речь идет о свободе человека как изолированной, уединившейся в себя монады».[67] «Практическое применение человеческого права на свободу есть право человека на частную собственность».[68] Что такое право человека на частную собственность? Это есть право «по своему усмотрению (à son gré) безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и распоряжаться им, право своекорыстия».[69] Равенство заключается опять-таки в том, что «...каждый человек одинаково рассматривается как единая, замкнутая в себе монада»;[70] это — равенство частных собственников. Безопасность? Это по существу — обеспечение неприкосновенности той же частной собственности и личности ее владельца: безопасность есть гарантия эгоизма. Общий вывод, к которому приходит Маркс, гласит: «...Ни одно из так называемых прав человека не вы-

[66] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 361.
[67] Там же, стр. 372.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] Там же, стр. 373.

ходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общежития».[71] Буржуазной революцией «феодальное общество было разложено до своего основания — человека, но до того человека, который действительно составлял его основание, до эгоистического человека. Этот человек, член гражданского общества, является, следовательно, основой, предпосылкой политического государства. В качестве такой предпосылки его признало государство в правах человека».[72] Подлинным «богом», следовательно, является частная собственность, а не (как у Гегеля) государство. Основываясь на изучении буржуазных государств, Маркс утверждает, что государство и его политика являются рабами собственности, рабами капитала. Тогда как в идее политика господствует над денежной властью, «...на деле она стала ее крепостным рабом».[73]

Марксистское учение о буржуазном государстве как об особом орудии классового господства буржуазии становится, таким образом, уже на совершенно прочные рельсы. Правда, Маркс еще в ряде случаев продолжает пользоваться идеалистически-гегельянской терминологией; он еще не превратился во вполне оформившегося материалиста. Тем не менее несомненно, что его взгляды на государство периода 1843 г. были решительно направлены против Гегеля, как и против всей идеалистической буржуазной теории государства.

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать (как это делали в свое время многие «исследователи» марксизма), что свою критику гегелевской философии права и современной ему действительности в 1843 г. Маркс вел якобы с «фейербахианских позиций». В действительности там, где Фейербах кончил (на критике религии), Маркс лишь начал свою работу, возвысив ее в степень боевой критики всего социально-политического строя эксплоататорского общества. В этой своей работе Маркс исходил из того, что материальное поведение людей, характер политических идей и учреждений нельзя понять полностью не только при помощи «унаследованного от Гегеля теоретического оружия», но и при помощи философии Фейербаха, который хотя и говорил об «иллюзиях земного мира», но все же не ответил на вопрос, «как случилось, что «люди вбили себе в голову» эти иллюзии?». Маркс исходил из того установленного им положения, что на этот вопрос

[71] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 373.
[72] Там же, стр. 376.
[73] Там же, стр. 381.

может ответить только учение, которое руководствуется не абстрактными идеями, не априорными категориями разума, а материалистическим пониманием истории, т. е. пониманием действительных материальных предпосылок жизни общества. Именно в этом заключается философская сущность и значение тех произведений Маркса, которые были им написаны в 1843 г. и которые, повторяем, уже тогда коренным образом отличали Маркса не только от Гегеля, но и от Фейербаха.[74]

Решительно выступая в 1843 г. против буржуазной государственности, Маркс, как мы уже говорили, учитывал вместе с тем прогрессивный характер буржуазной демократии по сравнению с прусской сословной монархией и практикой прусского полицейско-бюрократического режима. По поводу гегелевского тезиса «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно», тезиса, которым прусский король стремился освятить возглавляемый им государственный режим, Маркс писал, что Гегель заслуживает порицания не за то, что он рисует современное государство таким, каким оно есть, а за то, что он то, что есть — феодально-реакционное пруссачество, выдает за сущность государства. «Положение, что разумное действительно, лучше всего иллюстрируется противоречивостью неразумной действительности, которая на каждом шагу есть противоположность тому, что она о себе говорит, и говорит о себе противоположное тому, что она есть».[75] Напротив, для Маркса разумным

[74] Сам Маркс об этом писал (в «Немецкой идеологии») в словах, не оставляющих повода для сомнения: «При помощи унаследованного от Гегеля теоретического оружия эмпирическое, материальное поведение этих людей, конечно, нельзя даже и понять. Благодаря тому, что Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует только еще как фраза, перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии? Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которому не только не свойственно отсутствие предпосылок, но которое эмпирически руководствуется как раз действительными материальными предпосылками как таковыми и потому есть действительно критическое воззрение на мир. Этот путь был намечен уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher», во «Введении к критике гегелевской философии права» и в статье «К еврейскому вопросу». Но так как это было сделано тогда еще в философской фразеологии, то попадающиеся там по традиции такие философские выражения, как «человеческая сущность», «род» и т. п., дали немецким теоретикам желанный повод к тому, чтобы неверно понять действительное развитие (мыслей) и вообразить, будто и здесь все дело только в новой перелицовке их истасканных теоретических сюртуков...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 215. Последняя разрядка моя.— *В. Т.*).

[75] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 562.

является только то, что прогрессивно, а не реакционно. Отсюда — его полная блеска и силы уничтожающая критика прусской государственной системы, основанной на лицемерной и деспотической бюрократии.

Критика бюрократизма, как наиболее характерной черты прусского режима, содержащаяся в ранних работах Маркса, является исключительным по своей ценности научным материалом.

Уже в упомянутой выше статье «С берегов Мозеля» Маркс дает очень интересный анализ бюрократической сущности всей прусской государственной машины, характеризуя взаимоотношения между чиновничеством и населением. «...чиновник,— говорит Маркс,— склонен усматривать в соответствующей жалобе критику его служебного разумения и нападки на его прежнюю служебную деятельность».[76] Характеризуя взаимоотношения между населением и бюрократом-чиновником, не желающим изменить негодные методы управления и полагающим, что он все знает лучше других, тем более ему подчиненных, Маркс замечает: «Эту именно теорию о том, что начальство все лучше знает, и это противопоставление администрации объекту ее управления мы и встречаем в бюрократическом мире».[77]

В конспекте «Философии права» Гегеля Маркс противопоставляет свою научную критику бюрократизма гегелевским рассуждениям о правительственной власти, которые, по мнению Маркса, не только не заслуживают имени философского воззрения, но большая часть которых «...могла бы действительно стоять в прусском «Уложении законов». «Гегель дает нам эмпирическое описание бюрократии, соответствующее отчасти действительности, отчасти же тому представлению, которое сама бюрократия имеет о своем бытии, и этим исчерпывается у него труднейшая проблема «правительственной власти».[78]

Маркс исходит из того, что бюрократия является особой кастой чиновников, противостоящих всему остальному населению. Имея в виду связь между пониманием бюрократии Гегелем и его философией обожествления государства, Маркс пишет о бюрократии: «...дух бюрократии есть всецело дух иезуитизма, дух теологии. Бюрократы суть иезуиты и теологи государства. Бюрократия есть la république prêtu» (республика священнослужителей.— *В. Т.*). «Дух бюрократии есть «формальный дух государства». Она поэтому превращает «формальный дух государства», или действительное

[76] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 304.
[77] Там же, стр. 306.
[78] Там же, стр. 542.

бездушие государства, в категорический императив. Бюрократия считает себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» задачи своим содержанием, то она везде вступает в конфликт с «реальными» задачами. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание за формальный момент. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи или канцелярские задачи в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить».[79] «...Реальная сущность вещи рассматривается бюрократией сквозь призму ее бюрократической сущности, сквозь призму ее потусторонней, спиритуалистической сущности». «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство». «Явный дух государства, также и умонастроение государства, представляются поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне. Авторитет есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее умонастроение. Но в ее собственной среде спиритуализм превращается в грубейший материализм, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет; этот спиритуализм превращается здесь в механизм строго предписанных формальных действий, твердо установленных принципов, воззрений, традиций. Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры». «Для бюрократа мир есть лишь объект его деятельности».[80] Такова сущность бюрократизма как одного из отвратительных качеств эксплоататорской государственности, ярко выявившегося в системе прусского абсолютизма.

Подлинный революционер, Маркс считал своим долгом подвергнуть суровой критике немецкий государственный режим, режим полицейско-бюрократического произвола, ханжества и лицемерной демагогии, режим деспотизма и реакции. «...Современный немецкий режим, этот анахронизм, яркое противоречие общепризнанной аксиоме, напоказ всему миру выставленное ничтожество старого порядка, больше лишь воображает, что верит в себя, и требует от мира, чтобы и тот воображал это. Если бы он действительно верил в свою собственную сущность, разве он стал бы ее прятать под призраком чужой сущности и искать своего спасения в лицемерии и софизмах?»[81] Германия есть «...убожество политической современности, конституиро-

---

[79] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 545.
[80] Там же, стр. 546—547.
[81] Там же, стр. 388—389.

вавшееся в свой особый мир».[82] Будущий великий революционный трибун восходящего класса-гегемона, Маркс стремится вызвать ненависть к прусскому деспотическому государственному режиму среди самых широких народных масс: «Необходимо не дать немцам ни минуты для самообмана и смирения. Надо сделать действительный гнет еще более гнетущим, присоединяя к нему сознание гнета; позор — еще более позорным, разглашая его».[83]

Маркс считает, что хотя буржуазная демократия, как демократия частной собственности, имеет весьма ограниченный характер (о чем мы говорили выше), все же она является прогрессивным фактором по сравнению с прусским сословно-монархическим государством: «Представительный строй представляет собой известный шаг вперед, ибо он является откровенным, неподдельным и последовательным выражением современного государственного состояния. Он представляет собой неприкрытое противоречие».[84] Но Маркс не удовлетворяется урезанным буржуазным демократизмом. Он стремится к подлинной, настоящей демократии, привлекающей к активному участию в политической жизни весь народ, всех трудящихся. Именно об этой демократии говорит Маркс, когда, критикуя Гегеля за его защиту сословной монархии, замечает: «В монархии целое, народ, подводится под одну из его форм бытия, под его государственное устройство. В демократии же само государственное устройство выступает как одно из определений, и именно — как самоопределение народа. В монархии мы имеем народ государственного устройства, в демократии — государственное устройство народа».[85]

И когда молодой Маркс, подвергая суровой критике гегелевскую апологию сословной монархии, доказывал прогрессивный характер демократии, он тем самым давал, по существу, первый бой всем противникам демократизма, в том числе и наиболее крупным и авторитетным представителям буржуазной науки.

Имея в виду прусский абсолютизм, Маркс в одном из своих писем к Руге писал: «Принцип монархии вообще — презираемый, презренный, обесчеловеченный человек...»[86]. Маркс противопоставил этому принципу свое понимание подлинной демократии, выражением которой является действительно

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 394.
[83] Там же, стр. 388.
[84] Там же, стр. 573.
[85] Там же, стр. 531.
[86] Там же, стр. 341.

свободный человек. При действительном демократическом строе законы государства имеют своей целью удовлетворение потребностей отдельного человека и всего человеческого общежития. «Демократия относится ко всем остальным государственным формам, как к своему ветхому завету. Не человек для закона, а закон для человека; закон здесь есть человеческое бытие, между тем как в других формах государственного строя человек есть законное бытие. Вот основное отличие демократии». [87]

Но демократия может быть полной только в том случае, если она является действительно всеобщей и по форме и по существу, если она является демократией для всего народа, для трудящихся. Поэтому Маркс со всей силой обрушивается на Гегеля, аргументирующего свое отрицательное отношение к демократии тем, что участие всех в обсуждении и решении государственных дел вводит «...демократический элемент без всякой разумной формы...». По Гегелю, говорит Маркс, «...демократический элемент может быть введен в государственный организм лишь как формальный элемент, представляющий собой лишь формализм государства». [88] На самом же деле демократический элемент должен быть действительным элементом, имеющим во всем государственном организме свою разумную форму. «Если же этот элемент входит в государственный организм как «особый» элемент и как формализм, то под «разумной формой» его бытия понимается тогда дрессировка, приспособление, понимается форма, в которой этот элемент не выявляет своеобразия своего существа,— иными словами, в этом случае демократический элемент вступает в государственный организм лишь как формальный принцип». [89] В этой отповеди Гегелю Маркс предвосхитил свою позднейшую критику буржуазной демократии как демократии формальной, противоречащей подлинному, действительному народовластию.

Через несколько месяцев, в конце 1843 г. Маркс установил, что эта настоящая демократия может быть осуществлена только революционным путем, в результате пролетарской революции, сбрасывающей с общества цепи и политического, и, что самое главное, социально-экономического рабства.

Идя по пути критики политики и права эксплоататорского государства, молодой Маркс исходит не только из материалистических, но уже и из революционно-пролетарских позиций. Свою критику философии права Гегеля он

---

[87] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 532.
[88] Там же, стр. 620.
[89] Там же.

ставит целиком на службу пролетариату, который в это время все больше и больше превращается в крупную социальную силу. Исходя из необходимости связать теорию с практикой, с борьбой пролетариата, уже выделившегося из общей массы угнетенных, Маркс писал в «Введении к критике гегелевской философии права»: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...» «Философия не может быть превращена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя без превращения философии в действительность».[90] Философия, говорит Маркс о революционной теории,— голова эмансипации (освобождения) человеческого общества, пролетариат — сердце этой эмансипации.

Именно в этой своей работе Маркс впервые произносит термин «пролетариат» для обозначения эксплоатируемого рабочего класса и говорит о его всемирно-исторической роли как класса-освободителя. Здесь берут свое начало зародыши будущей теории пролетарской революции и пролетарской диктатуры. Маркс вплотную подошел здесь к своему величайшему открытию — к познанию исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и создателя бесклассового социалистического общества.

Придя к этому еще в известной степени гипотетическому выводу, Маркс вместе с тем сознает необходимость его серьезного научного обоснования. Он принимается за тщательное изучение фактического положения рабочего класса и его истории, за критическое изучение политической экономии и литературы, посвященной социально-политическим вопросам.[91]

4. 1844 г.

«Философско-экономические рукописи» Маркса

В «Философско-экономических рукописях» 1844 г. уже можно наблюдать определенные результаты проведенной Марксом работы по изучению истории общества, политиче-

[90] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 398.

[91] Начало этой работе было положено ознакомлением с такими произведениями, как, например: Fr. Engels, «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie», 1844; A. Smith, «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations», Paris 1802; D. Ricardo, «On the principles of political economy and taxation», 1817; Ch. Fourier, «La fausse Industrie», Paris 1835; «Theorie de l'unité universelle», Paris 1843; «Theorie des quatre mouvements et des destinées générales», Paris 1841; H. Saint-Simon, «Cathéchisme politique des industriels», 1824; «L'industrie, ou discussions politiques, morales et philosophiques», Paris 1817—1818; «Nouveau christianisme», 1825; J. Wade, «History of the Middle and Working classes», London 1835 и др.

ской экономии, положения рабочего класса и других социальных вопросов. В «Рукописях» Маркс подвергает резкой критике буржуазную политическую экономию, которая цинично рассматривает пролетария лишь как рабочую лошадь, созданную навечно для эксплоатации. «Само собою разумеется,— пишет Маркс,— что политическая экономия (буржуазная.— *В. Т.*) смотрит на пролетария, то-есть на того, кто живет без капитала и поземельной ренты, только своим трудом, к тому же — абстрактным и односторонним трудом, лишь как на рабочего. Она может, следовательно, выставить положение, что он, как и всякая лошадь, должен получать в свой доход ровно столько, чтобы иметь возможность работать. Она его не рассматривает вне его рабочего времени, как человека. Последнее она разрешает делать уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и смотрителю в домах для нищих».[92] В «Рукописях» Маркс прямо и решительно заявляет, что в своих теоретических построениях он исходит не из абстрактных положений идеалистической философии или буржуазной политэкономии, которая, даже признавая факт существования частной собственности, не способна объяснить ее происхождение и природу, а прежде всего из изучения реальной действительности, из наблюдений над фактами. «Мы исходим из политико-экономического современного факта»,— пишет Маркс.[93] Это замечание весьма характерно для Маркса, ставшего уже твердо на материалистическую почву. Здесь речь идет о факте существования частной собственности, об эксплоатации человека человеком, о положении пролетария, продающего на рынке свою рабочую силу. Между прочим, уже в «Рукописях» можно рассмотреть зародыш мысли, гениально развитой потом в «Капитале»: о рабочей силе человека как о товаре, потребляемом в процессе труда капиталистом-предпринимателем.[94] В «Рукописях» Маркс пишет, что рабочий становится тем беднее, чем больше он производит богатств, чем больше его продукция увеличивается по мощности и объему. «Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше сам он производит товаров». «Труд производит не только товары, он производит и самого себя, и рабочего как товар, и именно в такой пропорции, в какой он вообще товары производит».[95] Маркс здесь впер-

[92] K. Marx, «Oekonomische-philosophische Manuskripte» (Marx — Engels. Gesamtausgabe, Erste Abteilung, B. 3, Berlin 1932, S. 45).
[93] Ibid., S. 42.
[94] Ср. К. Маркс, Капитал, т. I, Соч., т. XVII, стр. 185.
[95] Marx — Engels, Gesamtausgabe, Erste Abteilung, B. 3, Berlin 1932, S. 82—83.

вые излагает свои мысли о капиталистическом производстве, о его внутренних противоречиях, о всей системе капиталистических отношений, основанной на наемном рабстве.

Уже в «Рукописях» (т. е. еще до «Святого семейства» и «Немецкой идеологии») Маркс, рассматривая различные формы отчужденного при капитализме общественного труда, говорит также об общественном характере отчуждения рабочего в капиталистическом обществе, о непримиримом противоречии между пролетариатом как классом и всем буржуазным обществом.

Вместе с тем Маркс впервые формулирует положения о базисе и надстройке. О государстве, праве, политике и других общественных явлениях он говорит именно как о надстройках, определяемых экономической структурой общества. Правда, он еще не дает той чеканной формулы, которая появилась позже, но уже близко подходит к ней. «Что в движении частной собственности, то-есть, экономики,— пишет Маркс,— все революционное движение находит свой эмпирический, а также теоретический базис,— это легко понять». И далее: «Материальная, непосредственно ощущаемая частная собственность является материально-ощущаемым выражением о т ч у ж д е н н о й человеческой жизни». «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и пр., являются только лишь о с о б е н н ы м и формами (Besondere Weisen) производства и подпадают под его общие законы. Положительное уничтожение частной собственности, как присвоение человеческой жизни, есть поэтому положительное уничтожение всякого отчуждения, следовательно возврат человека из религии, семьи, государства и пр. в свое ч е л о в е ч е с к о е, иначе говоря, о б щ е с т в е н н о е б ы т и е».[96] Маркс, таким образом, делает здесь дальнейший шаг вперед по пути понимания государства, права и т. п. как результатов определенных экономических отношений, как особых форм производства, подчиняющихся его общим законам.

Маркс здесь еще более отчетливо, чем в предыдущих работах, говорит о том, что современное ему общество раздирается внутренними противоречиями и что лишь уничтожение частной собственности и эксплоатации, а вместе с ними и всех эксплоататорских политико-юридических надстроек освободит человечество.

---

[96] M a r x — E n g e l s, Gesamtausgabe, Erste Abteilung, B. 3, Berlin 1932, S. 114—115.

Силу, которая способна уничтожить строй частной собственности, Маркс видит в пролетариате, освободительную роль которого он открыто провозгласил в введении «К критике гегелевской философии права».

В «Рукописях» Маркс, после первого научного анализа положения и роли рабочего класса в обществе, делает дальнейший шаг вперед. Он обобщает свой вывод о рабочем классе как единственной силе, способной освободить человечество от гнета и преодолеть все формы отчуждения человека от общества, какими, в частности, при эксплоататорском строе являются государство и право. «Из отношения отчужденного труда к частной собственности следует, что эмансипация общества от частной собственности и т. п., от рабства выражает себя в форме эмансипации рабочих. И не только в том смысле, что речь идет исключительно об их собственном освобождении, но и в том смысле, что их освобождение является условием освобождения всего человеческого общества, ибо все человеческое рабство заключено в отношении рабочего к производству, а все отношения рабства являются лишь модификациями и последствиями этого отношения».[97] Как видим, Маркс делает здесь уже исключительно глубокий для своего времени *научно обоснованный* и р е в о л ю ц и о н н ы й вывод.

III. О взглядах Энгельса на государство до 1844 г.

1. Вопросы государства в первых политико-публицистических выступлениях Энгельса

К такому же революционному выводу пришел еще до знакомства с Марксом и Фридрих Энгельс — второй великий основоположник научного коммунизма. Молодой Энгельс в своих первоначальных высказываниях выступает еще не в качестве коммуниста, а передового революционного демократа. Он бичует абсолютизм и реакцию, а также историческую школу права, освящающую строй деспотизма и произвола. Как бы перекликаясь с утверждением Маркса об исторической школе, как о школе, узаконяющей «подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего», Энгельс в статье «Эрнст Мориц Арндт» (1841) пишет о представителях этой школы: «...мертвые трупы прошлого они приводят в движение своими гальваническими токами и хотят нас уверить, что это не механизм, а жизнь. Они хотят способствовать саморазвитию

[97] Там же, стр. 92—93.

нации и приковывают к ее ногам колодку абсолютизма, чтобы она быстрее подвинулась вперед».[98]

Энгельс выступает также против дворянства и сословных привилегий. «Дворянство,— пишет он,— представляет собой поколение мясников... «костоломов».[99] Но острие своей критики он направляет против буржуазной государственности, против буржуазного общества. Он подвергает серьезной и решительной критике взгляды французских социалистов-утопистов, хотя и признает их огромное значение в истории общественной мысли. Их существенный недостаток он видит в том же, в чем Маркс видел недостаток Фейербаха, а именно — в недооценке политики и политической борьбы. «Сен-Симон и Фурье держались вдали от всякой политики,— писал Энгельс уже в первых своих работах,— и их планы оставались поэтому предметом частного обсуждения, вместо того, чтобы стать общим делом всей нации».[100] Но Энгельс не ограничивается этим утверждением. Он называет сен-симонизм «социальной поэзией», которой недостает научного изыскания и трезвого систематического мышления. Фурьеризм, по Энгельсу, грешит неразрешимыми внутренними противоречиями, в частности, тем, что он по сути дела не ставит вопроса об отмене частной собственности. Так, еще в процессе формирования своих общественно-политических взглядов Энгельс уже сумел обнаружить важнейшие недостатки учений социалистов-утопистов и сделать для себя соответствующие выводы. Изучая историю общества и современную действительность, молодой Энгельс выковывает оружие для правильного понимания и анализа окружающего его общественно-политического строя. Это особенно хорошо видно на примере его отношения к буржуазной демократии.

2. Революционная критика буржуазно-демократического государственного строя и провозглашение всемирно-исторической роли пролетариата.

Работы Энгельса: «Прогресс движения за социальную реформу на континенте», «Английская Конституция», «Положение рабочего класса в Англии»

В 1843 г. в статье «Прогресс движения за социальную реформу на континенте» Энгельс писал, имея в виду буржуазную демократию: «Французская революция означает на-

---

[98] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 75.
[99] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 76.
[100] Там же, стр. 397.

ступление демократии в Европе. Демократия есть, как, на мой взгляд, впрочем, всякая форма правительства, противоречие в себе самой, ложь, в сущности не что иное, как лицемерие. Политическая свобода есть ложная свобода, хуже, чем самое худшее рабство; она лишь кажущаяся свобода и, следовательно, истинное рабство».[101] В этом рассуждении уже много элементов будущего учения Маркса и Энгельса о сущности буржуазного государства, о подлинном характере буржуазной демократии. Энгельс отчетливо видит, что буржуазная демократия представляет собой не «естественную форму» организации человеческого общества, к которой якобы последнее должно стремиться, а лишь политическую форму, одну из форм правления. Энгельс понимает, что политическая «свобода», которая явилась следствием французской буржуазной революции, есть в сущности лишь одна из форм общественного рабства. Он утверждает, что, создавая иллюзию всеобщего равноправия, политическая свобода в буржуазном государстве имеет своим главным назначением закрепить фактическое неравенство классов, маскируя деспотическую власть одного класса над другим. Объявляя буржуазную демократию ложью, лицемерием, Энгельс предсказывает ее неизбежный роковой конец. «Лицемерие,— пишет он,— не может длительно существовать, ибо скрытое в нем противоречие должно выступить наружу. Либо равенство (формальное, буржуазное.— *В. Т.*), т. е. неприкрытый деспотизм, либо истинная свобода, истинное равенство, т. е. коммунизм».[102] В коммунизме Энгельс видит олицетворение подлинной свободы и действительного равенства, не имеющих ничего общего с фальшью буржуазного демократизма.

В этих взглядах Энгельс укрепился еще больше после того, как ознакомился с английской конституцией и с положением рабочего класса в Англии. «...Кто же в сущности правит в Англии?» — спрашивает Энгельс. И отвечает: «Правит собственность». Государственный строй, основанный на частной собственности и фальшивой демократии, может быть заменен только строем подлинной демократии. «Но какая демократия! Не демократия французской революции, противоположностью которой были монархия и феодализм, но та демократия, противоположность которой есть средний класс и собственность (буржуазия и частная собственность.— *В. Т.*). Это доказывается всем предыдущим развитием».[103] Вывод

---

[101] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 394.
[102] Там же.
[103] Там же, стр. 389.

Энгельса сводится к тому, что на смену буржуазной демократии должна притти социалистическая (или, как ее называл тогда Энгельс,— социальная) демократия. Только она способна разрешить основные противоречия социального строя. Демократия приобретает более широкое не только политическое значение и выражает уже осуществление нового общественного строя — социализма. Этот строй может осуществить только рабочий класс путем насильственной революции. В своей работе «Положение рабочего класса в Англии», написанной в результате непосредственного знакомства с жизнью английского пролетариата, Энгельс дает глубокий анализ положения и исторической роли рабочего класса и ставит вопрос о необходимости завоевания пролетариатом политической власти. Пролетариат не сможет избавиться от бесправия, «...покуда власть находится в руках богачей...» [104] Единственным возможным выходом является насильственная пролетарская революция. Таков вывод Энгельса. Энгельс, как и Маркс, становится на позиции пролетарской революции, на позиции коммунизма.

С этих позиций они в 1844 г. начинают совместную работу, развивая свои философские и политические взгляды, в частности взгляды на государство. [105]

---

[104] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 562.

[105] В 1885 г. в своей статье «К истории «Союза Коммунистов» Ф. Энгельс писал: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития,— в частности, следовательно, в Англии,— в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и вместе с тем для всей политической истории. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844 г.) в том смысле, что вообще не государством обусловливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обусловливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю следует объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже развил в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 213—214).

IV. Маркс и Энгельс о государстве в 1844—1845 гг. Учение об обществе, классах, государстве и революции

1. Вопрос о сущности государства в «Святом семействе» (1844). Критика реакционно-идеалистических взглядов младогегельянцев (Бр. Бауэр и др.)

Первым совместным трудом Маркса и Энгельса явилось «Святое семейство», при подготовлении которого Маркс использовал, естественно, «Философско-экономические рукописи». Маркс и Энгельс здесь зрело формулируют отдельные положения диалектического материализма.

В области воззрений на государство Маркс и Энгельс в «Святом семействе» более отчетливо, чем раньше, применяют материалистический метод, подчеркивают эксплоататорскую природу современного им государства.

С позиций пролетарских революционеров, коммунистов Маркс и Энгельс резко критикуют идеалистические, реакционные высказывания Бауэра о государстве. Они показывают, что Бауэр, смешав государство с человеческим обществом и видя в нем лишь некий «философский идеал», ничего не понял в сущности государства, в его классовой природе. Критикуя Гегеля и младогегельянцев, Маркс и Энгельс отмечают, что буржуазное государство есть продукт буржуазного общества, определяемый последним и сохраняющий все присущие этому обществу особенности. «Только политический предрассудок,— пишут они,— способен еще в наше время воображать, что государство скрепляет гражданскую жизнь, между тем как, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство». [106]

Материалистически решая вопрос о соотношении между обществом и государством, Маркс и Энгельс рассматривают государство как орудие классового господства буржуазии. Буржуазия, пишут они, видит в государстве «официальное выражение своей исключительной власти» и «политическое признание своих частных интересов». [107] Маркс и Энгельс вскрывают иллюзорный характер буржуазной демократии и подлинную классовую сущность буржуазного права, заменившего собой феодальные привилегии. «В современном мире всякий одновременно — член рабского строя и человеческого общежития. Именно рабство буржуазного общества, по видимости своей, есть величайшая свобода, потому что она кажется закон-

---

[106] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 149.
[107] Там же, стр. 153.

ченной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное никакими общими узами и никаким другим человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и проч., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его законченное рабство и человеческую отверженность. На место привилегии здесь стало право».[108] Это право есть право буржуазное, точно так же как создающее его государство — буржуазное государство. Для того чтобы избавиться от эксплоататорского государства, нужно уничтожить всю систему рабства. А это возможно только путем социальной революции, революции социалистической. «Революция вообще — ниспровержение существующей власти и прекращение старых отношений — есть политический акт. Но социализм не может быть осуществлен без революции».[109] Социалистическую революцию должен совершить пролетариат. Так решают Маркс и Энгельс этот вопрос в «Святом семействе».

Изучив историю буржуазных революций в Англии и Франции, Маркс и Энгельс приходят к выводу, что буржуазное государство есть результат этих революций. Но существование этого государства возможно только до новой, социалистической, пролетарской революции.

Ленин придавал очень большое значение «Святому семейству», считая, что в этом произведении уже совершенно отчетливо виден переход от гегелевской философии к социализму и «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата».[110] В другом месте Ленин еще более категорически указывал, что именно в 1844 г. Маркс выдвинул главную сторону своего учения — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества.[111]

2. Вопрос о сущности государства в «Немецкой идеологии» (1845). Государство и революция. Зарождение идеи диктатуры пролетариата и идеи развития социалистического государства. Борьба против буржуазной идеологии младогегельянцев и «истинных социалистов». Начало борьбы против анархизма

В 1845 г. Маркс, высланный из Франции по требованию прусских властей, проживал в Брюсселе. В Брюссель приез-

[108] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 144.
[109] Там же, стр. 20.
[110] В. И. Ленин, Философские тетради, 1938, стр. 30.
[111] См. В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 331.

жал Энгельс. Решив изложить в систематической форме свои основные философские и политические взгляды, Маркс и Энгельс написали новое философско-политическое произведение — «Немецкая идеология». Это произведение, являясь плодом уже зрелой теоретической мысли, завершило в основном процесс оформления философских и политических взглядов Маркса и Энгельса.

Исключительное историческое значение «Немецкой идеологии» состоит в том, что этот труд, направленный по форме против Фейербаха, Бауэра, Штирнера, Карла Грюна и других немецких философов, вместе с тем был первым опытом формулирования основ нового мировоззрения, созданного Марксом и Энгельсом. Материалистическое понимание истории, учение о базисе и надстройках, об обществе, классах и государстве, о коммунистической революции — все это в «Немецкой идеологии» впервые получило свое стройное и цельное научное изложение. За два года до «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс уже близко подошли к идее диктатуры пролетариата как экономического и политического господства рабочего класса.[112]

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, естественно, не могли еще дать развернутого освещения вопроса о диктатуре пролетариата. Предстояла большая работа в этом направлении. Для этого необходимо было использовать и обобщить опыт важнейших революционных событий XIX века (1848 и 1871 годы). Но применение правильного, диалектико-материалистического метода и коммунистическое, пролетарское мировоззрение дали им возможность уже в «Немецкой идеологии» изложить существенные основы своей теории государства.

Исходя из ставшего уже вполне очевидным для них положения, что общественное производство составляет базис общественной организации, государства и всякой иной над-

---

[112] «Немецкая идеология» впервые была опубликована полностью ИМЭЛ в 1932 г. на немецком языке (Karl Marx, Friedrich Engels, «Die deutsche Ideologie, Kritik der neusten deutschen Philosophie, in ihren Repräsentanten, Feuerbach, B. Bauer und Stirner und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten», Wien — Berlin 1932). До этого «Немецкая идеология» в течение многих десятилетий тщательно скрывалась руководством германской социал-демократии при содействии Рязанова. Они опасались, что публикация произведений Маркса и Энгельса окажет революционизирующее влияние на рабочий класс и сможет способствовать разоблачению их оппортунистической, ревизионистской тактики. Даже тогда, когда они вынуждены были опубликовать отдельные отрывки из неизданных материалов литературного наследства Маркса и Энгельса, подлинный текст этих материалов фальсифицировался, искажался.

стройки, Маркс и Энгельс следующим образом формулируют сущность материалистического понимания истории: «...Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения, т. е. гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории, а затем изобразить его (гражданского общества) деятельность в качестве государства, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. ...» [113] «Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту реальную основу истории, или же видело в ней нечто побочное, совершенно не связанное с историческим процессом». [114] Это было величайшее научное открытие, которое когда-либо знала история общественной мысли. Именно оно превратило в основном уже сложившиеся взгляды Маркса и Энгельса на сущность государства в стройную научную систему.

В специальной главе Маркс и Энгельс выясняют отношение государства и права к собственности («Verhältnis von Staat und Recht zum Eigentum»). Отметив фактическую экономическую зависимость государства от собственников, Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии», что буржуазной частной собственности соответствует буржуазное государство, которое при посредстве налогов постепенно берется на откуп частными собственниками, а благодаря государственным долгам оказывается совершенно в их власти. Существование этого государства «...целиком зависит от коммерческого кредита, оказываемого ему частными собственниками, буржуа». Так называемый всеобщий (а следовательно — надклассовый) характер буржуазного государства является иллюзией, обманом. Поскольку буржуазия превратилась уже из сословия в класс, она, естественно, была вынуждена организоваться не в местном, а в национальном масштабе и должна была придать своему общему интересу определенную всеобщую форму. В действительности же буржуазное государство суть «...не что иное как организационная форма, которую необходимо должны принять буржуа, чтобы как вовне, так и внутри взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы». [115] Государство, по Марксу и Энгельсу,

---

[113] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, 1938, стр. 28.
[114] Там же, стр. 29.
[115] Там же, стр. 52—53.

есть «...та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, проводят свои общие интересы и в котором концентрируется (sich zusammenfast) все гражданское общество данной эпохи...» [116]

Точно так же в связи с частной собственностью Маркс и Энгельс решают вопрос о происхождении и развитии права. «Частное право,— пишут они,— развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения естественно развившейся коллективности». [117] Разоблачая юридические иллюзии, сводящие право к чистой воле, Маркс и Энгельс показывают, что в действительности дело обстоит иначе и что «всякий раз, когда развитие промышленности и торговли создавало новые формы общения, например, страховые и т. д. компании, право было вынуждено их санкционировать как новые виды приобретения собственности». [118]

Материалистическая теория государства и права, развиваемая в «Немецкой идеологии», особенно наглядно выявляется в критике Марксом и Энгельсом идеалистической «концепции» Макса Штирнера, одного из тогдашних идеологов немецкой мелкой буржуазии и одного из «апостолов» анархизма.

В своей книге «Единственный и его собственность» [119] Штирнер определил государство и право как «всемогущий дух общества». Как у типичного идеалиста, у Штирнера не право определяется обществом, а, наоборот, общество существует лишь благодаря праву. Буржуазное общество, по Штирнеру, целиком подчинено государству. «Буржуа является тем, что он есть, только благодаря охране государства, благодаря его милости. Если бы власть государства сломилась, он должен был бы потерять все». Штирнер здесь повторил мысль Гегеля; государство превратилось у него во всемогущую силу, совершенно не зависимую от общества. Подобно Гоббсу, представлявшему государство в виде Левиафана, Штирнер видел в государстве чудовище, воля которого является единственной определяющей силой в общественной жизни.

Маркс и Энгельс вскрывают идеалистичность теории Штирнера. «Материальная жизнь индивидов,— пишут они,— отнюдь не зависящая просто от их «воли», их способ производства и форма общения, которые взаимно обусловливают друг друга, есть реальный базис государства и остается им

---

[116] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 53.
[117] Там же.
[118] Там же, стр. 54.
[119] M. Stirner, Der Einzige und sein Eigentum, Leipzig 1845.

на всех ступенях, на которых еще необходимы разделение труда и частная собственность, совершенно независимо от воли индивидов. Эти действительные отношения отнюдь не создаются государственной властью, а, наоборот, сами они — созидающая ее сила». Господствующие классы «...должны придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона,— выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право». [120]

Маркс и Энгельс показали, что закон является выражением воли господствующего класса, обусловленной определенными материальными условиями жизни общества. По Штирнеру же, наоборот, материальные общественные отношения подчинены закону. Штирнер считает, что вопрос о собственности решает государственная власть. Маркс и Энгельс же доказывали обратное, а именно, что «...вопрос о власти решает пока что собственность». [121] Государство бессильно по отношению к происках частных собственников, так как буржуа организовали защиту своей собственности в государстве. [122]

В этом же плане в «Немецкой идеологии» подвергаются критике утверждения так называемых «истинных социалистов» (Карл Грюн и другие), которые тоже идеалистически рассматривали взаимоотношение между обществом и государством, не понимали природы государства, оценивали государственное принуждение как основу общества. [123] «Истинные социалисты понимают под «внешним принуждением» не ограничивающие материальные условия жизни данных индивидов, а лишь государственное принуждение, штыки, полицию, пушки, которые, отнюдь не будучи основой общества, представляют собой лишь следствие его собственного расчленения». [124]

Определяя подлинную природу и цели буржуазного государства, Маркс и Энгельс называют его платным прислужником буржуазии, видящей в нем защитника своих интересов. «...Буржуа,— пишут Маркс и Энгельс,— хорошо оплачивают свое государство и заставляют нацию оплачивать его, чтобы иметь возможность безнаказанно платить плохо (рабочим.— *В. Т.*); хорошей платой они обеспечивают себе в лице госу-

---

[120] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 311.
[121] Там же, стр. 339.
[122] См. там же, стр. 340.
[123] См. K. Grün, Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien, Darmstadt 1845; Politik und Sozialismus, 1845 и др.
[124] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 474—475.

дарственных служащих силу, которая их охраняет,— полицию; они охотно платят и заставляют нацию платить большие оброки, чтобы иметь возможность безнаказанно перелагать уплачиваемые ими суммы на рабочих в виде оброка (в виде вычета из заработной платы)». [125] Штирнер не отрицал того, что современное ему государство есть орган защиты буржуазии против рабочих. Но эту «функцию защиты» он представлял в явно искаженном виде, как функцию, якобы насильно навязываемую государством буржуазии. Маркс и Энгельс блестяще разоблачили вздорность и необоснованность этой «теории», показав, что буржуазное государство целиком и полностью зависит от воли своего хозяина — буржуазии.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс продолжают рассматривать вопрос о государстве в связи с вопросом о революции. В 1845 г. Маркс даже собирался написать специальный труд на тему о государстве и революции. В известном блокноте Маркса, содержащем тезисы о Фейербахе, было сформулировано название этого труда: «Революция — история происхождения современного государства». В этом же блокноте был записан следующий план темы:

1. История происхождения современного (буржуазного.— *В. Т.*) государства или французская революция.
2. Провозглашение прав человека и государственная конституция. Индивидуальная свобода и публичная власть. Свобода, равенство и единство.
3. Государство и гражданское общество.
4. Представительное государство и хартия. Конституционное представительное государство, демократическое представительное государство.
5. Разделение властей. Законодательная и исполнительная власть.
6. Законодательная власть и законодательные палаты. Политические клубы.
7. Исполнительная власть. Централизация и иерархия. Федеративная система и индустриализм. Государственное управление и коммунальное управление.
8. Судебная власть и право.
9. Национальность и народ.
10. Политические партии.
11. Избирательное право, борьба за устранение государства и гражданского (буржуазного.— *В. Т.*) общества. [126]

---

[125] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 180.

[126] Весьма интересен список литературы, которая, как это можно предполагать, была критически изучена Марксом в качестве материала для этого проектируемого труда. Здесь можно найти не только материалы, характеризующие хозяйственно-политическое состояние современ-

Выполнение этого плана Марксом несомненно означало бы создание выдающегося теоретического труда, в котором буржуазная государственность была бы подвергнута всестороннему критическому анализу, и были бы систематически изложены выводы Маркса о государстве вообще, к которым он пришел в то время. Самый текст плана показывает, что Маркс рассматривает буржуазное государство как результат буржуазной революции. Не может быть сомнений в том, что в этой работе Маркс изложил бы свое мнение об отношении пролетариата к государству, исходя из своего учения о

ного Марксу капиталистического общества, положение и борьбу рабочего класса, но и литературные источники по истории буржуазных революций (особенно — французский), а также специально — по вопросам государства и права. Вот, для примера, некоторые из этих материалов и источников: B. Barrere, «Le Point du jour, ou Resultat de ce qui s'est passé la veille à l'Assemblée nationale, 19 juin 1789—2 oct. 1791», Paris; C. Beaulieu, «Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution de France», Paris 1801—1803; L. Blanc, «Histoire de dix ans, 1830—1840», Paris 1841; Bluntschli, «Die Kommunisten in der Schweiz»; J. Brissot, «Mémoires», Paris 1830; L. Luhi, «Geschichte der zehn Jahre 1830—1840 von Louis Blanc», Berlin 1844; F. Chastellux, «De la Félicité publique, considérations sur le sort des hommes dans les différentes époques de l'histoire», Amsterdam 1772; Code Napoleonó, Seconde Edition, Paris 1807; F. Eden. «The State of the Poor; or an History of the Labouring Classes in England». London 1797; «L'Egalitaire», Journal de l'Organisation Sociale, juin, 1840; F. Guizot, «Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'Empire romain jusqu'en 1789», Bruxelles 1839; F. Guizot, «Rede in der Pairskammer von 25 April 1844»; F. Kerverseau, «Histoire de la Révolution de 1789 et de l'établissement d'une Constitution en France, précédée de l'expose rapide des administrations succesives qui ont déterminé cette révolution mémorable, par deux amies de la «liberté», Paris 1790—1803; R. Levasseur «Mémoires», Paris 1831; Louvet de Couvray, I. «Mémoires», Paris 1823; A. Monteil, «Histoire des Français des divers états aux cinq derniers siècles», 1828; C. Montgaillarse, «Revue chronologique de l'histoire de France, 1787—1818». Paris 1820; «Geschichte der europäischen Staaten», herausgegeben von A. H. L. Heeren und F. A. Ukert, Hamburg 1829—1835; A. Rutenberg (Hag), «Bibliothek politischer Reden aus dem 18 und 19 Jahrhundert», Berlin 1843—1844; L. Bonald, «Oeuvres complètes», Paris 1817—1819; B. Constant, «De l'esprit des conquêtes et de l'usurpation dans leurs rapports avec la civilisation européene», Paris 1814; W. Godwin, «Enquiry concerning political justice, and its influence on morals and happiness», London 1796; I. L. E. Lerminier, «Philosophie du droit», Paris 1831; N. Linguet, «Théorie des lois civiles, ou principes fondementaux de la société», Paris 1761; K. Nauwerck, Über die Theilnahme am Staate», Leipzig 1844; J. J. Rousseau, «Du contrat social ou principes du droit politique», 1782; произведения Томаса Гоббса, Локка, Монтескье, де Местра, Жозефа Карно и многих других авторов, которых Маркс изучал дополнительно к своим основным занятиям по критическому изучению философии, всеобщей истории, политической экономии, социалистического движения. (При составлении списка нами было использовано издание: K. Marx u. F. Engels, «Die deutsche Ideologie», Berlin 1932, а также другие материалы).

пролетарской революции, т. е. то, что он в значительной степени сделал в «Немецкой идеологии». Характерно совпадение методологических установок в плане Маркса и работе Ленина «Государство и революция». В обоих случаях мы имеем непосредственную связь вопроса о природе государства с вопросом о революции.

Важнейший вывод, к которому пришли Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», заключался в утверждении неизбежности и необходимости пролетарской, коммунистической революции.

Буржуазное государство, выставляющее себя в качестве воплощения всеобщей воли и олицетворения человеческого коллектива, Маркс и Энгельс разоблачают в «Немецкой идеологии» не только как «совершенно иллюзорную коллективность», но и как «новые оковы», которые необходимо разбить.

В «Немецкой идеологии» провозглашается необходимость революции и не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что «...свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество».[127] Но «...каждый стремящийся к господству класс,— если даже его господство обусловливает, как у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще для того, чтобы в свою очередь представить (к чему он вынужден в первый момент) свой интерес как всеобщий,— должен прежде всего завоевать себе политическую власть».[128]

Что значит — господство пролетариата обусловливает уничтожение всей старой общественной формы? Это значит, что политическая и экономическая власть буржуазии (а следовательно, буржуазное государство и право) должна быть заменена политической и экономической властью пролетариата. Маркс и Энгельс здесь еще не определяют диктатуру пролетариата как орудие перехода от капитализма к коммунизму, но они уже подходят к этому определению. И в этом — также важнейшее значение «Немецкой идеологии».

Свое учение о государстве и пролетарской революции Маркс и Энгельс противопоставили псевдонаучным «теориям» Бауэра, Штирнера, «истинных социалистов» и других немецких идеологов, которые либо недооценивали роль государства, либо, наоборот, переоценивали ее, либо отрицали

[127] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 60.
[128] Там же, стр. 24.

необходимость государства, либо, наоборот, увековечивали его.

Макс Штирнер, проповедуя анархо-индивидуалистические взгляды, объявил себя противником всякого государства, в том числе и пролетарского, врагом всякого права. «Творец и обладатель своего права,— писал он,— я не признаю никакого другого источника, кроме самого себя. Ни бога, ни государства, ни природы, ни людей, ни божеского, ни человеческого права». «Надо мной в каждом государстве будет стоять правительство, в абсолютном, как и в республиканском или «свободном». Мне в одном государстве так же плохо, как и в другом». [129]

Довольно сходной со Штирнером позиции в вопросе о значении государства придерживались и «истинные социалисты». Их лидер Карл Грюн особенно настойчиво защищал идею борьбы со всякой государственностью, проповедывал политическую пассивность, демагогически заявляя, что социализм может быть установлен только «божественной силой истины», «во имя ее святых законов», «только при помощи оружия разума, а не грубой силы» и т. д. [130]

Маркс и Энгельс до конца разоблачили «теории» Штирнера, Грюна и других, показав их подлинный, по существу буржуазный смысл. «Немецкой идеологией» было положено начало многолетней борьбы марксизма с анархизмом в вопросе о государстве. Здесь же мы видим также начало борьбы с оппортунизмом в этом вопросе. Если Штирнер был одним из «родоначальников» анархизма, то Грюн и другие «истинные социалисты» с не меньшим правом могут быть отнесены к «родоначальникам» позднейшего немецкого социал-оппортунизма.

В противовес антипролетарским, реакционным «теориям» своих политических противников, Маркс и Энгельс доказывали необходимость и неизбежность насильственной социалистической пролетарской революции. С точки зрения Маркса и Энгельса, насилие является необходимым условием борьбы пролетариата за свою власть. Они решительно опровергают вымысел Штирнера, будто «...коммунисты хотят отменить государство». [131] Исходя из того, что целью пролетарской революции является установление общественного строя без классов и без государства во всем мире, Маркс и Энгельс, однако, считали, что сразу устранить государство нельзя.

---

[129] M. Stirner, Das Einzige und sein Eigentum, S. 153, 170.

[130] См. K. Grün, Politik und Sozialismus, «Rheinische Jahrbücher», 1845, B. I, S. 98.

[131] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 190—191.

Если прошлые революции должны были, протекая в условиях разделения труда, приводить к новым политическим учреждениям, то коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, «...должна в конце концов устранить политические учреждения...» [132] До этого же политическая власть должна принадлежать пролетариату. Здесь мы имеем дальнейшее приближение к идее диктатуры пролетариата, социалистической государственности.

V. 1846—1847 гг. Критика буржуазной «теории» государства Карла Гейнцена

Для более полной характеристики борьбы Маркса и Энгельса за создание подлинной научно-революционной теории государства существенный интерес представляют их статьи против Карла Гейнцена, одного из мелкобуржуазных радикалов-публицистов тогдашней Германии.

Мы останавливаемся на этом вопросе отнюдь не потому, что высказывания Гейнцена представляют особую ценность и заслуживают специального внимания. Напротив, они были крайне примитивны и мало оригинальны. Мы говорим о них только для того, чтобы показать реакцию определенной группы немецкой буржуазии на учение Маркса о государстве, а также проиллюстрировать еще одним примером развитие Марксом и Энгельсом своих взглядов на государство.

В развернувшейся между марксизмом и «истинным социализмом» дискуссии Гейнцен пытался изобразить дело так, будто он старается занять «промежуточную» позицию. С одной стороны, он критиковал «истинных социалистов» за их равнодушие к политике, а с другой — нападал на Маркса и Энгельса, резко возражая против провозглашенного ими лозунга классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. В действительности же он отразил настроения и интересы определенной части немецкой буржуазии, боявшейся революционных высказываний Маркса.

Главный источник социальных бедствий Гейнцен видел не в экономической и классовой структуре общества, а в монархическом устройстве государства. Игнорируя роль и задачи рабочего класса, делая ставку на крестьянство, он стремился, по существу, к тому, чтобы создать обыкновенное буржуазное «правовое государство». Как и Штирнер и «истинные социалисты», которых он критиковал, Гейнцен не понимал правильной взаимозависимости между обществом с его экономическим базисом и государством.

---

[132] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 366 (разрядка моя.— *В. Т.*).

Попытку подвергнуть критике взгляды Гейнцена на государство сделал немецкий демократ Стефан Борн, выпустивший с этой целью в 1847 г. специальную брошюру.[133] Но подлинная критика теории государства у Гейнцена была дана Марксом (статья «Морализующая критика и критизирующая мораль») и Энгельсом (статья «Коммунисты и К. Гейнцен»).

Критикуя взгляды Гейнцена на государство, Маркс и Энгельс исходили из тех же позиций, что и при критике Штирнера, Бауэра и «истинных социалистов» в «Немецкой идеологии». Но теперь эти позиции были более твердыми и прочными, так как Маркс и Энгельс еще яснее сознавали интересы борющегося за свое освобождение пролетариата и задачи его практической революционной борьбы. Связывая теорию с практикой, они противопоставляли свое понимание сущности государства, основанное на учете революционного опыта, доктринерской «теории» Гейнцена. «Г-н Гейнцен воображает,— писал Энгельс,— что коммунизм есть известная доктрина, которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своей основы, и отсюда делает дальнейшие умозаключения. Г-н Гейнцен очень ошибается. Коммунизм не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь исторический процесс и, в частности, его фактические результаты в современных цивилизованных странах».[134]

Энгельс показал, что Гейнцен повторяет старые, избитые фразы о «всемогуществе государства», о необходимости «правового государства» (в виде аграрной республики) и т. п. Маркс блестяще разоблачил утверждения Гейнцена о том, что якобы «политическая власть господствует над собственностью». По Марксу, не буржуазное государство определяет сущность социальной несправедливости, основанной на частной собственности и эксплоатации (как утверждал Гейнцен), а, наоборот, частная собственность определяет сущность буржуазного государства. Критикуя положение Гейнцена о том, что «несправедливость в отношении собственности поддерживается властью», Маркс показал, что Гейнцен имеет в виду только политический гнет, но отнюдь не проникает в область производственных отношений. Гейнцен был далек от того вывода, который формулировал в своей статье Маркс. Этот вывод гласил: «Современные буржуазные отношения собственности «поддерживаются» (термин Гейнцена.— *В. Т.*) государственной властью, которую буржуазия

---

[133] См. «Der einzen'sche Staat. Eine Kritik von Stephan», Bern 1847.
[134] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 194.

организовала для защиты своих отношений собственности. Следовательно, там, где политическая власть находится уже в руках буржуазии, пролетарии должны ее низвергнуть. Они сами должны стать властью, прежде всего революционной властью».[135] Итак, в ходе критики «теории» государства Гейнцена Маркс и Энгельс формулируют идею диктатуры пролетариата, хотя еще не употребляют этот термин.

Генрих Кунов, этот типичнейший ученый лакей буржуазии, желающий во что бы то ни стало найти «внутренние противоречия» марксистской теории государства, нагло извратил существо статьи Маркса против Гейнцена, как, впрочем, и вообще все взгляды Маркса и Энгельса на государство. Противопоставив ранние высказывания Маркса и Энгельса о государстве их позднейшим высказываниям и выдумав нелепое противоречие «между Марксом-социологом и Марксом-политиком» («Marx contra Marx»), Кунов стремился доказать, что, в отличие от взглядов Маркса более позднего периода, статья «Морализующая критика и критизирующая мораль», написанная в 1847 г., ставит якобы вопрос о государстве лишь социологически, а не политически.[136] Маркс, по его мнению, еще находится здесь под влиянием Гегеля и поэтому якобы избегает делать «упреки» буржуазному государству, вести против него борьбу, требовать его уничтожения революционным путем и т. д. и т. п. «До тех пор,— изрекает Кунов,— пока Маркс в 40-х годах прошлого века еще находился в значительной степени под влиянием гегелевского понимания государства, он всячески избегал, несмотря на свою вражду к буржуазному государству, упреков государству или господствующей буржуазии за социальные отношения».

В статье «Морализующая критика и критизирующая мораль» Маркс между прочим говорит об обусловленности политического господства буржуазии буржуазными производственными отношениями. Маркс говорит также о том, что хотя важнейшим условием уничтожения буржуазного способа производства и является политическое господство пролетариата, но вместе с тем самое это господство становится необходимым лишь на определенной исторической ступени развития общества, когда уже сложились все нужные для пролетарской революции материальные предпосылки. Пока ход истории, говорит Маркс, ее «движение» не создаст такие ма-

---

[135] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 205.

[136] См. H. Cunow, Die Marxische Geschichts-Gesellschaft und Staatstheorie. Grundzüge der Marxischen Soziologie, B. I, Berlin 1923, S. 311.

териальные условия, которые необходимо поведут к уничтожению буржуазного способа производства, а следовательно, к падению политического господства буржуазии, до тех пор, если даже пролетариат свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь временной, на один момент, она только окажет услугу буржуазной революции, как это имело место в 1794 г. Но коль скоро эти материальные условия имеются, политическое господство пролетариата становится необходимым, за это господство нужно бороться, эту борьбу нужно организовать, победу — ускорить.[137] Приведя эти слова Маркса, Кунов делает следующий «глубокомысленный» вывод: «Марксом здесь констатируется, что буржуазное государство не создает таких социальных несправедливостей, как господство буржуазии и порабощение рабочего класса; они вырастают из производственных отношений, из социального процесса самой жизни, а потому не могут изменяться при политических победах, при изменениях государственной власти, если им не предшествует соответствующее изменение производственных отношений».[138]

Это куновское «потому» восхитительно: с его помощью Кунов приписывает Марксу то, чего Маркс не думал и не говорил. Разве из слов Маркса следует, что политической победе пролетариата должно предшествовать изменение производственных отношений? Разумеется, нет. Маркс здесь говорит о материальных условиях (materiellen Bedingungen), т. е. о развитии производительных сил общества, и прежде всего о развитии главной производительной силы — пролетариата. Что же касается производственных отношений, то их изменение может произойти лишь после активного вмешательства пролетариата и его государства, вмешательства исторически неизбежного и оправданного.

Маркс, по невежественному утверждению Кунова, был в 1847 г. гегельянцем. В качестве такового он «всячески избегал упреков государству или господствующей буржуазии за социальные отношения». Вместе с тем под влиянием Гегеля же (?!) он отдает примат производственным отношениям, которыми обусловлены и буржуазное государство и охраняемые им «социальные несправедливости». Более того, полити-

---

[137] «Stürzt daher das Proletariat die Politische Herrschaft der Bourgeoisie, so wird sein Sieg nur vorübergehend, nur ein Moment im Dienste der bürgerlichen Revolution selbst sein, wie Anno 1794, solange im Laufe der Geschichte, in ihrer «Bewegung», die materiellen Bedingungen noch nicht geschaffen sind, die, die Abschaffung der bürgerlichen Produktionsweise und darum auch den Sturz der politischen Bourgeoiherrschaft notwendig machen» (K. Marx, Nachlass, B. II, S. 465).

[138] H. Cunow, op. cit., S. 312 (курсив мой.— *В. Т.*).

ческая борьба, по Кунову, в этот период для Маркса существенной роли не играет, ибо, оказывается, изменения политической власти должны явиться только результатом изменений производственных отношений. Нетрудно в этой «логике» Кунова (которая ничего общего, разумеется не имеет с марксизмом) обнаружить и Бернштейна, и Каутского, и Н. Суханова. Здесь мы имеем явно фальсификаторскую, клеветническую попытку «причесать», как выражался в таких случаях Ленин, марксистскую теорию государства под удобную для буржуазии и ее прислужников оппортунистическую гребенку, попытку представить Маркса 1847 г. сторонником «мирной эволюции капитализма», апологетом «теории самотека» и даже... «противником пролетарской революции». Приведенные выше слова самого Маркса о том, что пролетарии должны взять в свои руки политическую власть, разоблачают фальсификатора достаточно убедительно. Совершенно бесспорно, что материалистическое понимание сущности общества и государства не только не противоречило провозглашению необходимости революционной борьбы пролетариата за государственную власть, но, наоборот, было с ним самым непосредственным образом связано. «Противоречие между Марксом-социологом и Марксом-политиком» выдумано Куновым для того, чтобы исказить существо революционных взглядов Маркса на государство.

Вся книга Кунова построена по рецептам фальсификаторов марксизма. Нет ничего удивительного в том, что и в частном вопросе, связанном с борьбой Маркса против Гейнцена, Кунов остался целиком верен себе.

Что же касается самой марксистской теории, теории последовательной и революционной, то, как мы видели, ее важнейшие положения в период выступлений Маркса и Энгельса против Гейнцена уже, по существу, вполне сложились.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО И ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД ОТ КАНУНА РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

I. Канун революции 1848 г. Ленин о влиянии революционной ситуации на развитие взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о государстве

В 1847 г. Маркс написал свою знаменитую «Нищету философии» («Анти-Прудон»), а затем в конце года совместно с Энгельсом — «Манифест Коммунистической партии». Это были первые программные произведения зрелого марксизма, в которых сформулированы принципы коммунистического мировоззрения, ставшего через некоторое время достоянием широчайших трудящихся масс. Эти классические произведения марксизма создавались непосредственно перед началом революции 1848 г. По справедливому замечанию Ленина, «...на ряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации...» [1]

Революционный характер ситуации кануна 1848 г. выражался в ряде значительных изменений в политической жизни Европы.

Экономический кризис, начавшийся в середине 1847 г., резко обострил классовые противоречия и классовую борьбу в большинстве европейских стран. Буржуазии удалось достичь значительных политических успехов. Вместе с тем развивается и рабочее движение, находившееся, правда, еще под сильным влиянием утопических идей. Однако начинает-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 384.

ся уже и постепенное распространение взглядов научного коммунизма, завоевывающего все большее число приверженцев и приводящего в трепет правящие реакционные клики (которые в страхе видели коммунизм не только там, где он был в действительности, но и там, где его никогда не было и быть не могло). «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Чувствовалось приближение революции. К ней готовились. Готовились и те, кто ее хотел, и те, кто ее боялся. Последовательным сторонником действительной революции мог быть только пролетариат, который после буржуазной революции мог подготовить силы для установления своего господства. Революция была страшна для тех, против кого она направлялась,— для правящей реакции. Ее боялась и трусливая, дряблая, буржуазия.

Предвидя приближение и характер наступающей революции, Маркс и Энгельс организовали «Союз коммунистов», а также решили теоретически вооружить международный рабочий класс, изложив принципы научного коммунизма. Это было сделано в «Нищете философии» и в «Манифесте Коммунистической партии».

II. Провозглашение лозунга борьбы против эксплоататорской государственности, за диктатуру пролетариата программным требованием научного коммунизма

Предстоящую революцию в Германии Маркс и Энгельс оценивали как буржуазную революцию, которая должна расчистить почву для грядущей революции пролетариата. Поэтому рабочий класс кровно заинтересован в свержении абсолютной монархии, дворянства и попов, т. е. в решении задач буржуазной революции. «На вашу долю,— писал Энгельс в 1847 г., обращаясь к буржуазии,— выпадает задача убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальный строй, должны осуществить централизацию, должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев — наших будущих сторонников. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения».[2] К борьбе за это освобождение и готовили пролетариат Маркс и Энгельс, считая неизбежным наступление вслед за буржуазной революцией — пролетарской революции, перерастание первой во вторую.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 248—249.

При этом победа пролетарской революции мыслилась ими как одновременная в большинстве так называемых цивилизованных стран мира. В доимпериалистическую эпоху развития капитализма такой взгляд был совершенно правильным. [3]

Вопрос о революции — это прежде всего вопрос о власти, о диктатуре определенного класса, а следовательно, о государстве. Естественно поэтому, что основной темой «Нищеты философии» и «Манифеста Коммунистической партии» могла быть только тема о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата как о главном средстве освобождения всего человечества от эксплоатации, угнетения.

1. Против Прудона и прудонизма. «Нищета философии» (1847). О пролетарской революции и об отношении пролетариата к государству

«Нищета философии» была направлена, как известно, против Прудона, книгу которого «Система экономических противоречий или философия нищеты» Маркс и Энгельс называли «кодексом мелкобуржуазного социализма», типичнейшим примером идеологии мелкой буржуазии.

«Философия нищеты» — второе крупное произведение Прудона. Первым его произведением была книга под названием «Что такое собственность?», прославившаяся своим ответом на этот вопрос: «Le propriété c'est le vol» — «Собственность — это кража». [4] Однако характерными чертами мировоззрения Прудона были идеализм в философии и анархизм в политике. Эти черты вскрыл и подверг острой критике Маркс в «Нищете философии».

Разоблачая идеализм Прудона, Маркс блестяще развенчал его попытки вывести общественные отношения людей a la Гегель из «всеобщего разума», «бога», «идеи справедливости» и т. д. Вместе с тем Маркс показал мелкобуржу-

[3] Наиболее развернуто эту точку зрения выразил Энгельс в «Принципах коммунизма». Доказывая, что в ту эпоху пролетарская революция не могла произойти в о д н о й какой-нибудь стране, Энгельс писал, что «...коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 476).

[4] Авторство этого изречения обычно приписывается Прудону, хотя, в действительности, Прудон его только заимствовал из сочинения Бриссо, одного из вождей жирондистов в эпоху революции 1789 г., на что в свое время указал Маркс.

азную сущность анархистского отношения Прудона к государству, политике, политическому движению.

Как и Штирнер, Прудон видел в государстве «главное зло», устранение которого, по его мнению, дало бы обществу подлинную свободу. Прудон характеризовал всякое государство как искусственный инструмент, тормозящий примирение классов, осуществление проектируемого Прудоном нового социального строя, основанного на даровом кредите, меновых банках и т. д. Прудон совершенно не понимал обусловленности государства определенными общественными отношениями, не понимал того, что определенный политический строй является лишь официальным выражением гражданского общества. По выражению Маркса, Прудон был уверен, что делает великое дело, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, т. е. от официального выражения общества — к самому обществу.[5]

Анархистская враждебность ко всякому государству, разумеется, не приводила Прудона к сколько-нибудь революционным выводам. Напротив, его выводы были крайне мирными. Считая, что выдуманный им общественный строй (экономическую основу которого должна составить, по существу, мелкая частная собственность) явится результатом договора, а не насилия или господства, Прудон проповедывал классовое примирение и выступал решительным противником всякого политического движения. Это вполне естественно вытекало из его идеалистической концепции.[6] Отрицая необходимость борьбы пролетариата за свое политическое господство, за власть, Прудон выступал в качестве врага не только пролетарской революции, но даже таких форм борьбы рабочего класса, как стачки и рабочие коалиции. Последние, по его мнению, противоречили идеалу справедливости, так как навязывали насильно волю рабочих воле предпринимателей, что для анархистствующего мелкого буржуа, конечно, было явно неприемлемым. «Стачка рабочих,— писал он,— противозаконна; это говорит не только уголовный кодекс, но также и экономическая система и необходимость установленного порядка... Свобода каждого отдельного рабочего располагать своей личностью и своими

---

[5] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 284.

[6] «Разрешение современных проблем заключается для него не в общественной деятельности, а в диалектических круговращениях его собственной головы. Именно потому, что для него категории являются движущими силами, нет надобности изменять практическую жизнь, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Нужно изменить категории — и следствием этого явится изменение реального общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V стр. 292).

руками может быть терпима, но общество не может позволить рабочим прибегать, посредством коалиций, к насилию над монополией».[7] Не случайно поэтому всего лишь за несколько недель до революции 1848 г. Прудон утверждал, что «эра революций навсегда миновала».

Подобного рода рассуждения явно дезориентировали рабочих, особенно Франции, где Прудон был довольно популярен. Вот почему летом 1847 г., предвидя наступление революции, Маркс решил дать бой Прудону.

В «Нищете философии» Маркс вскрыл всю абсурдность теоретических конструкций Прудона. Прудоновскому «трансцендентальному презрению» к организующемуся пролетариату и его политической борьбе Маркс противопоставил необходимость организации политической борьбы пролетариата, необходимость пролетарской революции. Только пролетарская революция может освободить человечество от цепей эксплоатации, привести к победе бесклассового коммунистического строя. Маркс указывал, что существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов, и что освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает создание нового общества. Но создание нового общества и освобождение угнетенного класса возможны лишь на той ступени развития, когда производительные силы не могут более уживаться с данными общественными отношениями. «Изо всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества».[8] Маркс, таким образом, дает научное обоснование пролетарской революции, необходимости революционного разрушения старого (буржуазного) общества и установления господства пролетариата.

Но Маркс не ограничился только постановкой вопроса о необходимости пролетарской революции, он рассмотрел вопрос об отношении пролетариата к государству. Он определил условия отмирания государства. Эти условия сводились Марксом к завоеванию власти пролетариатом и к окончательному уничтожению классов. «...Рабочий класс,— писал Маркс,— поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исклю-

---

[7] Proudhon, Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, t. I, 1846, p. 235, 237 (цит. по работе Маркса «Нищета философии», Соч., т. V, стр. 412).

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 415.

чает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества».[9] Маркс здесь повторил то, что было сформулировано, как мы это видели выше, в «Немецкой идеологии», а именно, что пролетарская революция не сразу, а лишь в конечном счете устранит политические учреждения, политическую власть. Это тем более важно подчеркнуть, что и в «Немецкой идеологии» и в «Нищете философии» Маркс, как уже указывалось, исходил из того, что пролетарская революция может победить только при том условии, если она одновременно произойдет в мировом масштабе или в масштабе важнейших цивилизованных стран мира. С этой точки зрения Маркс и подходил к вопросу об отмирании государства, считая, что оно может отмереть только после уничтожения классов в результате международной коммунистической революции. Только тогда, когда одержит победу эта революция, когда в обществе не будет больше классов и классовых антагонизмов,— только тогда, говорит Маркс, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями, исчезнет необходимость существования политической власти и политической борьбы. «А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полной революцией».[10]

Таким образом, в «Нищете философии» Маркс не только рассматривает социальную революцию как революцию политическую, но и задачу борьбы за построение бесклассового социалистического общества непосредственно связывает с вопросом о завоевании политической власти пролетариатом.[11] Правда, в это время, как и позже, вопрос об условиях отмирания государства Маркс ставил в самой общей форме, исходя, как уже указывалось, из неизбежности одновременной победы пролетарской революции в международном масштабе. Перед Марксом тогда еще не мог стоять вопрос о возможности победы революции первоначально в одной отдельно взятой стране и, следовательно, о необходимости в этих условиях сохранения и укрепления пролетарского государства. Вопрос этот встал много лет спустя перед коммунистической партией и рабочим классом СССР,

---

[9] К. Маркс, Нищета философии, цит. по Ленину, Соч., т. XXI, стр. 384 (разрядка моя.— *В. Т.*).

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 416.

[11] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 292; В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 394.

и ответ на него был дан товарищем Сталиным. Но уже то, что было сказано Марксом тогда об условиях отмирания государства и что, поскольку имеется в виду окончательная победа коммунизма в международном масштабе, сохраняет свою полную силу в наше время,— имело огромное значение для теоретического вооружения пролетариата.

2. Марксова теория государства и диктатуры пролетариата в «Манифесте Коммунистической партии» (1847—1848 гг.)

В «Манифесте Коммунистической партии» идея социалистической революции и установления государства пролетарской диктатуры как главного условия для ликвидации классов и построения коммунистического общества получила свое дальнейшее развитие. «Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата,— говорится в «Манифесте»,— мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии». «...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».[12] Комментируя эти слова «Манифеста», Ленин указывал, что «Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата»... а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма. «Государство, то-есть организованный в господствующий класс пролетариат».[13] Этот тезис Маркса, отмечал далее Ленин, неразрывно связан со всем учением Маркса о революционной роли пролетариата в истории, так как завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое и экономическое господство пролетариата.

Определяя буржуазную государственную власть как комитет, заведующий общими делами буржуазии, а буржуаз-

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1948, стр. 63, 78.

[13] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 384—385.

ное право как возведенную в закон волю буржуазии, Маркс и Энгельс в «Манифесте» совершенно отчетливо установили главную задачу пролетариата — свержение власти буржуазии с ее правительством и ее законами и установление своей диктатуры. Они показали неспособность буржуазии оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Они провозгласили невозможность для общества жить под властью буржуазии, показав, что жизнь буржуазии несовместима более с обществом. Буржуазия как класс должна быть ликвидирована. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны. Эта неизбежность предопределена историей. [14]

Диктатуру пролетариата Маркс и Энгельс рассматривали в «Манифесте» как государство переходного периода от капитализма к социализму. Осуществление основного условия коммунизма — максимально быстрое увеличение всей суммы производительных сил общества — возможно «...сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства». [15] Каковы же мероприятия, проведение которых необходимо для осуществления перехода от капитализма к коммунизму в период диктатуры пролетариата?

1. Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивно-подоходный налог.

3. Уничтожение права наследства.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.

6. Централизация транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану.

---

[14] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1948, стр. 63, 64.

[15] Там же, стр. 78.

8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Отмена фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Такова сумма первоочередных мероприятий государства пролетарской диктатуры, которые Маркс и Энгельс считали необходимыми в целях осуществления перехода к коммунизму.

Излагая в «Манифесте» свою идею диктатуры пролетариата как переходного периода от капитализма к коммунизму, как орудия для «деспотических вторжений» в право собственности и в буржуазные производственные отношения, Маркс и Энгельс тем самым показывали, что выработанное ими материалистическое понимание истории, их революционно-материалистическая теория государства не только не игнорирует активно воздействующей роли политической надстройки на экономический базис, но, наоборот, считает эту роль, поскольку она обусловлена всем ходом развития общества, необходимой.

Для характеристики взглядов Маркса и Энгельса на государство огромное значение имеет приведенное выше определение политического господства пролетариата как демократии. Разумеется, речь здесь идет о подлинной, действительной демократии, какой только и может быть диктатура пролетариата, выражающая интересы всех трудящихся. Маркс и Энгельс не только не противопоставляют диктатуру пролетариата пролетарской демократии, но рассматривают их как неразрывное единство сторон одного и того же революционного процесса. Еще в «Принципах коммунизма», т. е. в период между «Нищетой философии» и «Манифестом», Энгельс писал, что пролетарская коммунистическая революция «...создаст демократический строй и тем самым прямо или косвенно политическое господство пролетариата».[16] Из этого единства политического господства пролетариата и демократии исходили Маркс и Энгельс в «Манифесте» и в последующих своих произведениях. Из этого единства исходил В. И. Ленин (вспомним его отповедь ренегату Каутскому). Из этого же единства всегда исходил и исходит товарищ Сталин.[17] Мы уже не говорим о том, что́ само собой разумеется, а именно, что живым свидетель-

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 474.
[17] Ср. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 523.

ством неразрывного единства диктатуры пролетариата и подлинной, действительной демократии, его лучшим жизненным воплощением является Сталинская Конституция СССР — конституция страны победившего социализма.

В «Манифесте» еще не употребляется термин «диктатура пролетариата». Но весь этот замечательный документ от начала до конца пронизан идеей возвышения пролетариата до степени экономически и политически господствующего класса, идеей пролетарской диктатуры. «Коммунистический манифест» говорит о «рабочей революции», «коммунистической революции», «пролетарской революции». Термина «диктатура пролетариата» еще нет. Но очевидно, что превращение пролетариата в «господствующий класс», его «организация, как господствующего класса», его «деспотическое вмешательство в право собственности» и т. д., это и е с т ь «диктатура пролетариата».[18] Этот вывод Ленина и по существу и по форме полностью совпадал с мнением самого Маркса.[19]

Вопрос о диктатуре пролетариата — центральный вопрос «Манифеста». Но этим вопросом отнюдь не исчерпывается все отношение «Манифеста» к государству. Авторы «Манифеста» с большей, чем когда-либо раньше, отчетливостью

---

[18] В. И. Л е н и н, Марксизм о государстве, М. 1933, стр. 46.

[19] Характерно, что уже после того, как Ленин разоблачил в «Государстве и революции», «Пролетарской революции и ренегате Каутском» извращения Каутским и другими оппортунистами основной идеи «Манифеста Коммунистической партии» — идеи диктатуры пролетариата, Гарольд Ласки, один из английских лейбористов, счел возможным заявить, что «Коммунистический манифест» якобы заимствовал во имя... идеи естественного права программу, изложенную в... Манифесте французского утописта Виктора Консидерана! Ласки ни единым словом не упоминает о главном тезисе «Коммунистического манифеста» — пролетарская революция и диктатура пролетариата. Он его скрыл от своего читателя. Значение «Коммунистического манифеста» он видит только в следующем: «Коммунистический манифест» рассказывает о победе среднего класса (т. е. буржуазии.— *В. Т.*) над феодальными привилегиями, излагает историю развития этого класса, рассказывает о возникновении развитого капиталистического производства и, как о необходимом результате этого, о росте революционного пролетариата. Давая философскую интерпретацию истории современного общества, «Манифест» говорит о классовой борьбе, о необходимом и неизбежном столкновении между буржуазией и пролетариатом. Затем обсуждаются пути и средства, которые могут помочь пролетариату осуществить его главную цель — ввести в орбиту государства контроль над всей народнохозяйственной жизнью» (H. Laski «Karl Marx. Am Essay», New York 1933, p. 17—18). Итак, по Ласки, «Коммунистический манифест» не революционный документ, призывающий к завоеванию диктатуры пролетариата, а всего лишь — мирное требование, сводящееся к установлению государственного контроля над буржуазным хозяйством!

определяют социальную сущность государства, которое они считают главным орудием господствующего класса и которое сможет исчезнуть только с исчезновением классов, классовых противоречий и классовой борьбы, когда важнейший элемент государства — публичная власть утратит свой политический характер. Политический, т. е. классовый, характер публичной власти — вот из чего исходят Маркс и Энгельс в «Манифесте», говоря о государстве и определяя условия его исчезновения. Более глубоко развивая мысль, высказанную в «Немецкой идеологии» и «Нищете философии», Маркс и Энгельс пишут в «Манифесте»: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, а также классов вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».[20] Но из этого следует, что публичная власть теряет свой классовый, политический характер, что устраняются причины, породившие и сделавшие необходимым существование государства, которое есть организованный в господствующий класс пролетариат, что общество может обходиться и без государства. Маркс и Энгельс здесь опять-таки ставят вопрос в общей форме, применительно к ситуации, складывающейся в результате победы пролетарской, коммунистической революции в международном масштабе. Если иметь в виду это обстоятельство, можно сказать, что Маркс и Энгельс сумели в «Манифесте» довольно ясно, для своего времени, определить общий ход развития пролетарского государства и условия его отмирания.

Таким образом, в «Манифесте» даны следующие важнейшие положения марксистского учения о государстве: материалистическое истолкование сущности государства, определение государства как исторической категории; критика эксплоататорской государственности (буржуазная государственная власть, как комитет по заведыванию общественными делами

---

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1948, стр. 64—65.

буржуазии, и буржуазное право, как возведенная в закон воля господствующей буржуазии); диктатура пролетариата как переход от капитализма к коммунизму; уничтожение классов и классовой борьбы как условие утраты публичной властью своего классового, политического характера, как условие исчезновения государства. В «Манифесте», говорил Ленин, подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазию, не завоевав политической власти, не создав пролетарского государства. Именно в этом состоит значение «Манифеста» в истории марксистского учения о государстве.

Однако в «Манифесте» еще не был поставлен один из важнейших вопросов марксистской теории государства — вопрос о том, какова, с точки зрения исторического развития, должна быть смена буржуазного государства пролетарским, вопрос о сломе буржуазной государственной машины.[21] Этот вопрос точно так же мог быть решен, как мы увидим несколько дальше, только на основе нового практического революционного опыта.

3. Идея и термин «диктатура пролетариата». Работа Маркса «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг.» (1850). Письмо Маркса к редактору газеты «Neue Deutsche Zeitung» и его значение

В «Манифесте Коммунистической партии», как и в «Нищете философии», Маркс и Энгельс рассматривают пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата не как самоцель, а как главное средство, основное условие для ликвидации классов и построения коммунизма. Это лучше всего доказывается приведенным выше положением о том, что с превращением пролетариата в господствующий класс и с упразднением вслед за этим революционным путем старых производственных отношений упраздняются и условия существования классовой противоположности, и классов вообще. Это же положение сформулировал Маркс в своей работе «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг.», учитывая опыт революции 1848 г. Имея в виду научный социализм, Маркс писал: «Этот социализм есть не что иное, как о б ъ я в л е н и е н е п р е р ы в н о й р е в о л ю ц и и, к л а с с о в а я д и к т а т у р а пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене в с я к и х к л а с с о в ы х р а з л и ч и й, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вы-

[21] См. В. И. Л е н и н, Соч., т. XXI, «Государство и революция».

текающих из этих общественных отношений».[22] Это место из статьи Маркса имеет еще то важное значение, что здесь впервые употреблен термин «диктатура пролетариата», как бы увенчивающий всю созданную ранее теорию пролетарской диктатуры.[23]

На этот счет мы имеем и прямое указание самого Маркса в его письме к редактору «Neue Deutsche Zeitung» в июне 1850 г. Ввиду важности этого письма приводим его почти полностью, с включением приведенных уже выше цитат: «В фельетоне, напечатанном в вашей газете от 22 июня с. г., вы упрекнули меня в том, что я отстаиваю господство и диктатуру рабочего класса, между тем как вы, наоборот, стоите за уничтожение классовых различий вообще. Я не понимаю этой поправки.

Вам хорошо известно, что в «Манифесте Коммунистической партии» (опубликован до февральской революции 1848 г.)... сказано: «Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется как класс, путем революции становится господствующим классом и как господствующий класс насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство». Вы знаете, что в «Нищете философии» я защищал до февраля 1848 г. эту же точку зрения против Прудона. Наконец, в той самой статье, которую вы критикуете... говорится: «Этот социализм (т. е. коммунизм) есть не что иное, как объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений».[24]

Приведенное письмо показывает, как сам Маркс ставил вопрос о развитии теории пролетарской диктатуры, о значе-

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 81—82.

[23] Ленин в труде «Государство и революция» останавливается, как известно, на другой работе Маркса, посвященной опыту революции 1848 г. и написанной в тот же период (1852) — на сочинении «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», подводящем итоги революции 1848—1851 гг. Во втором издании «Государства и революции» Ленин цитирует вместе с тем известное письмо Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в котором Маркс говорит, что согласно его учению «...классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата». Ленин показывает, однако, что самое содержание теории пролетарской диктатуры Марксом было выражено еще задолго до 1852 г.

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. VII—VIII.

нии «Нищеты философии» и «Манифеста» в процессе этого развития. Свидетельство Маркса особенно важно в том отношении, что, во-первых, подтверждает факт открытого провозглашения идеи диктатуры пролетариата уже в «Нищете философии», «Манифесте» и «Классовой борьбе во Франции 1848—1849 гг.», во-вторых, подтверждает, что в этих же произведениях идея диктатуры пролетариата как главная идея марксизма не только не противопоставляется задаче ликвидации классов вообще, но, напротив, органически связывается с этой задачей, поскольку диктатура пролетариата есть лишь переходная ступень к ликвидации классов, основное условие построения коммунизма.

Враги марксизма всячески пытались исказить подлинный революционный характер «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений Маркса — Энгельса эпохи революции 1848 г. Так, например, ренегат Каутский, даже после его разоблачения Лениным, продолжал повторять свои гнусные и жульнические измышления, будто идея диктатуры пролетариата есть лишь «случайное словечко», брошенное Марксом впервые только в 1875 г. в «Критике Готской программы», и, мол, раздутое Лениным в целое учение,[25] что в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс якобы «даже не упоминает о диктатуре пролетариата»[26] и т. п. Меньшевик Стеклов в своей книге о Бакунине (1926) заявлял, что в эпоху революции 1848 г. самой передовой из выдвинутых программ была не программа «Манифеста Коммунистической партии», а... программа Бакунина. Характерно также, что и предатель Каменев в своем стремлении фальсифицировать историю марксизма и оклеветать его творцов нагло пытался отрицать тот факт, что основной мыслью Маркса в эпоху революции 1848 г. была идея насильственной революции и диктатуры пролетариата. В одной из своих гнусных статеек в 1923 г. он заявлял, что основным в теории Маркса этого периода было определение задач пролетариата... в буржуазной революции.[27] На этом можно было бы и не останавливаться, если бы все дело сводилось к тому, что предатель Каменев просто повторял слова ренегата Каутского. Но дело заключалось не столько в этом, сколько в другом. Фальсифицируя Маркса и противопоставляя свои измышления ленинскому анализу марксистской теории государства в «Государстве и революции», Каменев просто пытался задним числом обосно-

[25] См. К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, 1931, стр. 468.

[26] См. K. Kautsky, Von der Demokratie zur Staatssklaverei, S. 84.

[27] См. М. Савельев, Маркс о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, ОГИЗ, 1933.

вать свое подлое штрейкбрехерство в 1917 г., оправдать свою контрреволюционную деятельность, направленную к срыву Октябрьской революции.

Приведенное выше письмо Маркса лишний раз разоблачает все подобные попытки извратить марксизм его злейшими врагами и в этом — особая ценность этого документа.

III. Опыт революционных 1848—1851 гг. и его значение для развития марксистской теории государства и диктатуры пролетариата

Создав учение о диктатуре пролетариата, Маркс и Энгельс дали мировому рабочему классу величайшее оружие в борьбе за свое освобождение, за победу труда над капиталом. Являясь краеугольным камнем марксизма, олицетворяя его революционный действенный характер, это учение выражает коренное отличие революционной теории пролетариата от всякого рода социалистических историко-политических учений буржуазии и мелкой буржуазии.

В процессе создания своего учения о пролетарском государстве Маркс пришел к важнейшему выводу о том, что организация пролетарской, социалистической государственности невозможна без предварительного разрушения, слома старой буржуазной государственной машины. Этот вывод явился прямым результатом тщательного изучения Марксом практического опыта революционной борьбы в 1848—1851 гг. как в Германии, так и в особенности во Франции.

В «Манифесте Коммунистической партии» указывалось, что пролетариат должен р а з р у ш и т ь все то, что охраняет и обеспечивает частную собственность, всю надстройку «из слоев, образующих официальное общество». Но конкретной, четкой постановки вопроса о сломе буржуазной государственной машины здесь, как указывал Ленин, еще не было. Только изучение опыта 1848—1851 революционных годов дало возможность Марксу окончательно и с полной определенностью изложить свой тезис о необходимости разрушения аппарата буржуазного государства. Это было сделано Марксом в его сочинении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852).

Характеризуя военно-бюрократический аппарат французского буржуазного государства, анализируя мероприятия, проведенные правительством Франции после государственного переворота Луи Бонапарта, Маркс вполне сформулировал свой вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины. «Все перевороты,— писал Маркс,— совершен-

ствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее».[28] Ленин указывал (в «Государстве и революции»), что благодаря этому замечательному выводу марксизм сделал громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим манифестом». В отличие от «Манифеста», в котором вопрос о государстве ставился еще лишь в самом общем виде, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» «...вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».[29] Ленин убедительно показал, как, верный философии диалектического материализма, Маркс в данном случае изучает исторический опыт революционных 1848—1851 гг. и строит на этой основе свои выводы, как не логические рассуждения, а действительное развитие событий 1848—1851 гг. привело Маркса именно к такой постановке вопроса. «До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, чем заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественно-исторического наблюдения можно было лишь констатировать, что пролетарская революция подошла к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину».[30]

Но возникает вопрос: если пролетарская революция побеждает и устанавливается власть пролетариата, возможно ли в этом случае сохранение старого буржуазного права, старых законов? Марксизм отвечает на этот вопрос отрицательно. Пролетарская революция сметает старое буржуазное право и устанавливает новые правовые нормы, соответствующие новому общественному и государственному строю. Маркс это блестяще доказал еще в 1849 г., когда в своем выступлении на втором судебном процессе «Новой Рейнской газеты» он говорил о подлинном смысле требований сторонников «сохранения старой правовой почвы». Маркс в этой речи показал, что право, свойственное одной общественно-экономической формации, не может быть механически перенесено в

---

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 404.
[29] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 387—388 (разрядка моя.— *В. Т.*).
[30] Там же, стр. 390.

другую общественно-экономическую формацию, так как, вопреки фантазиям юристов, не общество покоится на законе, а закон должен покоиться на обществе, должен быть выражением определенных общественных интересов и потребностей, вытекающих из определенного материального способа производства.

Code penal, говорил Маркс в своей речи, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII в. и продолжавшее развиваться в XIX в., нашло в этом кодексе лишь свое правовое выражение. Но как только этот кодекс перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится в простую пачку бумаги. Если старые законы не могли создать старые общественные отношения, поскольку сами вытекали из них, то тем более они не могут быть основанием нового общественного развития. Возникнув из старых отношений, старые законы должны вместе с ними и исчезнуть, уступив место новым законам, выражающим новые общественные отношения. Что же касается стремления сохранить старые законы, старое право вопреки новым запросам и потребностям общественного развития, то подобное стремление должно быть оценено как «...лицемерное отстаивание не соответствующих времени частных интересов»,[31] т. е. интересов частной собственности, интересов эксплоатации. Истинный смысл подобного отстаивания заключался в стремлении использовать государственную власть не в интересах трудящегося большинства, а в интересах эксплоататорского меньшинства, иначе говоря, в интересах реставрации старого строя.[32] Законы феодального государства после буржуазной революции заменяются законами буржуазного государства. Но пролетарская революция, в отличие от всех предшествующих революций, ломает в самой основе буржуазную государственную машину. Значит, после победы пролетарской революции законы буржуазного государства тем более должны быть заменены законами пролетарского государства — новым пролетарским правом.

Разумеется, что в 50—60-х годах Маркс еще не представлял вполне отчетливо, какой конкретный характер примет новое право, точно так же как оставался еще открытым вопрос о том, что́ конкретно должно притти на смену разрушенной буржуазной государственной машине. Но в принципе для Маркса и Энгельса уже в этот период были ясны, во-первых, необходимость нового государства и нового права, заменяющих разрушенную пролетарской революцией старую государ-

---

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 254.
[32] См. там же.

ственно-правовую надстройку; во-вторых, пролетарская, социалистическая сущность того и другого; в-третьих, исторически преходящий характер нового государства и нового права, являющихся орудиями построения бесклассового общества, с созданием которого надобность в этих орудиях исчезнет.

IV. Борьба Маркса и Энгельса против псевдосоциалистических «теорий» государства Лассаля

Во временном уставе созданного в 1864 г. Международного товарищества рабочих (I Интернационал) Маркс, являвшийся организатором и вождем Интернационала, блестяще определил цели и задачи международного рабочего движения. Он указал, что «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства; что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости; что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство».[33] В этих словах получили прекрасное отражение важнейшие элементы марксизма: его материалистический подход к проблемам общественно-политической жизни, его борьба за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата.

Отстаивая эти положения, Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу против оппортунистов, мешавших развитию революционного рабочего движения. Они беспощадно разоблачали псевдосоциалистические теории Лассаля — родоначальника оппортунизма в рядах социал-демократии.

Во всей своей философско-политической концепции и, в частности, в вопросе о государстве, Фердинанд Лассаль всегда был идеалистом, типичным гегельянцем. Повторяя, по существу, Гегеля, Лассаль видел в государстве олицетворение общего нравственного духа. Как идеалист он подходил не только к буржуазному государству, но и к вопросу о будущей государственности. В капиталистическом государстве, говорит Лассаль, дух поступает в услужение к мертвой материи денег, находится в зависимости от этой последней. В коммуни-

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 13.

стическом обществе дух этот должен будет вновь возвратиться к себе и поставить материю в зависимость от себя.

Право, так же как и государство, Лассаль выводил из духа, из «чистой теории», a priori. Существует мнение, будто в речах «О сущности конституции» Лассаль стал на материалистическую точку зрения и создал свою теорию конституции, определяя последнюю как выражение реального соотношения сил общества. Подобное мнение глубоко ошибочно. Противник марксизма, Лассаль, однако, не погнушался в тактических целях использовать мысли Маркса и Энгельса о конституции, выдав их за свои.[34] Но этот маневр не меняет существа дела. В своем главном произведении, посвященном праву,[35] Лассаль заявлял, что единственным источником права является «всеобщий дух», «всеобщее самосознание» и т. п.

Идеализм Лассаля привел его к отрицанию марксистского учения о государстве как орудии классового господства. Лассаль выдвинул идею так называемого «свободного государства», целью которого является якобы «воспитание и развитие человеческого рода в направлении к свободе». Государство, по Лассалю, это — вечная, надклассовая категория, призванная к примирению классовых противоречий. В своей «Программе работников», которую Маркс называл плохой вульгаризацией «Коммунистического манифеста», Лассаль прямо заявлял, что он возражает против диктатуры пролетариата, что он призывает к примирению классов, к «сглаживанию противоречий», к мирному осуществлению целей «рабочего сословия», т. е. пролетариата.

Лассаль был противником насильственной пролетарской революции. Термин «революция» им употреблялся для обозначения мирного, легального изменения государственного порядка. Основным средством подобного изменения он считал всеобщее избирательное право, вводимое существующей государственной властью. Устав Всеобщего германского рабочего союза, организованного Лассалем, устанавливал, что главная задача Союза состоит в том, чтобы действовать мирным и законным путем, «главным образом путем склонения общественного мнения в пользу введения всеобщего, равного и прямого избирательного права».[36] Фетишизируя все-

---

[34] В письме к Энгельсу от 2 января 1863 г. Маркс писал, иронически излагая суть речей Лассаля о конституции: «Это Лассаль, и вне сомнения, именно он открыл, и притом открыл, исходя из чисто беспредпосылочной и беспредпосылочно чистой теории, что действительной конституцией какой-либо страны является не писаная конституция, что действительная конституция определяется реальным «соотношением сил» и т. д.» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 122).

[35] См. Ф. Лассаль, Система приобретенных прав.

[36] F. Lassale, Gesammelte Reden und Schriften, B. IV, S. 246.

общее избирательное право, Лассаль превращал его в «копье, самоисцеляющее наносимые им раны». Он требовал от рабочих, чтобы они были «...глухи ко всему, что не всеобщее и прямое избирательное право или что не связано с ним и не может вести к нему».[37] Лассаль считал, что всеобщее избирательное право, введенное сверху, должно будет привести к превращению прусской монархии в так называемое «свободное народное государство», в котором рабочие якобы смогут принимать участие в парламентской деятельности, добьются организации производительных товариществ с гарантированной государственной помощью и таким образом придут к социализму.[38] Известно, что Лассаль в надежде добиться всеобщего избирательного права вступил даже в союз с Бисмарком, искавшим себе союзников для борьбы против либеральной буржуазии.

Таким образом, в Лассале мы видим типичнейшего представителя нарождающегося в рабочем движении оппортунизма с его «теорией» надклассового государства, «государственного социализма» и т. п. Естественно, что многочисленные социал-оппортунистические писатели превозносят до небес государственно-правовые воззрения Лассаля, изображая их чуть ли не в качестве «выражения научного социализма», «выражения интересов пролетариата» и т. д. Не

---

[37] Ф. Лассаль, Соч., т. II, стр. 75.

[38] Политические взгляды Лассаля, пожалуй, наиболее отчетливое выражение получили в его «Главном ответе Центральному Комитету». Там он развивает следующие положения. Рабочее сословие должно организоваться в самостоятельную рабочую партию и принять в качестве принципиального лозунга и знамени этой партии — всеобщее, прямое и равное избирательное право, ибо представительство рабочего сословия в германских законодательных собраниях — это единственное, что может удовлетворить законные интересы рабочих в политической области. В связи с этим политической программой партии рабочих должна являться программа, провозглашающая мирную и законную агитацию за реформы. Государство обязано предоставить рабочему сословию возможность объединиться в ассоциации, а само должно взять в свои руки для поощрения и развития дело свободных индивидуальных ассоциаций рабочего сословия. Оно должно считать своей святой обязанностью предоставление средств и других видов помощи для организации ассоциаций работников. Государство может предоставить эту возможность легче всего путем использования своих кредитных и банковых учреждений. Свободная индивидуальная ассоциация работников, но созданная при помощи и покровительстве государства, есть единственный выход из бедственного положения рабочих. Но каким образом склонить государство к оказанию такой помощи? И на этот вопрос сразу же можно найти ясный, как солнце, ответ: это возможно лишь при системе всеобщего и прямого избирательного права. Всеобщее и прямое избирательное право есть, следозательно, не только политический принцип, но и коренное условие всякого социального улучшения. В нем — единственное средство улучшить материальное положение рабочего сословия. (См. Ф. Лассаль, т. II, стр. 54—74).

случайны и те похвалы, которыми буржуазия наделила ренегатов из международной социал-демократии, когда убедилась в том, что они идут не по пути Маркса и Энгельса, а, скорее, по противоположному ему пути Лассаля. Для буржуазии явилась буквально находкой возможность подменить взгляды основоположников научного социализма и революционно-пролетарского движения лассальянством, не только совершенно безвредным для господства буржуазии, но даже содействующим укреплению этого господства. Подмена Маркса Лассалем стала особенно необходимой буржуазии после того, как Ленин разоблачил Бернштейна, Каутского и других социал-предателей и восстановил учение Маркса о государстве во всех его правах. Разоблачение Лениным социал-оппортунизма заставило лакеев буржуазии попытаться укрепить сильно пошатнувшийся «авторитет» оппортунистических теорий государства обращением к имени Лассаля. Поднимая на щит Лассаля, социал-оппортунисты делали вид, что «сохраняют верность марксизму». Они сознательно игнорировали то бесспорное положение, что реформистско-оппортунистическое отношение Лассаля к государству ничего общего не имеет и не может иметь с революционной теорией классового государства и диктатуры пролетариата, разработанной Марксом и Энгельсом, что марксизм и лассальянство несовместимы, что они — антиподы. [39]

Сами Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали полную противоположность своих взглядов (в том числе — государственно-правовых) взглядам Лассаля. В письме к Швейцеру от 13 октября 1868 г. Маркс показал, что взгляды Лассаля представляют собой не что иное, как соединение лозунга о государственной помощи, выставленного еще в 1848 г. французом Бюше, с чартистским лозунгом всеоб-

---

[39] Однако то, чего иногда открыто не хотели признавать социал-оппортунисты, прислужники буржуазии, признавала за них сама буржуазия, требуя от теоретиков германских социал-демократов большей «решительности» и «последовательности» в их переходе от марксизма к лассальянству. Так, небезызвестный Ганс Кельзен в своей работе «Маркс или Лассаль» наиболее рельефно выразил это требование буржуазии к социал-оппортунистам. Показав на целом ряде примеров (в частности, на анализе высказываний Бауэра, Кунова, Гильфердинга, Каутского, Макдональда и других) явное родство социал-оппортунистических теорий государства со взглядами Лассаля, Кельзен заявил, что эти теории свидетельствуют о быстром движении социал-демократов от замаскированного антимарксизма к открытому лассальянству. Кельзен с сожалением констатировал, что в этом движении еще нет должной последовательности и решительности. Он потребовал от вождей германской социал-демократии, которых он именует «марксистами», чтобы они решительнее шли

щего избирательного права. В результате «свободное народное государство» Лассаля превратилось, попросту говоря, «...в прусское государство, вследствие чего он вынужден был делать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодальной партии) и даже клерикалам». [40] Хотя письма Лассаля к Бисмарку были опубликованы только в 1928 г., измена Лассаля рабочему движению была для Маркса и Энгельса очевидной. 11 июля 1863 г. Энгельс сообщал Марксу о том, что Лассаль «...прямо работает теперь на Бисмарка...» [41]

Маркс и Энгельс разоблачили подлинный смысл лассалевского лозунга «свободного народного государства», показав, что подобное государство в условиях капиталистического строя может быть только прикрытой буржуазной диктатурой, что требование государственной помощи для рабочих является по сути дела просьбой о милостыне у прусского короля и Бисмарка. Последовательно и резко критиковали Маркс и Энгельс идеализм лассальянской теории права, особенно его «Системы приобретенных прав», на которой, как говорили они, лежал отпечаток иллюзий не только юриста, но и гегельянца.

Эти критические указания Маркса и Энгельса о взглядах Лассаля на государство предшествовали острому выступлению против лассальянской теории «свободного народного государства», о котором нам придется говорить в дальнейшем.

Еще задолго до этого выступления Маркс нанес сокрушительный удар по самым основам капитализма своим «Капиталом», по поводу которого Энгельс писал, что «с тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих». [42]

на разрыв с марксовым учением о государстве и примыкали к теории Лассаля. Свою брошюру Кельзен заканчивает следующим рассуждением, которое красноречиво говорит само за себя: «Как политическая теория — а теория должна являться для социалистического движения руководящей силой — марксизм в наиболее решающие моменты оказывался недостаточным (unzulänglich). Поэтому симптоматично, что в ряде произведений немецких марксистов — Бауэра, Гильфердинга, Кунова и Каутского — можно обнаружить признаки изменения идеологии немецкой социал-демократии... Если эту тенденцию попытаться кратко резюмировать, то ее можно выразить в трех словах: «назад к Лассалю» (H. Kelsen, «Marx oder Lassale. Wandlungen in der politischen Theorie des Marxismus», Leipzig 1924, S. 298).

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 536.

[41] Там же, т. XXIII, стр. 153.

[42] Там же, т. XIII, ч. 1, стр. 230.

V. Обоснование марксистской теории государства и диктатуры пролетариата в «Капитале» Маркса

В «Капитале» Маркс, начав свое исследование с анализа товара, этой простейшей «клетки» капиталистического способа производства, полностью вскрыл самую сущность капиталистического общества, показал его природу и закономерности его развития, доказал неизбежность его гибели. Маркс показал, что капитал банкиров, купцов, фабрикантов, крупных землевладельцев и т. д. «...есть не что иное, как накопленный неоплаченный труд рабочего класса».[43] Своим учением о прибавочной стоимости Маркс вскрыл подлинную сущность капиталистической эксплоатации. Он разоблачил тайну капиталистического производства, доказав, что в результате определенного исторического процесса произошло отделение рабочей силы от средств производства (превратившихся в монополию класса капиталистов) и что только наемный труд этой рабочей силы создает прибавочную стоимость, а следовательно, является источником капитала, основой капиталистического способа производства. Маркс обосновал в «Капитале» ранее выдвинутое им положение, что борьба эксплоататоров и эксплоатируемых наполняет собой всю историю капиталистического общества, а также всех предшествующих классовых обществ, ибо угнетенные классы во все времена были вынуждены отдавать (в различных формах) свой неоплаченный труд угнетателям. Маркс вскрыл всю глубину противоречий между двумя главными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией. С научной точностью доказал он, что в процессе развития капитализма все более обостряется основное внутреннее противоречие капиталистического строя, противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, что противоречие это может быть разрешено только революционным путем.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о том, что капиталистические отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Это положение в «Капитале» доказывается на огромном фактическом материале, который позволяет Марксу установить историческую тенденцию капиталистического накопления. Эта тенденция заключается в том, что в недрах капиталистического общества возникают все объективные и субъективные предпосылки, необходимые для создания нового,

---

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 217.

социалистического общества, что развитие производительных сил капитализма в ходе исторического процесса неизбежно перерастает пределы капиталистических производственных отношений и тогда «бьет час капиталистической частной собственности», «экспроприаторов экспроприируют».[44]

Таким образом, «Капитал» является по существу энциклопедическим произведением, охватывающим, кроме политической экономии, философию, историю, политику, юриспруденцию и т. д. В «Капитале» дается развернутое обоснование теории исторического материализма в приложении прежде всего к определенной общественно-экономической формации, к капитализму. Но рассматривая общественный способ производства как основу всей общественной жизни человечества, Маркс вместе с тем детально обосновал активную роль политико-юридических надстроек — государства и права, их влияние на экономический базис общества, их сущность и значение.

Правда, Маркс не написал в «Капитале» специального раздела о государстве, хотя и имел в виду это сделать.[45] Но он составил материал, дающий представление о том, как он мыслил экономическое обоснование своего учения о государстве. Уже из введения к «К критике политической экономии» следует, что Маркс хотел показать в «Капитале» государство как политическую надстройку, возвышающуюся над экономическим базисом буржуазного общества и определяемую последним как естественное следствие деления общества на антагонистические классы. Не случайно поэтому в плане исследования Маркса сначала стоит вопрос о категориях, которые образуют структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы, а затем вопрос о государстве, формулируемый следующим образом: «Подытожение (Zusammenfassung) буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция».[46] Тут же Маркс намечает для специальной разработки вопрос о формах государства в их связи с производственными отношениями и условиями обмена. Здесь очень хорошо пока-

---

[44] К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVII, стр. 834.

[45] Излагая в одном из своих писем к Энгельсу (от 2 апреля 1858 г.) план «Капитала», Маркс писал о шести проектируемых им книгах: 1. Капитал. 2. Земельная собственность. 3. Наемный труд. 4. Государство. 5. Международная торговля, 6. Мировой рынок (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 327; см. также т. XXV, стр. 224, 238).

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 199.

зан самый подход Маркса к вопросу о государстве. В отличие от Прудона, Лассаля и других, он стремится показать государство не как нечто независимое, самостоятельное, а лишь как форму буржуазного общества, раздираемого классовыми противоречиями. Под термином «непроизводительные» классы (как об этом можно судить из текста «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости») имеются в виду элементы буржуазного государственного аппарата — чиновничество, армия и пр., содержащиеся капиталистами за счет эксплоатации рабочих. Налоги, государственные долги, государственный кредит рассматриваются как категории, характеризующие определенные функции деятельности буржуазного государства, раскрывающие его действительную классовую сущность.

Свой план изложения вопроса о государстве Маркс лишь частично реализовал в «Капитале», особенно в 24-й главе первого тома, где этот вопрос освещался в связи с проблемой внеэкономического насилия эпохи так называемого первоначального накопления, а также в других томах. Что же касается самостоятельной главы о государстве, то возможно, что Маркс собирался ее дать в третьем томе, посвященном процессу капиталистического производства в целом, после главы об общественных классах, на начальных абзацах которой рукопись «Капитала» обрывается. Тем не менее все то, что мы имеем в «Капитале» и примыкающих к нему экономических работах Маркса, дает достаточно большой материал для характеристики взглядов Маркса на государство. Остановимся вкратце на некоторых моментах.

Мы уже видели, как Маркс и Энгельс ставили вопрос о возникновении и сущности государства, о взаимоотношении между государством и обществом в своих ранних работах. Государство рассматривалось ими как продукт общества, т. е. не как первичное, а как вторичное, производное от общества явление. Самое общество (эксплоататорское) понималось как единство весьма противоречивых элементов, антагонистических классов, находящихся к государству в совершенно различных отношениях: господствующее меньшинство и угнетенное большинство, превращенное в объект классового господства и государственного властвования. Маркс и Энгельс поэтому считали, что эксплоататорское государство связано с обществом и зависит от него постольку, поскольку выражает волю господствующего класса общества, защищает интересы этого класса. Вместе с тем государство стоит и над обществом, оторвано от него с самого момента

своего возникновения, поскольку оно в качестве принудительной силы господствующего класса противопоставлено подавляющему большинству членов общества — эксплоатируемым. Это диалектическое понимание Марксом соотношения между обществом и государством очень хорошо иллюстрирует «Капитал» и связанные с работой над «Капиталом» экономические рукописи Маркса.

В противоположность Жан-Жаку Руссо и всей школе естественного права Маркс указывает, что государство, как и деньги, возникает не путем договора.[47] Эта аналогия не случайна. Деньги являются общей для всех товаров формой, в которой товары превращаются в меновые стоимости. Деньги — всеобщий товар. Но будучи в с е о б щ и м товаром, они вместе с тем должны существовать и как о с о б ы й товар, наряду с другими товарами, и противостоять другим товарам. Этим они сохраняют свое особенное во всеобщем. Возникнув из развития, движения товара, деньги сами превращаются в товар, но в товар о с о б о г о рода, не только отличающийся от других товаров, но и стоящий над ними. Это — естественный процесс, не зависимый от желания людей, не являющийся результатом свободного соглашения (договора). Этот процесс типичен для всех общественных отношений при эксплоататорском строе, в том числе и для возникновения государства.[48] Возникнув в процессе естественного развития общества, будучи результатом этого процесса, государство как бы превращается в новое «общество», остающееся наряду со старым обществом и противопоставленное последнему. Государство — в с е о б щ а я форма политической организации господства и подчинения в классовом обществе. Но вместе с тем оно — о с о б а я форма, так как, возникнув, сразу же начинает противостоять обществу (прежде всего неимущим классам общества) как чуждая и враждебная общественная сила. Эта сила опять-таки появилась не в результате договора, а в результате взаимных

---

[47] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935, стр. 105.

[48] «Обращение есть движение, в котором всеобщее отчуждение выступает как всеобщее присвоение, а всеобщее присвоение — как всеобщее отчуждение. Хотя это движение в целом выступает как общественный процесс, а отдельные моменты этого движения исходят от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее целостность процесса выступает как объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но не заложена в их сознании и в целом им не подчинена. Их собственное взаимное столкновение создает для них стоящую над ними ч у ж д у ю общественную силу; их взаимодействие выступает как независимые от них процесс и власть» («Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 171).

столкновений между классами общества, в свою очередь вызванных естественными законами общественно-исторического процесса.

Именно из этой установки исходит Маркс в «Капитале», говоря о государстве. [49]

Огромное значение «Капитала» в деле развития марксистского учения о государстве, помимо всего остального, состоит в том, что здесь с наибольшей отчетливостью показаны: диалектико-материалистическое понимание связи между государством, как политической надстройкой, и экономическим базисом общества; классовая сущность буржуазного государства; необходимость диктатуры пролетариата.

Через весь «Капитал» красной нитью проходит основное положение материалистического понимания истории о том, что государство как политическая надстройка, и право как юридическая надстройка, возникают из экономического базиса общества, определяются им. Отправляясь от этого положения, теория Маркса обосновывает в «Капитале» понятие о б щ е с т в е н н о - э к о н о м и ч е с к о й ф о р м а ц и и, характеризуемой определенными, присущими ей особенностями экономической структуры общества (производительные силы и определяемые их состоянием производственные отношения) и особенностями п о л и т и ч е с к о й, правовой и т. п. надстроек. [50] В «Капитале» Маркс подробно обосновывает свой материалистический тезис о том, что каждая исторически данная форма производственного процесса развивает дальше как материальные основы жизни общества, так и его общественные формы. Государство, по Марксу, является формой определенных отношений господства и подчинения, возникших в результате развития производственного процесса. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,— отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,— вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и

---

[49] Для подтверждения отдельных положений мы будем ниже пользоваться ссылками не только на I том «Капитала», но и на III том, хотя последний был издан уже значительно позже. Однако подготовительные работы Маркса свидетельствуют о том, что многие из имеющихся в этом томе положений были Марксом серьезно разработаны и обдуманы значительно раньше, в частности, и в 60-х годах XIX в.

[50] Ср. В. И. Л е н и н, Соч., т. I, стр. 283—284.

зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства».[51]

Этот тезис необычайно глубоко формулирует главное в материалистическом понимании природы государства: обусловленность определенных типов государств определенным состоянием экономической структуры классового общества, классовую сущность государства. Но отсюда же следует, что изменения в экономической структуре общества неизбежно должны повлечь за собой и изменения политической надстройки — государства.

Именно это имеет в виду Маркс, когда говорит, например, что частная собственность рабовладельца в античном мире являлась базисом политического господства рабовладельцев, а следовательно, основой, на которой разгоралась классовая борьба. Изменения внутри этой экономической основы эксплоататорского общества приводили неизбежно к изменениям политического строя. То же самое Маркс отмечает и в отношении средних веков, когда классовая борьба «...оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса».[52] Таким образом, изменение экономической формы отношений господства и подчинения неизбежно должно повлечь за собой и изменение политической формы этих отношений — государства.

Владеющий средствами производства господствует экономически, а затем и политически над подчиненными ему классами общества. Задача сохранения и укрепления этого господства требует наличия специальной силы, которой и является государство.

Вместе с тем Маркс в «Капитале» совершенно отчетливо проводит мысль, что взаимоотношения экономического базиса и политической надстройки (государства) отнюдь не носят одностороннего характера. Определяющее значение экономического базиса в деле возникновения государства не исключает того, что, возникнув, государство, выражая существующие в обществе отношения господства и подчинения, начинает само активно воздействовать (положительно или отрицательно) на экономические условия жизни общества. «Та специфическая экономическая форма,— читаем мы в «Капитале»,— в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, опреде-

---

[51] К. Маркс, «Капитал», т. III, 1938, стр. 696—697 (см. также «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 103).

[52] См. К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVII, стр. 151 «Капитал» т. III, 1938, стр. 527—528.

ляет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие». [53] Маркс здесь говорит о классовых отношениях господства-подчинения, выражением которых являются государство и право и развитие которых неизбежно приводит к революционным взрывам — могущественным двигателям исторического процесса. Разумеется (и это Маркс прекрасно показал в «Капитале»), общество «...не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов». [54] Для этого нужна лишь сила — не только экономическая, но и политическая. Проблема насилия — это проблема революции и государства. Когда в недрах старого общества созрели условия для рождения нового общества и это рождение затрудняется всей старой оболочкой, только революция способна ликвидировать это препятствие. Она ставит на место старой государственной власти новую власть, вернее, государственную власть нового господствующего класса, которая ускоряет процесс становления нового строя. В этом случае насилие означает активное и прогрессивное воздействие на экономическую структуру общества, воздействие, соответствующее имманентным законам развития общества, вытекающее из этих законов.

С этой точки зрения Маркс, например, подходил к анализу классового насилия буржуазии в тот период, когда это насилие облегчало и завершало процесс превращения феодального способа производства в капиталистический. Государственная власть в этот период представляет собой «организованное общественное насилие», имеющее объективно-прогрессивное значение. «Различные моменты первоначального накопления,— писал Маркс,— распределяются между различными странами в известной исторической последовательности, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального

[53] К. Маркс, «Капитал», т. III, 1938, стр. 696.
[54] К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVII, стр. 8.

способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция». [55]

Приведенное рассуждение Маркса, исключительно богатое содержанием, для нас особенно важно в нескольких отношениях. Во-первых, мы здесь видим развитие основных положений, которые Маркс выдвинул в введении «К критике политической экономии» в качестве вопросов для намечаемой им специальной (четвертой) книги «Капитала», посвященной вопросу о государстве. Во-вторых, здесь дается классическая оценка роли насилия, в частности, роли государственной власти на определенном историческом этапе развития общества.

В «Капитале» Маркс подверг серьезнейшему анализу не только экономическое насилие, но и внеэкономическое, непосредственное насилие, сыгравшее особенно большую роль в эпоху так называемого первоначального накопления. Маркс блестяще показал активно воздействующую роль политической надстройки (государства) на экономический базис общества. На основе конкретного историко-законодательного материала Маркс показал, как в эпоху так называемого первоначального накопления, когда капиталистическое производство только еще возникало, буржуазия стремилась использовать государственную власть в своих классовых интересах для воздействия на экономику. «Нарождающейся буржуазии,— пишет Маркс,— нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала». [56] Маркс доказал, что с самого своего возникновения законодательство о наемном труде имело в виду эксплоатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии было неизменно враждебным рабочему классу. [57] Маркс это доказал и на примере кровавого законодательства против экспроприированных с конца XV в., и на примере законов с целью понижения заработной платы, и на примере издававшихся с XIV и до конца XVII в. принудительных законов об удлинении рабочего дня и т. д. Маркс строго научно обосно-

[55] К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVIII, стр. 821 (разрядка моя.— *В. Т.*).

[56] Там же, стр. 807.

[57] Там же, стр. 807—808.

вал свой вывод о том, что в период так называемого первоначального накопления, в эпоху становления капитализма государственная власть своими законами и карательными мерами содействовала капиталу в его стремлении насильственным путем удлинить рабочий день, усилить эксплоатацию рабочих. Говоря о начавшейся с конца XV в. серии кровавых, террористических законов, Маркс писал: «Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетьми, клеймами, пытками».[58] Эксплоататорская сущность государства выступала здесь в наиболее открытом, незамаскированном виде.

Вместе с тем Маркс доказал, что эксплоататорское государство не перестает быть таковым и тогда, когда капиталистический способ производства достигает своей зрелости и когда внеэкономическое насилие, осуществляемое государством, является лишь охраной, защитой для господствующего в обществе экономического насилия. И в тех случаях, когда государственная власть издавала такие законодательные акты, как, например, постановления о принудительном ограничении рабочего времени, о заработной плате, об охране здоровья и о воспитании рабочих и т. д., она выступала прежде всего в интересах укрепления строя, основанного на частной собственности и эксплоатации. Вынужденная под давлением трудящихся сделать вид, что она идет навстречу их требованиям, государственная власть, как это показано в «Капитале», на деле давала полную возможность капиталистам усиливать свое господство. «Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и продиктовать — прежде всего на фабрике в собственном смысле — нормальный рабочий день, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы».[59] «...Капитал, поскольку он подпадает под контроль государства только на некоторых пунктах общественной периферии, тем непомернее вознаграждает себя на других пунктах...»[60] Маркс не отрицает, что в ряде случаев государственное вмешатель-

---

[58] К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVII, стр. 806.
[59] Там же, стр. 450.
[60] Там же, стр. 538.

ство может противоречить интересам отдельных групп капиталистов, но в целом оно всегда преследует задачи сохранения и усиления капиталистической эксплоатации. Таким образом, хотя активно воздействующая роль государства проявляется и в экономике, все же государство не может выйти за пределы той экономической основы, на которой оно существует, за рамки интересов того класса, орудием которого является.

Извращая приведенные в «Капитале» факты противодействия господства отдельным группам капиталистов и вплоть до торможения роста абсолютной прибавочной стоимости, социал-оппортунисты часто пытаются представить Маркса в качестве автора вывода, который на самом деле принадлежит им, будто буржуазная государственная власть является достаточно сильным «средством» для того, чтобы смягчить жестокость капиталистической эксплоатации и помочь обществу мирным путем эволюционировать к социализму. В действительности же выводы «Капитала» противоположны. Вряд ли вообще есть еще труд, где классовая сущность буржуазного государства и его законодательства была бы разоблачена с такой силой, как в «Капитале». Анализируя сущность капитализма как определенной общественно-экономической формации, Маркс не мог не выяснить в ходе своего исследования и роль буржуазного государства. Теориям «правового государства», «надклассового народного государства» и т. п. «Капитал» противопоставляет точную, революционно-материалистическую теорию классового государства, показывает это последнее в качестве главного политического оружия в руках экономически господствующей буржуазии. «...С того времени,— писал Маркс в «Теориях прибавочной стоимости»,— как буржуазия овладела положением, частью сама взявши в свои руки государство, частью вступив в компромисс с его прежними властителями, она признала идеологические сословия плотью от плоти своей и везде превратила их в своих служителей...» [61]

Под «идеологическими сословиями» разумеется прежде всего государственный аппарат с его чиновничеством, со всей системой «идеологического воздействия», которое применяется одновременно с воздействием силы иного порядка — вооруженной силы (армия, полиция и т. д.). Не случайно Маркс показывает, как вопрос о количестве чиновников, солдат, полицейских и т. п. не сходит с порядка дня парламентских дебатов, не случайно он называет государственных чи-

[61] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, 1936, стр. 254.

новников «свитой капиталистов и землевладельцев». Государство, следовательно, рассматривается не как абстрактное понятие, не как эфемерная сила, а как совершенно реальная материальная сила, предназначенная для охраны всей системы наемного рабства в капиталистическом обществе.

Буржуазия, как известно, всячески стремится прикрыть эту функцию своего государства, маскируя его всякого рода «демократическими» формами. Но после «Капитала» от этой маскировки ничего не осталось, так как Маркс вскрыл не только политическую форму классового насилия буржуазии, но и подлинную сущность этого насилия, его, так сказать, экономическое содержание. Он показал, что независимо от того, какой этикеткой прикрывает свою диктатуру буржуазия, она всегда имела, имеет и будет иметь (пока существует) своей задачей защиту и охрану капиталистической эксплоатации, частной собственности. Государство буржуазной диктатуры, следовательно, нужно буржуазии прежде всего для усиления своего могущества, для подавления рабочего класса, для удушения революционного движения. Буржуазная демократия в этом отношении является лишь одной из форм диктатуры буржуазии, диктатуры, выражающей систему экономического и политического насилия.

«Капитал» вскрыл подлинную сущность буржуазной демократии и всей буржуазной государственности. В обществе, экономическую основу которого составляют частная собственность и эксплоатация человека человеком, не может быть последовательной политической демократии, не может быть «свободы, равенства и братства» между всеми, о которых так упорно кричит буржуазия. Рабочий не свободен, так как он вынужден продавать себя в наемное рабство предпринимателю. Между ними не может быть ни равенства, ни братства. Формальное, юридическое равенство перед законом не может скрыть вопиющего фактического неравенства в экономическом и политическом положении классов. Власть капитала — это не «...демократическая, филантропическая и эгалитарная...» власть, как о ней отзывается Бастиа. Это — диктатура буржуазии, направленная против трудящихся.[62] Свобода, свободное самоопределение для рабочего — иллюзия.[63] Это лозунг буржуазии, предназначенный для того, чтобы прикрыть ее классовую диктатуру.

Известно, что основные принципы буржуазно-демократического строя особенно отчетливо были воплощены во француз-

---

[62] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 163.
[63] См. там же, стр. 113.

ской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. Декларация провозглашала: «Люди рождаются и остаются свободными и равноправными. Общественные различия могут иметь место лишь в случае их полезности для всех» (§ 1). «Закон должен быть одинаковым для всех, будь то закон ограждающий или карающий» (§ 6). «Все граждане, будучи равными перед лицом закона, одинаково допустимы ко всем званиям, местам и общественным должностям, сообразно своим способностям, и могут быть отличаемы только в силу своих добродетелей и талантов» (§ 6). «Так как собственность — ненарушимое и священное право, то никого нельзя его лишать, за исключением тех случаев, когда этого требует очевидная общественная надобность, констатированная законным порядком, и то лишь при условии справедливого, предварительного возмещения» (§ 17). В «Капитале» Маркс доказал, что право частной собственности есть центральный пункт всех «прирожденных прав и свобод» в буржуазном обществе. Рынок, где совершается купля-продажа рабочей силы,— вот главная сфера действия этих «прав» и «свобод». Здесь они возникают, но здесь же и заканчиваются, так как не могут противостоять законам развития капиталистического производства.[64]

Вот эти-то капиталистические отношения и призвано охранять буржуазное государство, независимо от того, какие политические и правовые формы оно принимает. Во всех случаях буржуазное государство представляет собой вооруженного солдата, стоящего на страже капиталистического строя, того строя, который основан на законах капиталистического производства с его анархией, конкуренцией, стихией рыночного товарооборота, эксплоатацией.

Отсюда следует, что упразднению капиталистического способа производства неизбежно должно предшествовать упразднение охраняющего и освящающего его буржуазного государства, т. е. пролетарская революция, уничтожающая диктатуру буржуазии и делающая неизбежным «...завоевание политической власти рабочим классом...»,[65] диктатуру пролетариата. Только эта диктатура может обеспечить «...превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность».[66] Только она может создать условия, необходимые для такой экспроприации, когда не кучка узурпаторов экспроприирует народную массу (как это

---

[64] См. К. Маркс, «Капитал», т. I. Соч., т. XVII, стр. 195—196.
[65] Там же, стр. 535.
[66] Там же, стр. 834—835.

было в период зарождения капитализма), но, наоборот, когда «...народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов».[67] Только она может ускорить рождение и созревание нового общества — общества социалистического, коммунистического, того общества, где «...начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы...»[68]

Изложенное решительно опровергает лживые каутскианские измышления об отсутствии в «Капитале» идей диктатуры пролетариата. Мы видели, что Маркс в «Капитале» не только попрежнему продолжал исходить из принципа необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата, но дал этому принципу исчерпывающее научное обоснование, превратив в подлинную научную истину. Именно поэтому «Капитал» и поныне является самым ненавистным для буржуазии произведением революционно-пролетарской мысли. «Капитал» был одним из самых тяжелых ударов, когда-либо нанесенных классовому господству буржуазии. Удар, нанесенный этому господству Парижской Коммуной спустя четыре года после выхода в свет первого тома «Капитала», явился подтверждением основного политического вывода великого произведения научного социализма.

---

[67] К. Маркс, «Капитал», т. I, Соч., т. XVII, стр. 835.
[68] Там же, т. III, 1938, стр. 722.

Глава третья

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО И ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД 1871—1895 гг.

I. Опыт Парижской Коммуны 1871 г. и его влияние на развитие марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата

Парижская Коммуна 1871 г. обогатила марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата новым революционным опытом, первым опытом пролетарской революции. Несмотря на кратковременность своего существования, Парижская Коммуна целиком подтвердила правильность основных положений марксистской теории государства и дала материал для обоснования новых положений этой теории.

Известно, что до начала революции Маркс и Энгельс возражали против ее проведения, учитывая крайне неблагоприятные условия и почти явную неизбежность поражения. Однако когда революция все же вспыхнула, Маркс и Энгельс первыми восторженно ее приветствовали и сделали все возможное для того, чтобы содействовать победе коммунаров, во-время вскрыть их ошибки и извлечь необходимые уроки из практики их борьбы. Хотя революция началась в крайне неблагоприятных условиях, движение не было в должной мере сознательным, организованным и целеустремленным, но самый факт пролетарской революции, попытка разрушения старой государственной машины и установления диктатуры пролетариата, целый ряд положительных мероприятий Коммуны, несомненно, были также результатом распространения марксистских идей о государстве и диктатуре пролетариата. Отсутствие подлинно революционной партии, способной осуществить принципы пролетарской революции (основными группами в Коммуне были бланкисты и прудо-

нисты), явилось одной из главных причин поражения. Все же Парижская Коммуна была революцией, в которой семена марксизма начали давать свои первые всходы.

Важнейшими уроками Коммуны, подтверждающими правильность идей марксизма о государстве, Маркс и Энгельс считали следующее: Коммуна доказала, что теория пролетарской диктатуры может быть превращена в революционную практическую действительность. Коммуна подтвердила и практически обосновала вывод марксизма о необходимости слома старой буржуазной государственной машины, о невозможности для рабочего класса «...просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». [1]

Гениальный прогноз Маркса, данный им еще в 1852 г., таким образом, блестяще оправдался. 18 апреля 1871 г., т. е. еще во время Коммуны, Маркс писал Кугельману: «Если ты посмотришь последнюю главу моего «18 Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнению, ближайший подъем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей». [2] Ленин, комментируя эти слова Маркса, указывал, что в них заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. [3]

Из приведенной выше цитаты следует, что Маркс ограничивал свой вывод только опытом стран Европейского континента, не касаясь Англии и Америки. В ту пору (доимпериалистическую) такого рода ограничение было вполне понятным и правильным, так как Англия, по выражению Ленина, представляла собой тогда образец чисто капиталистической страны, но страны без военщины и в значительной степени без бюрократии. Следовательно, и революция была там возможной без предварительного условия разрушения «готовой государственной машины». В новых условиях развития капитализма марксистский вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины как о необходимом предварительном условии пролетарской революции был отнесен Лениным и Сталиным к Англии и Америке.

---

[1] К. Маркс, Гражданская война во Франции, Избр. произв., т. II, 1938, стр. 362.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 105.

[3] См. В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 395.

О том, какое значение придавали Маркс и Энгельс опыту Парижской Коммуны, свидетельствует то обстоятельство, что 24 июня 1872 г. в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии» они сочли необходимым оговорить устарелость отдельных мест программы «Манифеста». В особенности, писали они, цитируя приведенное выше положение из «Гражданской войны во Франции», Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». [4] Разоблачая факт искажения этой весьма существенной поправки оппортунистами, Ленин писал, что основная мысль Маркса состоит здесь отнюдь не в том, что рабочий класс должен ограничиться захватом власти в свои руки, а в том, что он должен разбить, сломать «готовую государственную машину» буржуазии. Крайне характерно, что поправку к «Манифесту» Маркс и Энгельс сочли возможным сделать не тогда, когда писалось «18 Брюмера», где на основе революционного опыта 1848—1851 гг. формулировался вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины, а лишь тогда, когда этот вывод был подтвержден первым опытом пролетарской революции. В истории развивающегося марксистского учения о государстве это был один из наиболее значительных примеров дополнения старых положений новыми.

Считая Парижскую Коммуну опытом именно пролетарской революции, Маркс и Энгельс исходили при этом, во-первых, из учета социального характера движущих сил Коммуны и сущности ее конечных целей; во-вторых, из того, что только такая революция могла поставить задачу разрушения старой государственной машины и пытаться эту задачу разрешить.

На примере Парижской Коммуны Маркс и Энгельс показали коренное отличие пролетарской революции от других революций в их отношении к государству. Отличие это они усматривали в том, что Коммуна была революцией, направленной не столько против той или другой формы государственной власти в эксплоататорском обществе, сколько против самого типа эксплоататорского государства, против эксплоататорского экономического и политического строя в целом. В Коммуне Маркс и Энгельс видели революцию, целью которой, хотя еще и не вполне осознанной, являлось разрушение всей машины классового господства в эксплоата-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1939, стр. 2.

торском обществе и прежде всего — старой государственной машины.

Это отношение марксизма к Коммуне особенно наглядно выражено в подготовительных работах к «Гражданской войне во Франции», в которых очень обстоятельно выясняется роль пролетариата как класса, единственно способного справиться с задачей разрушения старой государственной машины.

Характеризуя расстановку классовых сил во Франции в период Коммуны, Маркс указывал, что «одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества,— задачей уничтожения всех классов и классового господства,— были способны сломать орудие этого классового господства — государство, т. е. централизованную и организованную правительственную власть, ставшую хозяином общества вместо того, чтобы быть его слугой».[5] Мысль Маркса о руководящей роли рабочего класса в пролетарской революции, о его отношении к старому государству была отчетливо отражена и в окончательном варианте «Гражданской войны во Франции». В этом произведении Маркс подробно изучает буржуазную государственную организацию, противопоставляя ей диктатуру пролетариата. Он подвергает критическому исследованию эксплоататорскую государственность на конкретном примере бонапартистской империи с ее огромной бюрократической машиной. Что сделали парижские коммунары против этой огромной машины угнетения? Они ее р а з р у ш и л и, заменив совершенно новой государственной организацией.

Опыт Парижской Коммуны дал марксистскому учению о государстве материал не только для подтверждения вывода о необходимости слома старой государственной машины. Он дал также, что особенно важно, материал для конкретного ответа на вопрос: ч е м з а м е н и т ь р а з б и т у ю г о с у д а р с т в е н н у ю м а ш и н у? Если раньше Маркс и Энгельс ограничивались выставлением общего тезиса о пролетарском характере новой государственности, то теперь, после Коммуны, они получили возможность с полной отчетливостью выяснить наиболее существенные признаки пролетарского государства как нового, особого т и п а государства.

Коммуна во Франции пришла на смену существовавшей там еще со времени абсолютной монархии и особенно развившейся в XIX в. бюрократической государственной власти эксплоататоров с такими важнейшими ее элементами, как

---

[5] «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 327.

постоянная армия, полиция, чиновники, духовенство и судейское сословие. Накануне Коммуны бюрократический государственный аппарат Наполеона III достиг особенно больших размеров. Чиновничество и армия возводились в степень «опоры императорского трона». Наряду с чиновниками, армией и полицией важнейшей составной частью бонапартистского государственного аппарата являлось духовенство, выполнявшее функцию своеобразного «идеологического воздействия». Основная задача колоссального государственного аппарата заключалась в том, чтобы защищать установленный в стране режим бесправия, произвола и террора, направленный в первую очередь против эксплоатируемых и угнетенных классов. В «Гражданской войне во Франции» Маркс определил этот вид эксплоататорской государственной власти как паразитический нарост на теле общества, требующий отсечения, разрушения. И именно Коммуну Маркс считал организацией, призванной осуществить это разрушение и заменить собой старую государственную власть.

В своей работе Маркс особенно подробно останавливался на мероприятиях Коммуны, направленных на создание нового общественного и государственного строя. Он весьма положительно отзывался о первом декрете Коммуны, упразднившем постоянное войско и заменившем его вооруженным народом.

Как известно, это мероприятие Коммуны полностью соответствовало программным установкам марксизма, декларированным в XIX в. и в первой четверти XX в., относительно замены постоянной армии всеобщим вооружнием народа. Эта установка исходила из учета крайне слабого тогда уровня военной техники, из возможности овладения военно-техническими знаниями со стороны широких слоев населения без специального и длительного обучения. Правда, в конце 60-х годов Энгельс указывал, что со времени усовершенствования стрелкового оружия отмена постоянной армии и замена ее милиционной системой невозможны, что решение этого вопроса зависит в каждом отдельном случае от конкретных обстоятельств и что даже коммунистическое общество лишь сугубо приблизительно сможет подойти к милиционной системе. [6] Однако в дальнейшем ни Маркс, ни Энгельс в подобной форме вопроса об армии не ставили. Наоборот, их высказывания после Парижской Коммуны свидетельствуют о том, что они продолжали считать необходимым в ту эпоху упразднение постоянной армии, хотя и предвидели, что оконча-

[6] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 14.

тельное решение вопроса, связанное с изменением военной техники, сможет быть дано только практикой коммунистического строительства. Следует также заметить, что постановка вопроса об упразднении постоянной армии при коммунизме вытекала из тогдашней общей концепции марксизма о победе пролетарской революции во всех цивилизованных странах. Только товарищ Сталин, руководствуясь учением Ленина, смог, в условиях победы социализма и перехода к коммунизму в окруженном капиталистическими странами СССР, поставить и положительно разрешить вопрос о сохранении постоянной армии (а следовательно, и государства) в коммунистическом обществе, находящемся в капиталистическом окружении. [7]

Наряду с декретом Коммуны о замене постоянной армии народной милицией Маркс подчеркивал такие мероприятия Коммуны, как превращение полиции из орудия правительства эксплоататоров в ответственный и сменяемый орган рабочей коммуны, упразднение чиновнической бюрократии и превращение должностных лиц коммуны в слуг народа, установление максимума заработной платы для чиновников, не превышающего максимального заработка квалифицированных рабочих.

Для Маркса не прошло незамеченным ни одно сколько-нибудь значительное мероприятие Коммуны. Он подробно анализирует различные решения Коммуны в области экономики, культуры и политики. Введение подлинного всеобщего избирательного права при выборах городских гласных, их ответственность и сменяемость в любое время; отделение церкви от государства и школы от церкви; запрещение ночных работ в булочных; меры по ликвидации безработицы; отмена штрафов и принудительных вычетов из заработной платы рабочих; составление плана использования оставленных предпринимателями фабрик и заводов; закрытие ссудных касс, закабалявших рабочих; организация социального обеспечения; ликвидация проституции; приостановление всех исков по просроченным векселям; аннулирование квартирной задолженности и т. п.— все это Маркс рассматривал как мероприятия, направленные на удовлетворение интересов рабочего класса. И действительно, декреты Коммуны являлись актами нового, революционного права, которое хотя в значительной степени и стихийно, но все же создавалось государством пролетариата в интересах самого же пролетариата.

[7] Подробнее см. об этом нашу статью «О роли армии и военной присяги в социалистическом государстве» в журнале «Советское государство и право», 1939, № 1, стр. 89—92.

Особенно большой интерес Маркса вызвали мероприятия Коммуны по организации политической власти. Маркс очень хорошо понял существо избирательного права и избирательной системы Парижской Коммуны как важнейших инструментов для конституирования самими трудящимися массами непосредственно органов своей государственной власти.[8] Выделение самими трудящимися массами из своей среды лучших людей — депутатов для выполнения сложной работы по управлению государством, а не для парламентской болтовни — в этом состоит характернейшая особенность пролетарского демократического избирательного права, впервые выявившаяся в практике Парижской Коммуны. Рабочие Парижа, взяв власть в свои руки и ликвидировав старую угнетательскую государственную машину, выделили на основе всеобщего избирательного права из своей же среды представителей для непосредственного управления Коммуной. Они сами установили порядок выборов, ввели в действие подлинно демократический принцип свободы отзыва и сменяемости избранных депутатов. Маркс и Энгельс подчеркивали, что это было по-новому всеобщее избирательное право, использованное именно рабочими массами в своих классовых интересах.

«Коммуна,— писал Маркс,— образовалась из выбранных всеобщим голосованием по различным округам Парижа городских гласных, они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы».[9] Именно поэтому всеобщее избирательное право явилось для парижских коммунаров прежде всего и главным образом орудием отбора лучших людей из своей собственной среды для деловой государственной работы, для того, чтобы «служить народу, организованному в коммуны, как индивидуальное право выбора служит любому работодателю при подыскании рабочих и управляющих для его предприятий». «Ведь общества,— писал Маркс,— точно так же, как и отдельные лица, всегда умеют найти для своих практических предприятий подходящих людей, а если иногда ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку».[10] В этих последних словах Маркс имеет в виду роль

[8] См. С. Ронин, В. Турецкий, Вопросы избирательного права в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, журнал «Советское государство», 1937, № 6, стр. 60—87.

[9] К. Маркс, Избр. произв., т. II, стр. 365.

[10] Там же, стр. 366.

права отзыва избирателями непригодных, не справляющихся со своими обязанностями, обманувших доверие народа депутатов и замены их более достойными. Этот подлинно демократический принцип отзыва и сменяемости депутатов, который немыслим в условиях буржуазного государства, был применен впервые Коммуной. Теперь он прочно вошел в систему принципов нашего советского социалистического избирательного права и закреплен великой Сталинской Конституцией СССР. В период Коммуны это был новый момент, свидетельствующий о том, что на место старой, чиновничьей бюрократической касты, оторванной от народа, парижские коммунары выдвинули созданный ими новый тип государственного аппарата, отражающего подлинные интересы и волю трудящихся масс. Маркс и Энгельс, а впоследствии Ленин и Сталин доказали это с исчерпывающей полнотой.

Приведенные выше слова Маркса об избирательном праве Коммуны свидетельствуют о том, что Маркс видел в Коммуне не только новый тип государства — государства пролетарской диктатуры, но и новую, соответствующую этому типу форму политической организации общества. Подчеркивая коренное отличие Коммуны от всех бывших в прошлом типов и форм эксплоататорской государственности, Маркс резко обрушивался на тех, кто не понимал этого, кто пытался видеть в Коммуне лишь новое подобие старых политических учреждений, кто, в частности, рассматривал Парижскую Коммуну 1871 г. как воскрешение... средневековых городских коммун. «Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна,— писал Маркс,— и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства». [11]

При этом Маркс высказывал мысль, что наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата является не просто парламентарная республика, хотя бы и пролетарская, а

[11] К. Маркс, Избр. произв., т. II, стр. 368.

политическая организация типа Парижской Коммуны. К сожалению, эта мысль не получила дальнейшего развития в трудах Маркса и Энгельса. Энгельс даже, как известно, в 1891 г. (в «Критике Эрфуртской программы») прямо заявил, что парламентарная республика является специфической формой для диктатуры пролетариата. [12]

Маркс отмечал не только положительные стороны Коммуны. Он видел ее ошибки и резко критиковал Коммуну, особенно за отказ от немедленной национализации французского банка, за неумение организовать и привлечь на свою сторону крестьянство, за недостаточную внутреннюю организованность и дисциплинированность. Он бичевал нерешительность руководителей Коммуны, их примиренческое отношение к своим классовым врагам, неспособность понять законы классовой борьбы. Маркс указывал еще в период Коммуны (12 апреля 1871 г.), что если парижские рабочие окажутся побежденными, то виной будет не что иное, как их «великодушие». «Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы... Тьер... не начал ее уже... Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!» [13] Ленин эти слова комментирует следующим образом: «О *б е* ошибки (Коммуны.— *В. Т.*) состоят в недостатке офензивы, в недостатке сознания и решимости *разбить* бюрократически-военную машину государства и власть буржуазии». [14]

В первом наброске «Гражданской войны во Франции» есть замечательное рассуждение Маркса о том, что классовая борьба не устраняется с победой пролетариата, а приобретает лишь новые формы. Коммуна, пишет Маркс, имея в виду новый тип пролетарского государства, не устраняет классовой борьбы. Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии этой борьбы классов, что его работа по созданию нового общественного строя — коммунизма «...будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов» [15]. Этого не понимали руководители Коммуны. Именно этим объясняется, например, тот факт, что декрет Парижской Коммуны о репрессиях не был приведен в исполнение и работа по очищению тыла

---

[12] См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 340.
[13] К. *Маркс* и Ф. *Энгельс*, Соч., т. XVI, стр. 106.
[14] В. И. *Ленин*, Марксизм и государство, 1933, стр. 17.
[15] «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 335.

от врагов народа проводилась явно недостаточно, что и отмечал Маркс.

Маркс резко критиковал Центральный Комитет Национальной гвардии, который, взяв власть в свои руки, проявил излишнюю мягкость и уступчивость по отношению к своим классовым врагам. Как уже отмечалось, во время Коммуны Маркс настойчиво указывал ее руководителям, что их отказ первыми начать гражданскую войну является ошибкой, что, выпустив из своих рук правительство Тьера и верные ему воинские части, Коммуна предоставила им возможность собраться с силами и подавить Коммуну. «Парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс. А за свою мягкость они поплатились тем, что когда Тьер вошел в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами». [16]

Маркс упрекал Коммуну не только в том, что она не сумела искоренить во-время своих явных врагов, но и в том, что она не выявила тайных врагов, пробравшихся в ее собственную среду. Когда буржуазные газеты, пытаясь скомпрометировать Коммуну, ссылались при этом на такой «аргумент», как сообщения о производимых Коммуной арестах в своей собственной среде, Маркс, наоборот, указывал на явную необходимость подобных мероприятий и, более того, отмечал недостаточно решительную работу по разоблачению замаскировавшихся агентов Версаля и по их искоренению. Что касается мнения буржуазии о подобных мероприятиях, то Маркс в своих записках достаточно выразительно заметил: «Аресты в своей собственной среде. Это особенно шокирует буржуа, которому непременно нужны политические идолы и «великие люди». [17] Маркс и Энгельс ошибку Коммуны видели не в том, что она производила аресты «в своей собственной среде», искореняя предателей, а в том, что это делалось крайне нерешительно, недостаточно. [18]

Опыт Парижской Коммуны доказал правильность выводов Маркса и Энгельса о необходимости государства пролетарской диктатуры как органа, руководящего строительством нового общества и подавляющего сопротивление классовых врагов на протяжении всего переходного периода от капитализма к окончательной победе коммунизма. Пролетарское государство,

---

[16] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 313.

[17] «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 313.

[18] Вопреки этому совершенно ясно высказанному мнению Маркса, ренегат Каутский считал большим «достижением» то обстоятельство, что Коммуна была очень далека от применения к своим врагам «какого бы то ни было террора» (K. Kautsky, «Terrorismus und Kommunismus», 1919, S. 87).

по Марксу и Энгельсу, полностью должно осуществлять свою функцию насильственного подавления сопротивления классовых врагов. Это положение Маркс и Энгельс неоднократно повторяли и после Парижской Коммуны, продолжая резкую критику взглядов анархистов и лассальянцев по вопросу о государстве.

II. Усиление борьбы Маркса и Энгельса против анархизма в вопросе о государстве

После Парижской Коммуны Маркс и Энгельс с особенной решительностью подчеркивали вредность анархистского требования отмены «всякого государства» и авторитета, вредность стремления анархистов к политическому индиферентизму. Маркс и Энгельс утверждали, что принципиальная ошибочность программы и тактики анархистов в вопросе о государстве заключается в том, что они исходят из идеалистического понимания природы государства, из отрицания связи государства с существованием классов, из отрицания необходимости пролетарской диктатуры как перехода к уничтожению классов, а вместе с ними — к исчезновению государства.

Так, например, в речах на Лондонской конференции I Интернационала Маркс и Энгельс указывали на необходимость диктатуры пролетариата как главного средства уничтожения классов и построения коммунизма. Анархистское требование воздержания от участия в политике и в борьбе за власть они расценивали как прямое отступление от позиций рабочего класса. [19]

Борьба марксизма с анархизмом по вопросу о государстве особенно усилилась после того, как место прудонистов заняли сторонники Бакунина, ожесточенно нападавшие на марксистское учение о государстве. Собственно, особо принципиальной разницы между прудонистами и бакунистами в их отношении к государству не было, точно так же как не было существенного различия между бакунизмом и воззрениями Макса Штирнера. Взгляды Бакунина на государство представляли собой, по существу, не что иное, как амальгаму того же штирнерианства и прудонизма, сдобренную «коммунистической» фразеологией самого Бакунина. Но зато бакунизм коренным образом отличался от марксистского учения о государстве.

В отличие от марксизма, учившего, что государство необходимо до тех пор, пока существуют антагонистические классы, что существование государства (и права) обусловлено нали-

[19] См. «Лондонская конференция I Интернационала», Партиздат, 1936, стр. 64, 68; см. также «К жилищному вопросу» Энгельса (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 60).

чием борющихся между собой классов, Бакунин требовал немедленного уничтожения государства, отрицал целесообразность политической борьбы и захвата государственной власти рабочим классом, отрицал необходимость диктатуры пролетариата. Учению Маркса о сломе буржуазной государственной машины, заменяемой новым, пролетарским государством, Бакунин противопоставил свой лозунг борьбы за немедленную отмену всякого государства вообще. В государстве, как и в праве (безотносительно к тому, о каком обществе идет речь), Бакунин видел главное зло, против которого следует бороться. Как Штирнер и Прудон, Бакунин не понимал зависимости государства и права от общественного строя, от экономических отношений, от интересов господствующего класса. Определяя анархию как «наиболее полное выражение разнузданной народной жизни», как строй, основанный на отсутствии авторитета и принуждения, он заявлял о своей убежденности в том, что только из этой анархии сможет возникнуть новый общественный порядок и что государственность (следовательно, в том числе и пролетарская государственность) должна быть устранена «на другой же день после революции». Говоря о необходимости немедленного уничтожения государственной власти вообще, безразлично к тому, является ли она реакционной или революционной, Бакунин открыто заявлял, что для анархистов не имеет значения, является ли эта власть абсолютной монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или революционной диктатурой; «мы их все одинаково ненавидим и отвергаем как неизбежный источник (?!) эксплоатации и деспотизма». Разоблачая действительную, антипролетарскую сущность этих измышлений Бакунина, Маркс писал в негласном циркуляре Международного товарищества рабочих — «Мнимые расколы в Интернационале», что безгосударственный строй может наступить лишь «...после того, как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута...», лишь тогда «...государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под игом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и функции правительства превращаются в простые административные функции».[20] Вывод, к которому Маркс и Энгельс пришли еще задолго до этого периода, продолжал оставаться и на данном этапе крупнейшим водоразделом между марксизмом и анархизмом.

---

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 432. См. также К. Маркс и Ф. Энгельс, Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих (Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 548).

Критика бакунинских взглядов на государство со стороны Маркса и Энгельса, разумеется, меньше всего походила на участие в «академической дискуссии». Это была страстная и неукротимая борьба против злейшего врага революционной партии пролетариата, каким являлся бакунизм, борьба за создание и укрепление этой партии, за ее единство и вооружение научно-революционной теорией. Установка Бакунина в вопросе о государстве приводила к разоружению I Интернационала и всего международного рабочего движения. Критика этой установки со стороны Маркса и Энгельса теоретически и политически вооружала Интернационал и все международное рабочее движение. В статье «Политический индиферентизм» (январь 1873 г.), резко высмеивающей анархистскую «теорию политического воздержания» и показывающей действительное отношение анархистов к революционным задачам пролетариата, Маркс убедительно показал, что борьба рабочего класса за установление своей диктатуры воспринимается анархистами как «...ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство». [21] Смысл слов Маркса заключался не в том, что марксизм, вопреки анархистам, считает государственность необходимой навсегда, а в том, что она, с точки зрения марксизма, необходима как временная, преходящая диктатура рабочего класса, существующая до окончательной победы коммунизма. [22]

Эти же мысли еще более подробно и популярно изложил Энгельс в своих письмах 1872—1874 гг. и в своей знаменитой статье «Об авторитете». И пасьма и статьи представляли собой официальные документы, направленные против анархистов, которые отрицали всякий авторитет, принуждение и власть, открыто назвав себя «антиавторитаристами».

В письме к Карло Терцаги от 14 января 1872 г. Энгельс вскрыл полнейшую необоснованность анархистских «теорий» и показал принципиально различное отношение марксистов и анархистов к вопросу о государстве. «Я,— писал Энгельс в этом письме,— не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, что когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, то осуществляется именно акт власти. Недостаток централизации и власти стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с властью

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 88—91.

[22] Ср. В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 411; В. И. Ленин, Марксизм о государстве, 1933, стр. 76.

и т. д., что хотите, но для борьбы нам нужно соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в одном пункте атаки. А когда мне говорят о власти и централизации, как о двух вещах, заслуживающих осуждения при всяких обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорят, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами лишь на словах». [23]

В другом письме, датированном 24 января 1872 г. и адресованном Теодору Куно, Энгельс дал развернутую характеристику различия между марксистской теорией государства и анархизмом. Энгельс показал в этом письме, что бакунинская «теория государства» представляет собой своеобразную «смесь прудонизма с коммунизмом». Согласно этой «теории», писал Энгельс, главным злом, которое следует устранить, является не капитал, а следовательно, и не классовая противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшая «...в результате общественного развития, а государство. В то время как массы социал-демократических рабочих, так же, как и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал,— сосредоточение всех средств производства в руках немногих, и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица, уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства». [24] Под «социальным переворотом» Энгельс, несомненно, имеет в виду также диктатуру пролетариата в переходный период, начинающийся после победы пролетарской революции и требующий нового государства, новой политической власти. По мнению Бакунина и его сторонников, после победы революции не должно существовать никакого авторитета, так как авторитет — государство — абсолютное зло. «Каким образом,— спрашивает Энгельс,— эти господа собираются пустить в ход фабрики и железные дороги, управлять кораблем без воли,

---

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 196.
[24] Там же, стр. 203—204.

решающей в последней инстанции, без единого руководства,— этого они нам, конечно, не говорят. Прекращается также и власть большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община — автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них поступился чем-нибудь из своей автономии,— об этом Бакунин снова умалчивает». [25]

Как документ борьбы против анархистской «теории» государства большой интерес представляет статья Энгельса «Об авторитете» (1873—1874). В этой статье Энгельс указывал, что государство, а вместе с ним политический авторитет, против которого так ополчаются анархисты, исчезнут лишь в результате окончательной победы мировой пролетарской революции, когда вследствие ликвидации классов общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, охраняющие истинные интересы всего общества. Что касается анархистского требования немедленной отмены государства, то в полном согласии с Марксом Энгельс отмечал, что нельзя отменить государство раньше, чем будут отменены социальные отношения, его породившие. «Они требуют,— писал Энгельс об анархистах,— чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли эти люди когда-нибудь революцию? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?». [26] Эти вопросы Энгельса очень хорошо иллюстрируют сказанное нами выше об ошибках Коммуны, не сумевшей в должной мере использовать организованный ею новый революционный аппарат государственной власти для борьбы с классовыми врагами. Энгельс заканчивает статью следующими словами: «Итак, одно из двух: или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу, или они это знают, и в этом случае они изменяют

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 205.
[26] Там же, т. XV, стр. 137.

движению пролетариата. В том и в другом случае они служат реакции». [27]

Различие между марксизмом и анархизмом в вопросе о государстве выявлено Энгельсом, таким образом, с исчерпывающей ясностью. Государство нужно пролетариату на весь период его борьбы за коммунизм. Ошибка Коммуны заключается в том, что она недостаточно решительно пользовалась революционной властью государства, т. е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата. Энгельс снова и снова доказывает, что государство, как выражение политического авторитета пролетариата, необходимо в классовом обществе вплоть до окончательной ликвидации классов, когда надобность в государстве, в политическом авторитете исчезнет и когда авторитет, сохраняя всю силу своего влияния на членов общества, однако, потеряет свой политический характер. При развернутом коммунизме авторитет и подчинение авторитету (уже, конечно, не политическому авторитету) будут необходимы. В той же статье Энгельс писал, что «...с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны известное подчинение,— независимо от какой бы то ни было общественной организации,— обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов». [28]

Ленин высоко оценил значение энгельсовской статьи об авторитете, указав на разоблачение Энгельсом анархистского представления об отмене государства как путанного и реакционного представления. Самому же Ленину принадлежит, между прочим, заслуга раскрытия бухаринской фальсификации этой статьи Энгельса, фальсификации, посредством которой Бухарин пытался прикрыть свою анархистскую, по существу контрреволюционную «теорию взрыва государства». [29]

Большое значение для характеристики отношения марксизма к анархистским взглядам имеет составленный Марксом конспект на главное произведение Бакунина по вопросу о государстве.

Таким главным произведением, направленным против марксистского учения о государстве, была книга «Государственность и анархия», изданная Бакуниным в 1873 г. Составление же Марксом конспекта относится к 1874 г., а его опубликование — к 1935 г. В замечаниях Маркса на книгу Бакунина содержится ряд весьма существенных положений,

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 137.
[28] Там же, стр. 136.
[29] Ср. В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 413; «Марксизм о государстве», стр. 74.

прекрасно характеризующих уровень развития, которого к тому времени достигло марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата.

Опровергая нелепые измышления Бакунина о том, что диктатура пролетариата означает якобы господство одной части пролетариата над другой его частью или над крестьянством и что поэтому диктатура пролетариата является «вредной» и «ненужной», Маркс в своем конспекте показал, что подлинная причина этих измышлений заключается не в мнимой порочности учения о диктатуре пролетариата, а в упрямом отрицании Бакуниным всякой государственности, в искажении этим «политиканом из кафе» сущности учения о государстве пролетарской диктатуры. Диктатура пролетариата означает, что «...покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен». [30] Впервые формулируя основы политики пролетарского государства по отношению к крестьянству, Маркс указывал, что диктатура пролетариата означает, что «...там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западно-европейского континента; где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии,— там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и будет приводить к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат... должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции». «Хороша идея, что господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного труда! Но тут-то проявляется затаеннейшая мысль господина Бакунина. Он абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы». [31] Диктатура пролетариата неизбежна и необходима до тех пор, пока существуют классы и борьба их между собой, пока не исчезли классовые

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 186.
[31] Там же, стр. 187—188.

враги пролетариата. Пролетарское государство насильственно ускоряет процесс преобразования старого общественного строя в новый общественный строй. В странах с крестьянским населением пролетарское государство содействует организации новых общественных отношений тем, что принимает меры к улучшению положения крестьянства, в частности, к переходу его к коллективной собственности. Так ставит вопрос Маркс, вскрывая полную несостоятельность бакунинской «критики». Характерно поразительное совпадение постановки вопроса об отношении диктатуры пролетариата к крестьянству у Маркса и Ленина, хотя Ленину и не были известны замечания Маркса на книгу Бакунина.

В своей книге Бакунин пытался доказать, что марксистское учение о диктатуре пролетариата означает увековечивание государства. В ответ на это Маркс вновь повторял тезис о том, что исчезновение государства возможно только после исчезновения классов и классового господства. «...когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова» (т. е. как орудия классового господства.— *В. Т.*). Последней же необходимой ступенью классового господства является диктатура пролетариата, которая исчезнет лишь тогда, когда исчезнут экономические основы существования классов. «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов».[32] Следовательно, до тех же самых пор необходима и государственность, но государственность особого типа, государственность диктатуры пролетариата.

Мы видим, таким образом, как на протяжении ряда лет Маркс и Энгельс упорно и настойчиво разоблачали подлинный, антипролетарский характер анархистских воззрений на государство.

Анархисты требовали немедленной отмены государства, на другой же день после победы пролетариата. Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость сохранения государства на весь переходный период от капитализма к коммунизму. Анархисты «взрывают» государство, отрицают его необходимость для трудящихся. Маркс и Энгельс определяют это требование как попытку разоружения рабочего класса. Государство необходимо пролетариату до его окончательной победы над классовыми врагами, т. е. вплоть до окончательной победы коммунизма.

Говоря в «Жилищном вопросе» о переходе бланкистов, после Коммуны и под ее влиянием, на принципиальную пози-

---

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 191, 192.

цию марксизма, Энгельс определил ее как позицию «...необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства...»[33] Ленин отмечал, что в полемике Маркса и Энгельса против анархистов основоположники марксизма всячески подчеркивали необходимость для пролетариата государства как революционной и преходящей формы и что ею является диктатура пролетариата.

Разоблачение Марксом и Энгельсом взглядов анархистов на государство сыграло огромную роль в борьбе за сохранение революционно-партийной чистоты марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата. В этой борьбе, как мы видели, Маркс и Энгельс дали изумительный образец революционной последовательности и непримиримости к идейным противникам. В письме к Ф. Ван-Паттену от 18 апреля 1883 г. Энгельс, отвечая на вопрос об отношении марксизма к анархизму, писал, что он, Энгельс, и Маркс уже с 1845 г. придерживались того взгляда, что одним из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное растворение (dissolution) и в конечном счете исчезновение государства как организации, которая в эксплоататорском обществе всегда имела главной целью обеспечить, посредством вооруженной силы, экономическое угнетение трудящегося большинства имущим меньшинством. Вместе с тем Энгельс еще раз подтверждает в этом же письме, что он и Маркс уже в «Манифесте Коммунистической партии» провозгласили, что для достижения этого и других конечных результатов социалистической революции «...пролетариат должен будет прежде всего захватить в свои руки организованную политическую государственную власть и с ее помощью сломить сопротивление класса капиталистов и реорганизовать общество». Что касается анархистов, то они, как говорит здесь Энгельс, «ставят вопрос на голову». «Они говорят, что пролетарская революция должна начать с упразднения политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов — капиталистов — и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа неминуемо закончилась бы поражением и

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 60.

массовой резней рабочих, как это было после Парижской Коммуны».[34]

Это рассуждение Энгельса весьма поучительно. Оно представляет для нас тем больший интерес, что в нем Энгельс дал прекрасную общую характеристику развития марксистских взглядов по вопросу об отмирании государства, о государстве вообще. Эта характеристика полностью подтверждает все то, что нами говорилось по этому вопросу в предшествующем изложении. Но в письме Энгельса к Ван-Паттену есть место, заслуживающее особого внимания для характеристики марксистского учения о сломе, разрушении буржуазной государственной машины. «Государство,— говорит Энгельс,— является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования...» «Но разрушить его совсем в такой момент (т. е. сразу же после победы пролетариата.— *В. Т.*) означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть...»[35] На первый взгляд может показаться, что Энгельс здесь вступает в противоречие с выводами, которые были сделаны раньше,— о необходимости слома, разрушения буржуазной государственной машины. В действительности же никакого противоречия здесь нет. Энгельс, несомненно, имеет в виду анархистскую «теорию» разрушения всякого (в данном случае — пролетарского) государства, против которой он и выступает. Следовательно, по Энгельсу, задача пролетариата после взятия власти заключается отнюдь не в том, чтобы сразу же разрушить государство вообще, а в том, чтобы, сразу же отсекая «худшие стороны» буржуазного государственного аппарата, приступить к его коренной ломке, заменяя его новым аппаратом государственной власти, соответствующим природе и задачам этой новой власти. Именно так подходили к вопросу о сломе буржуазного государственного аппарата Ленин и Сталин в практике революционной борьбы после Октября 1917 года.

III. Критика буржуазно-оппортунистической идеи «свободного народного государства» и защита идеи диктатуры пролетариата

Одновременно с борьбой против прудонизма и бакунизма Маркс и Энгельс в описываемый нами период подвергли резкой критике идею так называемого «свободного народного государства», первым автором которой, как отмечалось выше, был Лассаль. Эту идею некритически восприняли руко-

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 304.
[35] Там же (разрядка моя.— *В. Т.*).

водители германского рабочего движения — Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, что особенно наглядно обнаружилось при беспринципном объединении лассальянцев с эйзенахцами в одну социалистическую рабочую партию Германии. Это был второй фронт борьбы Маркса и Энгельса за создание и укрепление массовой, подлинно революционной партии рабочего класса, за ее единство, за вооружение ее революционной теорией.

Идея «свободного народного государства» (которое затем у Либкнехта называлось просто «свободным государством», а у Бебеля — «народным государством») выдвигалась как противопоставление марксистскому учению о государстве пролетарской диктатуры, что, между прочим, не способен был понять Бакунин, упорно отождествлявший одно с другим. Не случайно поэтому Маркс в своем конспекте книги Бакунина отметил явную неуклюжесть попыток Бакунина, критикующего марксизм, спекулировать «...на либкнехтовском народном государстве, которое есть вздор, обращенный против «Коммунистического манифеста...» [36]

Маркс и Энгельс настойчиво разъясняли, что лозунг «свободное народное государство» в условиях существования частной собственности и эксплоатации есть всего лишь фраза, лишенная смысла и уводящая пролетариат в сторону от выполнения им основной своей задачи — организации пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата. «Народная воля» в буржуазном обществе, основанном на угнетении человека человеком, есть иллюзия, прикрывающая подлинную волю — волю господствующей как класс буржуазии. Только уничтожение частной собственности и ликвидация эксплоататорских классов создадут условия для проявления подлинной воли подлинного народа. Маркс писал: «Такая вещь, как целый народ в нынешнем смысле слова — фантазия». «При коллективной собственности исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива». [37] «Действительная воля кооператива» — это и есть не иллюзорная, а подлинная воля освобожденного и объединенного народа, выражаемая государством пролетарской диктатуры. Руководимый партией Ленина — Сталина, Советский Союз, где диктатура пролетариата явилась важнейшим условием, обеспечившим осуществление морально-политического единства советского народа, является живым свидетельством справедливости этих слов Маркса.

---

[36] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 192.
[37] Там же, стр. 191.

Когда идею «свободного народного государства», переименованного В. Либкнехтом в «свободное государство», начали превращать в программный тезис германской социалистической партии (Готская программа), Ф. Энгельс в своем письме к А. Бебелю 18—28 марта 1875 г. достаточно ясно дал понять, что «изменение» термина не меняет лассальянской сущности самого лозунга, совершенно чуждого духу марксизма и являющегося «чистой бессмыслицей», ибо «...пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать».[38] Этой же точки зрения придерживался и Маркс, который, определяя правильное соотношение между понятиями «свобода» и «государство», писал, что «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный».[39] Разумеется, между этой постановкой вопроса о соотношении свободы и государства и лассальянско-эйзенаховской идеей «свободного народного государства» не могло быть ничего общего. Противопоставив абстрактное, внеклассовое «свободное народное государство» государству пролетарскому, авторы Готской программы не понимали того, что условия для подлинной свободы создаются только в рамках пролетарского государства, только как результат установления этого последнего.

Из сказанного следует, что не только анархисты, требовавшие немедленной отмены всякого государства, но и оппортунисты в рядах германской социалистической партии, выдвинувшие лозунг «свободного народного государства», были глубоко враждебны марксистскому учению о государстве и диктатуре пролетариата.

В период от Парижской Коммуны до кончины Энгельса (1895) Маркс и Энгельс, а затем один Энгельс, обобщая новый исторический опыт и решительно борясь с идейными противниками, уточнили отдельные положения своего учения о государстве и диктатуре пролетариата, обогатили его новыми положениями и подвели итоги развития этого учения в целом.

В этой связи огромное значение имеет «Критика Готской программы». Критикуя проект Готской программы, Маркс счел необходимым в более развернутом и точном виде, чем раньше, изложить свое учение о диктатуре пролетариата как о госу-

---

[38] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т XXVI, стр. 386.
[39] Там же, т. XV, стр. 282.

дарстве переходного периода от капитализма к коммунизму. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом,— писал Маркс,— лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».[40] В этом тезисе Маркс подвел итог всему развитию своего учения о диктатуре пролетариата, противопоставляя это учение не только идеям анархистов, но и лассальянской теории «свободного народного государства», и нанося тем самым один из наиболее чувствительных ударов по оппортунизму.

Именно поэтому оппортунистическое руководство германской социал-демократии (эйзенахцев), опасаясь своего разоблачения и срыва объединения с лассальянцами, приложило все усилия к тому, чтобы скрыть этот важнейший программный документ коммунизма не только от рабочего класса Германии, но и от членов своей партии и даже от делегатов Готского съезда, принимавшего программу, не зная о подлинном мнении Маркса и Энгельса. «Критику Готской программы», как мы видим, постигла та же судьба, что и целый ряд других классических произведений марксизма, сознательно утаенных от рабочего класса.

Когда же в 1891 г. по категорическому требованию Энгельса «Критика Готской программы» была опубликована, встретив полное одобрение широких партийных масс, оппортунистические лидеры германской социал-демократии открыто заявили о своем несогласии с ней и повели против нее ожесточенную кампанию. Они не останавливались перед прямой фальсификацией и сознательным извращением марксизма, как это сделал, например, Каутский, заявивший, что «диктатура пролетариата» является «случайно брошенным словечком», что в «Критике Готской программы» Маркс употребляет этот термин якобы «впервые», «единственный раз» и т. п., о чем подробнее сказано выше. Наиболее ярким примером отношения германских оппортунистов к тезису «Критики Готской программы» о диктатуре пролетариата могут служить выступления одного из лидеров германской социал-демократии Карла Грилленбергера в рейхстаге в феврале 1891 г. Грилленбергер заявлял, что германская социал-демократия никогда не разделяла точки зрения Маркса и Энгельса о насильственной пролетарской революции, что само развитие современного капиталистического общества приводит к тому, что оно неизбежно должно врасти в социалистическое

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 283.

общество, и что поэтому «социал-демократическая партия не приняла программного требования Маркса о диктатуре пролетариата». [41] Именно эти речи и имел в виду Энгельс, когда в своем введении к «Гражданской войне во Франции», защищая марксистское учение о диктатуре пролетариата, заклеймил противников этого учения презрительной кличкой социал-демократических филистеров. «В последнее время,— писал Энгельс 18 марта 1891 г.— социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата». [42] Опыт Коммуны, таким образом, Энгельс блестяще использовал для того, чтобы еще раз показать подлинную сущность идей диктатуры пролетариата, ее необходимость и неизбежность.

Одним из приемов оппортунистов в их борьбе против марксистского учения о государстве, революции и диктатуре пролетариата, как это неоднократно отмечал Ленин, было утверждение, что Энгельс к концу своей жизни якобы отказался от основных положений этого учения. Документальный фактический материал уже давно опроверг эти лживые измышления как прямую фальсификацию и клевету. Энгельс, как и Маркс, до конца всей своей жизни боролся за чистоту марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата, ибо в этой чистоте теории он видел залог укрепления и боеспособности революционной партии рабочего класса. В письме к Международному конгрессу студентов-социалистов 19 декабря 1893 г. Энгельс говорит о надвигающейся социалистической революции, причем ставит на совершенно конкретно-практическую почву вопрос о необходимости подготовки рабочим классом кадров своей интеллигенции, своих специалистов, «...потому что дело идет о том, чтобы взять в руки управление не только политической машиной, но и всем общественным производством, и тут вместо звонких фраз понадобятся солидные знания». [43]

Энгельс, таким образом, сам блестяще опровергает оппортунистические вымыслы. Особенно решительно выступил Энгельс против оппортунизма в своей «Критике Эрфуртской программы» (1891), где он, по справедливому замечанию Ленина, прямо боролся с оппортунизмом, повторил определе-

---

[41] Stenographische Berichte über die Verhandlungen der Reichstadt. VIII, Legislaturperiode. I. Session 1890—1891. B. III, S. 1776, 1803 (цит. по журналу «Пролетарская революция», 1934, № 4).

[42] К. Маркс, Избр. произв., т. II, стр. 336, 1938.

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 374.

ние «диктатуры пролетариата», возражая «против иллюзии только мирного, только законного пути» и т. д. [44]

IV. Обоснование теории происхождения и развития государства

Наряду с окончательным выводом о необходимости государства пролетарской диктатуры на всем протяжении перехода к коммунизму Маркс и Энгельс в последний период своей жизни с возможной полнотой определили и общие контуры развития этого государства. К этому же периоду относится и изложение Энгельсом всего марксистского учения о происхождении, сущности и развитии государства. Здесь на первом плане стоят, кроме «Критики Готской программы» Маркса (1875), также такие произведения Энгельса, как «Анти-Дюринг» (1877—1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Людвиг Фейербах» (1888).

Маркс и Энгельс всегда считали, что вопрос об историческом происхождении государства имеет исключительно актуальное значение, что только научное выяснение этого вопроса может доказать правильность материалистической концепции государства, правильность марксистского определения государства как орудия классового господства.

Еще в своих ранних произведениях (например, в «Немецкой идеологии») Маркс и Энгельс непосредственно связывали вопрос о происхождении и сущности государства с вопросом о происхождении и сущности частной собственности, эксплоатации, антагонистических классов. В дальнейшем Маркс и Энгельс всесторонне и глубоко разработали вопрос о происхождении государства, опираясь на огромный фактический, исторический материал. На протяжении нескольких десятков лет в процессе своих занятий экономическими, философскими и политическими вопросами, они собирали и изучали материал по вопросу о происхождении и сущности государства. [45]

---

[44] В. И. Ленин, Марксизм о государстве, 1933, стр. 26.

[45] В этой связи заметим, что большой интерес для выяснения вопроса о предпосылках образования государства и права представляет рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», относящаяся к 1857—1858 гг. и составляющая часть экономических рукописей Маркса (см. журнал «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 150—186). В этой рукописи Маркс проанализировал различные формы собственности — восточную, античную, германскую, феодальную, а также процессы, обусловившие возникновение капиталистического строя. Правда, в 1857—1858 гг. о первобытном обществе было еще мало что известно.

В 1877 г., критикуя Дюринга, Энгельс подробно и убедительно изложил марксистский взгляд на происхождение и сущность государства.

В этом вопросе, как и в других вопросах, Энгельс исходит из опыта общественного развития. «Новейший социализм,— пишет он,— по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой,— над анархией, существующей в производстве». [46]

Обосновывая «теорию насилия», Дюринг противопоставил материалистическому пониманию истории Маркса и Энгельса свою идеалистическую концепцию, согласно которой «форма политических отношений составляет основу истории, экономическая же зависимость есть явление производное или частный случай, а потому всегда остается второстепенным фактором». «Некоторые из новейших социалистических систем,— писал о марксизме Дюринг,— принимая за руководящий принцип бросающиеся в глаза проявления совершенно извращенных отношений, выводят политические учреждения, как бы второстепенные и подчиненные, из отношений экономических. Но хотя эти второстепенные экономические отношения, как таковые, производят, конечно, свое действие и в настоящее время особенно дают себя чувствовать, тем не менее первоначальный фактор надо искать в непосредственной политической силе, а не в косвенном действии экономического могущества». [47] Придавая подобное преувеличенное значение политическому насилию, Дюринг, естественно, выводил такие категории, как частная собственность, государство, право и т. п., исключительно из чисто внешнего насилия, независимо от экономического развития общества, его деления на антагонистические классы и классовой борьбы. Критикуя Дюринга, Энгельс защитил

Тем не менее высказывания Маркса чрезвычайно интересны и поучительны именно в вопросе о предпосылках происхождения государства и права (см. статью М. А. Аржанова в журнале «Советское государство и право», № 5 за 1939 г.). После же того, как начиная с 60-х годов стали появляться работы о первобытном обществе Бахофена, Тейлора, а затем и Моргана («Древнее общество», 1877), Маркс специально занялся изучением вопроса о доклассовом и догосударственном обществе. В конце 70-х — начале 80-х годов он написал даже большую специальную рукопись о первобытном обществе. Эта рукопись была использована Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 17.

[47] Цит. по «Анти-Дюрингу» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 161).

материалистическое понимание истории: «Каждый рабочий-социалист,— писал он,— какой бы то ни было национальности, очень хорошо знает, что насилие только охраняет эксплоатацию, но не создает ее; что отношение капитала и наемного труда является основанием его эксплоатации и что последняя возникла чисто экономически, а вовсе не путем насилия». [48]

Объясняя все социально-экономические явления исключительно насилием, Дюринг видел в этом насилии «абсолютное зло», которое якобы является движущей силой мира. В этом отношении Дюринг по существу повторял ряд высказываний из анархистского арсенала. Он совершенно игнорировал тот факт, что насилие есть не самоцель, а только средство, возможность применения которого обусловлена экономическим состоянием общества, но что, с другой стороны, будучи обусловлено в конечном счете экономическими факторами, насилие может действовать как в интересах экономического развития общества, так и против него, оно может быть революционным и реакционным.

Противопоставляя дюрингианству марксистское понимание исторической роли политического насилия по отношению к экономическому развитию, Энгельс указывал, что всякая политическая сила вначале опирается на экономическую общественную функцию, но затем, по мере первобытной общины, которая делает из общинников частных производителей и еще больше увеличивает расстояние между ними и лицами, управляющими общественными делами, разрастается и приобретает известную самостоятельность. Приобретая же самостоятельность (по отношению к обществу), политическая сила может действовать в одном из двух направлений: «или она влияет в смысле и в направлении законосообразного экономического развития,— в таком случае между нею и этим развитием не возникает никакого противоречия, и экономическое развитие ускоряется,— или она действует вразрез с ним, и тогда, за редкими исключениями, экономическое развитие низвергает ее». [49]

В связи с этим Энгельс подробно развивает приведенное уже выше положение «Капитала» о том, что революционное насилие облегчает муки родов нового общества.

Эту же мысль Энгельс неоднократно высказывал и позднее, в особенности в своих знаменитых письмах 90-х годов, подчеркивая, что хотя государство и определяется в конеч-

---

[48] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 155.
[49] Там же, стр. 185.

ном счете экономическим базисом общества, изменяясь вместе с изменениями последнего, однако оно в свою очередь оказывает на этот базис активное обратное воздействие — положительное или отрицательное.[50] Энгельс, в частности, прямо ставил вопрос о том, что диктатура пролетариата явится тем государством, которое окажет радикальное революционное воздействие на старый экономический базис, на старый строй экономических отношений. Резко выступая против тех, кто пытался отождествить материалистическое понимание истории с так называемым «экономическим материализмом» и приписывал основоположникам марксизма чуждую им теорию сведения всех явлений общественной жизни к одному лишь экономическому фактору и отрицания роли политического фактора, Энгельс спрашивал: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна?» и отвечал, следуя за Марксом: «насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила».[51]

Исторический опыт показал, как правильно было воспринято, развито и успешно применено Лениным и Сталиным марксистское учение о роли экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата и, напротив, насколько далеки были от марксизма все те, кто с пеной у рта утверждал, что социалистическая революция у нас невозможна из-за низкого уровня развития производительных сил, что если революция еще не произошла в странах с высоко развитой экономикой и техникой, то тем менее она сможет победить в России и т. д. Это была троцкистско-меньшевистская контрреволюционная вылазка, направленная к тому, чтобы путем извращения марксизма сорвать победу революции и социалистического строительства в нашей стране, посеять неверие в силы рабочего класса и его революции, в диктатуру пролетариата. Разоблачая меньшевистских контрреволюционеров, Ленин в своей знаменитой статье «О нашей революции» гневно обрушился

---

[50] «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития,— тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих» (из письма Ф. Энгельса к К. Шмидту от 27/X 1890 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 258; см. также письма Ф. Энгельса к К. Шмидту от 5/VIII 1890 г., к И. Блоху от 21—22/IX 1890 г., к Г. Штаркенбургу от 21/I 1894 г. и др.).

[51] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 261.

на это пошлейшее искажение марксизма. Установка Ленина целиком вытекала из учения Маркса и Энгельса о взаимоотношении между экономическим базисом и политической надстройкой (государством). Вся практика социалистической революции, направляемая партией Ленина — Сталина, полностью подтвердила правильность этой установки. Она показала силу влияния диктатуры пролетариата на экономическую структуру общества. Советская государственная власть, находясь в руках рабочего класса, обеспечила бурный рост всех производительных сил страны, победу социалистической экономики и огромные успехи социалистической культуры. Правильность положения, сформулированного Энгельсом в «Анти-Дюринге» и письмах, подтверждена самой жизнью.

Энгельс противопоставил дюринговской концепции происхождения государства и права из внешнего насилия историко-материалистическую теорию происхождения и сущности государства. Дюринг не понимал, что государство возникло лишь на определенном этапе экономического развития общества, что государство есть продукт классовой борьбы, что оно исчезнет вместе с исчезновением деления общества на классы и классовой борьбы. Следуя за Марксом и опровергая Дюринга, Энгельс дает такую картину происхождения государства: «Выделившись первоначально из царства животных,— в тесном смысле,— люди вступили в историю еще в полуживотном состоянии: дикие, беспомощные перед силами природы, не знакомые со своими собственными силами, они были бедны, как животные, и производили немногим больше их. Тогда господствовало известное равенство жизненных условий, а для глав семейств (о существовании рода и родового строя Энгельс еще не знал в это время.— *В. Т.*) — также равенство общественного положения, или, по меньшей мере, отсутствие деления на классы, продолжавшее существовать еще в естественно-выросших земледельческих общинах всех современных культурных народов. В каждой такой общине возникают с самого начала некоторые общие интересы, охранение которых должно быть вверено отдельным личностям, хотя и под надзором всего общества; таковы: решения споров; подавление захватов отдельными личностями излишних прав; надзор за водоемами, особенно в жарких странах; наконец, религиозные функции. Подобных должностных лиц мы находим в первобытных обществах всех времен, как в древнейшей германской марке, так и в современной Индии. Само собою разумеется, что эти лица снабжаются известными полномочиями и зачаточной государственной властью. Постепенно производи-

тельные силы растут; сгустившееся население создает в одном месте одинаковые, в другом — различные интересы между отдельными общинами; их группировка в более крупные вызывает, в свою очередь, новое разделение труда и образование органов для охраны общих и защиты спорных интересов. Эти органы, занимая уже в качестве представителей общих интересов целой группы обособленное, а при известных обстоятельствах даже враждебное, положение по отношению к каждой отдельной общине, вскоре получают еще большую самостоятельность — отчасти вследствие наследственности должностей, почти неизбежно возникающей в том быту, где все складывается само собою, отчасти по причине учащающихся столкновений с другими группами, вызывающих усиленную необходимость в этих органах». [52]

В этом рассуждении Энгельса мы видим уже важнейшие элементы марксистской теории происхождения государства.

Гениальный труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» был написан в 1884 г., т. е. спустя год после смерти Маркса, который начал писать работу на эту же тему, но, к сожалению, не успел ее закончить. «Моя работа,— пишет Энгельс,— может лишь в слабой степени заменить то, что не суждено было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются его подробные выписки из Моргана с критическими замечаниями, которые я в соответствующих местах воспроизвожу здесь». [53] Можно считать поэтому, что «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является в известной мере совместным произведением Маркса и Энгельса.

Значение этой книги очень хорошо определил Ленин в своей «Лекции о государстве», указав, что «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является сочинением, «...в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала». [54] Энгельс блестяще использовал вновь собранный и научно обработанный историко-этнографический и историко-культурный материал для углубления диалектико-материалистического учения о происхождении государства. С полным правом мы можем назвать «Происхождение семьи, частной собственности и государства» сочине-

---

[52] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 181—182.

[53] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Предисловие к 1-му изданию, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 7.

[54] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

нием, сделавшим эпоху и поднявшим марксистское учение о государстве на исключительную высоту. «Для нашего общего мировоззрения,— писал Энгельс Каутскому 26 апреля 1884 г.,— вещь эта, мне кажется, будет иметь особенное значение. Морган позволяет нам установить совершенно новые точки зрения; он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу».[55] И Энгельс не ошибся.

Мы видим, как на протяжении десятилетий создавались отдельные элементы марксистской теории государства — учение о классовой сущности государства, об исторической роли государства и его преходящем характере, о диктатуре пролетариата и т. д. Мы видели экономическое и историческое их обоснование. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» все эти элементы были сведены в стройную научную систему.

Путем замечательного по глубине марксистского анализа фактической истории Энгельс блестяще показал исторически преходящий характер устоев капиталистического общества — частной собственности, классов и т. д. Он разоблачил легенду буржуазных псевдоученых о вечности частной собственности, классов, государства, показав исторические условия, в которых они возникли и при отсутствии которых они должны будут неизбежно исчезнуть, уступив место новому общественному строю — коммунизму.

На основе исследования историко-этнографических данных о родовом быте примитивных народов, о формах семьи и т. д. Энгельс *дополнил* марксистскую концепцию государства новым, важнейшим элементом — *учением о догосударственном обществе*, о формах его организации и о переходе к государственному устройству общества. Он проанализировал пути разложения первобытного бесклассового общества и причины зарождения классов на развалинах родовой организации и обнажил классовые корни происхождения государства как важнейшей организации классового господства, возникающей в результате классовых противоречий. Работа Энгельса еще сильнее обосновывает марксистское положение, которое гласит, что формы государственной и правовой организации общества существуют не извечно, а возникают лишь на определенной ступени его развития, что, возникнув из нужд господствующего класса, стремящегося держать в повиновении подчиненные классы,

---

[55] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 372.

и являясь аппаратом насилия одного класса над другим, государство и право со временем неизбежно превратятся в орудие рабочего класса, орудие диктатуры пролетариата, которая сама будет не чем иным, как переходным периодом к обществу бесклассовому, безгосударственному.

Гениальный труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» имел огромное значение еще и потому, что наносил новый сильный удар по идеалистическим, анархистским и оппортунистическим концепциям государства.

Основное положение этой книги сформулировано в следующих замечательных словах:

«...Государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития, государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». [56]

Анализируя эти слова Энгельса, В. И. Ленин писал в «Государстве и революции», что в них с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и значении государства, которая сводится к признанию государства проявлением непримиримости классовых противоречий. «Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы». [57] Ленин совершенно справедливо далее замечал, что именно по этому важнейшему и коренному вопросу начинается искажение марксизма, которое идет по двум главным линиям: «подправление» марксизма таким образом, что государство определяется как орган примирения классов; игнорирование того, что если государство является

---

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 145.
[57] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 372.

продуктом непримиримости классовых противоречий и силой, стоящей над обществом, отчужденной от него, то «...освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено». [58]

Свои выводы о происхождении и исторической роли государства Энгельс сделал прежде всего на основе данных действительной истории человеческого общества, особенно древнего общества. Энгельс проследил развитие человеческого общества от самых первобытных его ступеней и кончая первыми шагами классового общества с зарождающимся государством. Он использовал большой материал о родовом быте североамериканских ирокезов, греков, римлян, кельтов и германцев, об образовании государства в Афинах, Риме и у германцев.

Литературными источниками послужили Энгельсу работы Л. Моргана и Бахофена. Но Энгельс не ограничился этими работами. Он привлек также новейшие исследования Мак-Леннана, положения которого подверг основательной критике, Ковалевского и др., а также древние свидетельства Цезаря, Тацита, данные лингвистики, мифологии, эпос Гомера и т. д.

Анализ всего этого материала показал Энгельсу, что выяснение сущности догосударственного строя и его перехода в государственную организацию даст возможность вскрыть и самую природу государства наиболее убедительным образом.

В своей работе Энгельс показал, что общественное устройство, основанное на родовой организации, было подлинно безгосударственным устройством, так как ни в народных собраниях, ни в должностных лицах еще никак нельзя было усматривать органов государственной власти в современном смысле. Это были чисто общественные органы первобытной демократии, значение которых основывалось на их авторитете, а не на каких-либо атрибутах принуждения. Государство же, говорит Энгельс, предполагает отделенную от всей массы составляющих его членов особую публичную власть. Такой особой публичной власти в первобытном обществе не было. Здесь должностные лица и общественные органы не отделены от народа, а теснейшим образом связаны с ним и являются его составной частью. Этого-то и не понимают всевозможные буржуазные теоретики государства и критики марксистского учения о государстве, которые, «опровергая» Маркса и Энгельса, усматривали отличительный признак государства в наличии принудительной власти и забывали, что

[58] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 373.

«...принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было».[59] Принудительная власть существовала и в первобытном обществе, но она не была еще властью государства, т. е. организации, оторванной от всего общества, стоящей над ним, ибо, как показал Энгельс, в этом не было тогда никакой надобности.

Однако с разложением первобытно-общинного строя родовая система все более приходила в противоречие с новыми экономическими условиями и неизбежно должна была распасться. Постепенно она разрушается, и ее заменяет государство.

Государство, по Энгельсу, отличается от старого родового строя следующими основными признаками:

1. Подданные государства делятся не по кровному родству, а по территориальному принципу, который дает гражданам возможность «...осуществлять свои права и обязанности там, где они поселялись, не считаясь с их принадлежностью к тому или другому роду или племени».[60]

2. Учреждается общественная власть, обособленная от населения и обладающая собственной вооруженной силой, заменившей всеобщее вооружение народа, бывшее раньше, а также тюрьмами и другими принудительными учреждениями, которые не были известны родовому строю. «Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве; она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому обществу».[61] Ленин, как известно, обращал особое внимание на эти слова Энгельса, подчеркивая, что Энгельс развертывает самое понятие государства, показывает его не абстрактно, а конкретно, как определенную машину, сила которой заключается в ее «винтиках», элементах, т. е. в армии и всякого рода принудительных учреждениях. Именно так же подходит к рассмотрению вопроса о государстве и товарищ Сталин.

3. Вводятся налоги, необходимые для содержания общественной власти. Налоги, говорит Энгельс, были совершенно неизвестны родовому обществу.

4. Вместе с общественной властью и налогами появляются чиновники, для укрепления авторитета которых создаются исключительные законы, охраняющие неприкосновен-

---

[59] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 291.
[60] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 145—146.
[61] Там же, стр. 146.

ность чиновника, ставящие его над обществом. «Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового строя, им уже недостаточно, даже если бы они могли это уважение завоевать; носители обособившейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они становятся особо священны и неприкосновенны». [62]

Такова нарисованная Энгельсом картина происхождения государства. Оторвавшись от общества, превратившись в силу, стоящую над обществом, государство вместе с тем остается в руках господствующего в обществе класса как его главное орудие. «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплоатации угнетенного класса». [63] Эту же мысль Энгельс выразил в более позднем своем произведении, в «Людвиге Фейербахе» (1888), где писал: «Государство является первой идеологической силой, подчиняющей себе людей. Общество создает орган для защиты своих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть. Едва возникнув, она старается стать в независимое отношение к обществу и тем более успевает в этом, чем более она является органом одного какого-нибудь класса и чем более она поддерживает господство этого класса». [64] Мы видим, таким образом, что Энгельс, исследуя на основе новейших научных данных исторический процесс, вновь подтверждает революционно-материалистический вывод марксизма о соотношении между обществом и государством, о классовой сущности государства, показывая вместе с тем самый процесс образования государства.

Разумеется, что эта марксистская, а следовательно, подлинно научная концепция государства самым решительным образом подрывала все устои буржуазного государствоведения, стремившегося затушевать подлинную природу государства, его классовую сущность.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс более подробно, чем в других произведе-

[62] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 146—147.
[63] Там же, стр. 147.
[64] Там же, т. XIV, стр. 672—673.

ниях, обосновал марксистское учение о типах государства и формах государственного строя.

На основе фактического исторического материала он показал, что каждая общественно-историческая формация, развив до конца свои материальные ресурсы и свойственные ей общественные формы, неизбежно заменяется другой, высшей ступенью, что в свою очередь ведет к смене политических форм, к замене одного типа государства другим, одной системы права — другой. Энгельс показал вместе с тем, что в обществе, которое покоится на частной собственности и эксплоатации, каждый из типов государства продолжает быть типом эксплоататорского государства. «Так,— пишет Энгельс,— античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных крестьян, а современное представительное государство (т. е. буржуазное государство.— *В. Т.*) есть орудие эксплоатации наемного труда капиталом». «Кроме того, в большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего класса. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на классы по имуществу. Так было и в средневековом феодальном государстве, где политическое положение определялось размерами землевладения. Это находит выражение в избирательном цензе современных представительных государств». [65]

Буржуазное государство Энгельс рассматривает как орудие эксплоатации рабочего класса капиталистами. Поэтому освобождение рабочего класса возможно только в борьбе с этим государством. Началом этой борьбы является использование рабочим классом буржуазной демократии с ее всеобщим избирательным правом, ее высшей точкой — пролетарская революция. По мере того как рабочий класс «...созревает для своего освобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, для них, как и для капиталистов, ситуация будет ясна». [66]

---

[65] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 147—148.
[66] Там же, стр. 148.

Оппортунисты заявляли, что впоследствии Энгельс якобы от этой точки зрения отказался, что его введение к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции», написанное в 1895 г. и названное ими «политическим завещанием», свидетельствует об «отходе» Энгельса от революционных позиций и т. п. При этом они ссылались на отсутствие в введении самого термина «диктатура пролетариата», на содержавшуюся в введении характеристику значения всеобщего избирательного права для рабочих, возможности использования рабочими государственных учреждений, в которых буржуазия организует свое господство, и т. д. Да, действительно, Энгельс об этом писал.[67] Но писал лишь в том смысле, в каком он и Маркс всегда говорили о необходимости использования пролетариатом легальных возможностей в борьбе с буржуазным государством. Означало ли это, что Энгельс отказался от революции и диктатуры пролетариата, как хотели представить это оппортунисты? Отнюдь нет. И в этой своей работе Энгельс подчеркнул огромное значение опыта Парижской Коммуны для рабочего движения.[68] Как бы предвидя возможность искажения, он специально делает оговорку, сущность которой заключается в том, что он отчетливо видит неизбежность насильственной пролетарской революции.[69]

Период от Парижской Коммуны до 1895 г. характерен не только тем, что Маркс и Энгельс обобщили и обосновали свое учение о происхождении и природе государства, обобщили опыт Парижской Коммуны как прообраза государства пролетарской диктатуры, вновь подтвердили незыблемость идеи диктатуры пролетариата как переходного периода от капитализма к коммунизму. Он характерен также и тем, что именно в этот период основоположники научного коммунизма полностью изложили свое представление о путях развития государства, об условиях его отмирания.

Еще в «Критике Готской программы» Маркс разъяснял, что коммунистическое общество, строительство которого начинается после пролетарской революции, делится на две главные фазы: первую, или низшую (социализм), и вторую, или высшую (собственно коммунизм). При переходе к социализму приходится иметь дело не с таким обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит из капиталистического общества и которое поэтому сохраняет еще «родимые пятна» старого общества, из недр которого оно вышло. Одним из таких «пя-

---

[67] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 475.
[68] Там же, стр. 473.
[69] Там же, стр. 482.

тен» является так называемое равное право (распределение продуктов на основе эквивалентного товарообмена по принципу: за равное количество труда — равное количество продуктов), которое, поскольку оно применяется к различным людям и, следовательно, предполагает неравенство, сохраняет внешнее сходство с буржуазным правом, хотя и принципиально от него отлично как по содержанию, так и по форме. Отличие заключается в том, что при переходе к социализму и при социализме принцип эквивалентности полностью осуществляется на практике, гарантируется государством и его законами, тогда как в капиталистическом обществе этот принцип противоречит практике и имеет исключительно формально-иллюзорный характер, ибо подчинен господствующей здесь экономической норме — закону присвоения прибавочной стоимости, являющемуся основой капиталистической эксплоатации. Однако неравенство, хотя сущность его в обоих случаях уже совершенно различна, сохраняется не только при капитализме, но еще и на низшей фазе коммунизма. Именно это внешнее сходство и имел в виду Маркс (а впоследствии и Ленин), когда писал о сохранении «узкого горизонта буржуазного права» на первой фазе коммунизма и о его полном преодолении на высшей фазе коммунизма, когда «...общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям». [70]

Отсюда вывод: поскольку на низшей фазе коммунизма остается еще неравенство в распределении продуктов и других средств потребления, неизбежно сохраняется еще необходимость определения регулирующих юридических норм. Но с достижением высшей фазы коммунизма (имелась в виду окончательная победа коммунизма), когда каждый член общества получает в личное потребление по своим потребностям, когда окончательно ликвидированы классы и классовые различия, надобность в этих юридических нормах и государственных органах отпадает: государство и право отмирают.

Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в «Анти-Дюринге», где, излагая ее, Энгельс отвечал не только Дюрингу, но и анархистам, требовавшим немедленной отмены государства, а также лассальянцам, преклонявшимся перед государством.

«Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении,— писал Энгельс,— когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и наси-

---

[70] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 275; см. также В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 433—441.

лия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества,— обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-по-малу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно отмирает. Отсюда можно видеть, какой смысл имеет фраза: «свободное народное государство», пригодная для временных агитационных целей, но неудовлетворительная в научном отношении; отсюда же можно судить о требованиях так называемых анархистов относительно уничтожения государства чуть ли не в 24 часа».[71]

Эта, по выражению товарища Сталина, классическая формула теории развития социалистического государства[72] крайне важна во многих отношениях.

Во-первых, здесь отчетливо подчеркивается положение марксизма, что существование государства органически связано с существованием антагонистических классов и классового общества вообще.

Во-вторых, положение Энгельса об отмирании государства имеет в виду не всякое государство, а только социалистическое государство. Буржуазное государство не отмирает (как пытались изобразить дело оппортунисты, искажая в угоду буржуазии формулу Энгельса), его уничтожают. «Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожает-

---

[71] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 284. См. также «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где Энгельс пишет: «Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 149).

[72] См. И. В. Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), раздел III, п. 4.

ся» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство».[73] Отмирает, следовательно, социалистическое государство на высшей фазе коммунизма, когда в человеческом обществе нет уже классов, нет классовой борьбы и классовых столкновений.

В-третьих, свою формулу об отмирании государства Энгельс направляет непосредственно против идейных противников марксизма — анархистов и особенно оппортунистов, в частности, против их лозунга «свободного народного государства», выражающего «подкрашивание буржуазной демократии».[74]

Мы видим, таким образом, что, начиная от «Немецкой идеологии», где впервые была высказана мысль о неизбежности в конечном счете исчезновения государства, и до «Анти-Дюринга» (и далее — до «Происхождения семьи, частной собственности и государства»), проходит прямая линия развития одного из важнейших теоретических положений марксизма — о преходящем характере государства, об отмирании государства при коммунизме.

Формула Энгельса была и остается незыблемой, поскольку она имела в виду неизбежность отмирания государственности в результате победы коммунизма во всех странах мира или в большинстве стран, поскольку Энгельс рассматривал вопрос, исходя из правильной для того времени теории марксизма о невозможности победы социализма в одной стране, окруженной капиталистическими странами. Товарищ Сталин следующим образом определяет исходные положения формулы Энгельса: «Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил более или менее одновременно во всех странах или в большинстве стран. Следовательно, Энгельс исследует здесь не то или иное конкретное социалистическое государство той или иной отдельной страны, а развитие социалистического государства вообще при допущении факта победы социализма в большинстве стран — по формуле: «допустим, что социализм победил в большинстве стран, спрашивается — какие изменения должно претерпеть в этом случае пролетарское, социалистическое государство». Только этим общим и абстрактным характером проблемы можно объяснить тот факт, что при исследовании вопроса о социалистическом государстве Энгельс совершенно отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка.

Но из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма

---

[73] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 380.
[74] Там же, стр. 381.

в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение...» [75]

Общий и абстрактный характер постановки Энгельсом вопроса об отмирании социалистического государства объясняется тем, что тогда еще не было материала для более конкретной постановки этого вопроса. Маркс и Энгельс располагали материалом, достаточным для того, чтобы сформулировать свой классический, вполне научно обоснованный вывод о неизбежности отмирания государства в условиях окончательно победившего коммунизма. Но они не располагали материалом (ибо тогда такового еще не было), достаточным для научного освещения вопроса о конкретных путях развития социалистической государственности. Маркс следующим образом ставил этот вопрос в «Критике Готской программы»: «...какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, останутся еще и там? На этот вопрос можно ответить только научно». [76] «У Маркса,— писал Ленин,— нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется». [77] Об этом же сказал товарищ Сталин: «Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45—55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем». [78]

Маркс и Энгельс в процессе развития своего учения о государстве с 1871 по 1895 г. вновь подтвердили и обосновали сделанный ими раньше вывод о неизбежности диктатуры пролетариата и о необходимости слома старой буржуазной государственной машины, разоблачили антипролетарскую сущность анархистской теории немедленной отмены всякого государства и оппортунистической теории «свободного народного государства», изложили своё учение о происхождении и сущности государства, дали общую формулу пролетарской социалистической государственности, предуказали общее направление ее развития в условиях перехода к высшему и совершенному устройству человеческого общества — к коммунизму.

---

[75] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 603.
[76] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 283.
[77] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 428.
[78] И. В. Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 603.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая

ГЕНЕЗИС МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

I. Краткая характеристика исторической обстановки 5
II. Взгляды Маркса на государство до 1844 г. 9
III. Взгляды Энгельса на государство до 1844 г. 37
IV. Маркс и Энгельс о государстве в 1844—1845 гг. Учение об обществе, классах, государстве и революции 41
V. 1846—1847 гг. Критика буржуазной «теории» государства Карла Гейнцена 51

Глава вторая

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО И ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД ОТ КАНУНА РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

I. Канун революции 1848 г. Ленин о влиянии революционной ситуации на развитие взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о государстве 56
II. Провозглашение лозунга борьбы против эксплоататорской государственности, за диктатуру пролетариата программным требованием научного коммунизма 57
III. Опыт революционных 1848—1851 гг. и его значение для развития марксистской теории государства и диктатуры пролетариата 70
IV. Борьба Маркса и Энгельса против псевдосоциалистических «теорий» государства Лассаля 73
V. Обоснование марксистской теории государства и диктатуры пролетариата в «Капитале» Маркса 78

Глава третья

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО И ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД 1871—1895 гг.

I. Опыт Парижской Коммуны 1871 г. и его влияние на развитие марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата 91
II. Усиление борьбы Маркса и Энгельса против анархизма в вопросе о государстве 101
III. Критика буржуазно-оппортунистической идеи «свободного народного государства» и защита идеи диктатуры пролетариата 110
IV. Обоснование теории происхождения и развития государства 115

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *И. М. Кантор.* Технический редактор *М. Л. Темерлин*
Корректор *М. С. Тепер.* Обложка художника *Л. С. Эрмана*

РИСО АН СССР. № 2996. А-12251. Издат. № 1470. Тип. заказ № 981.
Подп. к печ. 4/XII 1948 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 8¼. Уч.-издат. 7¼.
Тираж 7000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЕ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
70	16 св.	социалистических	„социалистических“

Цена 7 руб.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ГОСУДАРСТВО